

ЦЕНЗУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЩЕДРИНЕ

Предисловие В. Евгеньева-Максимова

Публикация Н. Выводцева, В. Евгеньева-Максимова, И. Ямпольского*

I

Если верить некрасовскому Минаю (см. стихотворение «О погоде»), Пушкин при виде исчерканных красным цензорским карандашом корректур горестно восклицал: «Эта кровь, кровь моя проливается»... Этот же образ рисует Салтыков в одном из последних своих произведений («Мелочи жизни»), подводя итог тому, что он претерпел от цензурных охранителей: «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый ад душевный. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок»... И далее: «Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный, вредный»...

Подобных высказываний у Салтыкова содержится не мало. Удивляться этому конечно не приходится. Цензура сыграла в его литературной деятельности и жизни значительную роль. Все этапы писательской деятельности Салтыкова неизменно характеризуются неимоверно ожесточенным преследованием его произведений цензурой, которая все усилила придавала к тому, чтобы «заградить уста» ненавистному писателю, чтобы вырвать из его рук «ювеналов бич» или хотя бы ослабить его свистящие удары. В результате многого Салтыкову не дали сказать или заставили сказать не так, как он того хотел¹.

Однако рассматривать вопрос о роли цензуры в жизни Салтыкова только в личном плане было бы едва ли правильно. Пусть благодаря цензуре, этому ярчайшему воплощению «гнусной расейской действительности», оказалась исковерканной его личная жизнь. Ожесточение цензуры против Салтыкова нельзя не признать в известном смысле закономерным. В чем заключалась политическая функция цензуры в эпоху Салтыкова? В последовательной борьбе против тех деятелей литературы, которые видели свою миссию в критике, разоблачении и тем самым в подрыве устоев крепостнически-полицейского государства. А между тем в семье русских классиков XIX века нет ни одного, кто «подрывал бы основы» этого государства с большими энергией, настойчивостью да пожалуй успехом, чем революционно-демократический писатель Салтыков-Щедрин.

Он начал свое литературное служение с обличения бюрократизма, этой характернейшей особенности тогдашней государственности, и пережитков феодального строя, столь ярко проявившихся в форме еще не отмененного крепостного права. Впоследствии, по мере того как у передовых элементов русского общества зрело убеждение, что напрасно было бы ждать действительной защиты интересов широких масс, прежде всего крестьянства, от якобы либерального правительства Александра II,— отрицание его распространяется на половинчатые и грабительские в отношении крестьянства реформы 60-х

* Материалы, публикуемые в отделах IV—V, найдены и комментированы И. Г. Ямпольским; в отделе XIV—В. Е. Евгеньевым-Максимовым, в остальных отделах—Н. М. Выводцевым.

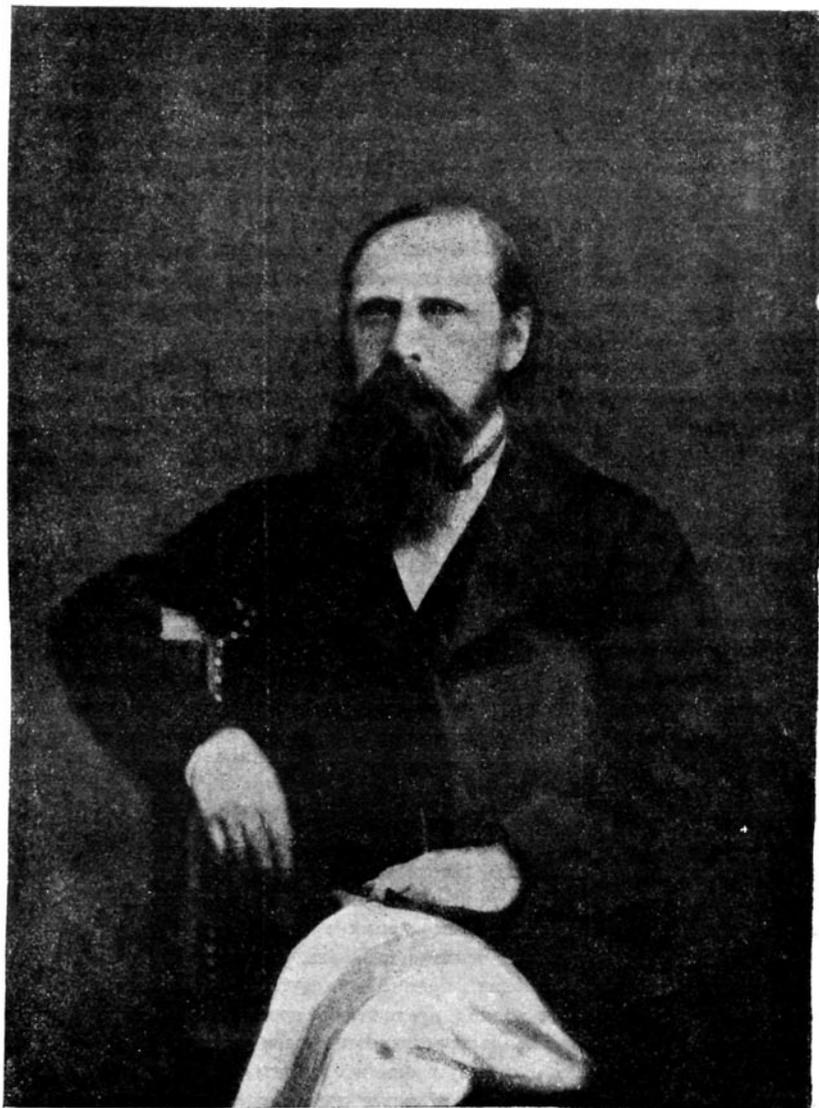
годов. Бюрократы новейшей формации, все эти «помпадурсы» и «ташкентцы», вызывают с его стороны не менее беспощадное обличение, чем бюрократы «доброго старого времени». Ранее очень и очень многих заметил Салтыков пришествие «чумазаго», т. е. молодой, но одаренной чрезвычайным аппетитом российской буржуазии, и подверг ее представителей жестокому бичеванию. Вглядываясь в современное ему общество, «образованное меньшинство», как тогда принято было выражаться, Салтыков не только стал заклятым врагом его реакционных элементов, формировавшихся главным образом из рядов дворянства и бюрократии, но вел неизменную и напряженную борьбу по разоблачению двоедушных и трусливых российских либералов, в рядах ли сословного земства, в рядах ли газетчиков-пенкоснимателей. Говоря об «образованном меньшинстве», он не щадил и свое поколение, «людей сороковых годов» с их бесплодным эстетизмом, безволием, с их неспособностью от слов перейти к делу. «Лишних людей» он с присущей ему резкой прямоотой называл «вредными людьми». К «народу», «мужику» Щедрин относился с суровой презрительностью. Элементы славянофильского сентиментализма, имеющиеся в «народных сценах» «Губернских очерков», весьма скоро сменились жесткой критикой отрицательных сторон народного характера. Щедрин подчеркивал пассивность, вековую приниженность рабства, благодаря которым массы оказывались неспособными к сколько-нибудь активному протесту, к сколько-нибудь энергичной защите своих попираемых и правительством, и привилегированными классами интересов.

И неудивительно, что величайший враг старого порядка, какого только знала русская действительность эпохи Салтыкова, писал о литературном дебюте этого последнего: «Ни у кого из предшествовавших Щедрину писателей, картины нашего быта не рисовались красками более мрачными. Никто не карал наших общественных зол с большею беспощадностью... В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины» (Н. Г. Чернышевский).

То, что для Чернышевского было величайшею заслугой Салтыкова, — с точки зрения охранителей, в частности цензоров, являлось его непростительным грехом...

В своем странном, упорном, последовательном стремлении преодолеть цензурные рога Салтыков должен был прибегнуть к тому средству, которое, несмотря на свои заведомо отрицательные и даже мучительные стороны, все же оставалось единственным и незаменимым для легального писателя. Это средство — пресловутый «эзоповский язык», благодаря которому даже в период наибольшего угнетения печатного слова русскими писателям нет-нет, да и удавалось проводить в своих произведениях контрабанду вольных идей и мыслей. Салтыков — один из лучших, если не лучший мастер эзоповского языка, который в значительной степени определяет собой его литературную манеру. Со свойственной ему суровой прямоотой Салтыков говорит об этом в «Круглом годе» (1879): «Моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним и множество других шло по его следам. Эта манера изложения конечно не весьма казиста, но она составляет оригинальную черту очень значительной части произведений русского искусства, и я лично тут ровно не при чем. Иногда, впрочем, она и не безвыгодна, потому что благодаря ее обязательности писатель отыскивал такие пояснительные черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в памяти читателя. А сверх того благодаря той же манере писать приобретает возможность показывать некоторые перспективы, куда запросто и с развязностью военного человека войти не всегда бывает удобно. Повторяю: эта манера несомненно рабья, но при соответственном положении общества вполне естественная и изобрел ее все-таки не я. А еще повторяю: она нисколько не затемняет моих намерений, напротив, делает их общедоступными».

«Рабья манера» — это конечно горькое признание. Однако благодаря ей Салтыкову все-таки удавалось высказываться об очень многом, пусть в форме несколько затемненной, завуалированной, но все же доступной пониманию сколько-нибудь вдумчивого чи-

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ПЕДРИН)

Фотография 1870-х гг.

Институт Русской Литературы, Ленинград

тателя. О многом — не значит обо всем. Целый ряд тем — в этом разумеется не приходится сомневаться — оставался для Салтыкова запретным. А насколько сильна была в иных случаях потребность их коснуться — об этом можно судить хотя бы по немногим дошедшим до нас «рескриптам Николая Павловича к Поль де Коку»² «Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура» — эти слова Добролюбова³ с не меньшим основанием могут быть отнесены и к Салтыкову. Трудно себе даже представить, до каких высот «горечи и злости» мог бы дойти «великий сатирик земли русской», будь он свободен от необходимости взвешивать каждое свое слово, чтобы не раздражить аргусов из цензурного комитета. Ведь даже письма Салтыкова, в которых он давал себе несравненно большую волю, чем в подготовляемых для печати произведениях, писались им, как и всеми его современниками, с оглядкой если не на цензуру, то на присяжных перлюстраторов в голубых мундирах⁴.

Изложенное позволяет утверждать, что вопрос о цензурных мытарствах Салтыкова имеет отнюдь не узко биографическое значение. Это один из общих вопросов салтыковского творчества, и каждый сколько-нибудь серьезно интересующийся этим последним должен быть осведомлен хотя бы о главных эпизодах полувековой борьбы Салтыкова с цензурой.

Напомнить об этих эпизодах и является целью предлагаемой вниманию читателей работы, вслед за которой печатается ряд новооткрытых цензурных материалов по Салтыкову.

* * *

Нет надобности доказывать, что борьба Салтыкова с цензурой не может рассматриваться иначе, как в теснейшей связи с общим ходом классовой борьбы его времени. Совершенно ясно, что и Салтыков в своих сатирических выпадах против различных сторон русской жизни исходил от определенной классовой психоидеологии, и цензура в своем упорном стремлении «заградить ему уста» являлась не более как исполнительницей воли «пославшего ее», т. е. господствующих классовых групп. Этим и объясняется, что наиболее горячие схватки Салтыкова с цензурой, из которых ему всегда почти приходилось выходить с более или менее тяжелым уроном, падают на те периоды в истории русской общественности, когда классовая борьба принимала особо обостренный характер.

Одним из таких периодов бесспорно следует признать 40-е годы, главным образом их вторую половину. Прогрессирующий рост хлебного вывоза, быстрые темпы в развитии фабрично-заводской промышленности, возбужденное настроение крестьянских масс и как следствие этого настроения частые вспышки крестьянских «бунтов» усиливали оппозиционные настроения среди передовых кругов буржуазно-дворянской и разночинной интеллигенции. Создалась такая обстановка, при которой даже «твердокаменный» император Николай Павлович, принимая депутацию смоленских дворян, счел себя вынужденным высказаться против крепостного права; такая обстановка, при которой имели успех и пользовались распространением идеи утопического социализма, широким потоком проникавшие в русскую жизнь и литературу из Франции. Им, как известно, отдал дань и юный Салтыков в своих повестях «Противоречия» и в особенности «Запутанное дело». В последнем, клеймя организацию современного общества с ее неравномерным и несправедливым распределением жизненных благ, автор договорился до того, до чего не договаривались стоявшие на стороне мирного разрешения социальной проблемы Фурье и Сен-Симон, договорился до утверждения, что бедняки только тогда будут «сыты», только тогда им будет «очень весело» жить, когда убьют «жадных волков» (убьют «всех до одного... ни одного не останется»), пожирающих все продукты на рынке и заставляющих их голодать (сон Мичулина). Известен комментарий к «Запутанному делу», содержащийся в одном из писем П. А. Плетнева к Я. К. Гроту. Он краток, но выразителен: «...тут ничего больше не доказывается, как необходимость гильотины для всех богатых и знатных». Пусть даже Плетнев несколько преувеличивает, — ведь «у страха глаза велики!» — однако нель-

зя отрицать, что «Запутанное дело» — один из наиболее ярких памятников политического и социального радикализма, какие только знает легальная русская печать 40-х годов. Появление этой повести Салтыкова в печати в № 3 «Отечественных Записок» 1848 г. совпало с небывало высоким подъемом реакционной волны, вызванным испугом царского правительства перед февральской революцией во Франции. Отсюда особое внимание, уделенное «Запутанному делу» грозным Меншиковским комитетом, призванным обривизовать деятельность обычных цензурных инстанций, а вслед за ним и военным министром князем Чернышевым, в канцелярии которого служил Салтыков. В отношении Чернышева в III Отделении вина Салтыкова как автора «Противоречий» и «Запутанного дела» была формулирована в следующих чрезвычайно одиозных выражениях: «Как самое содержание, так и все изложение сих повестей обнаруживает вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие». Насколько опасным преступником признавался Салтыков Николаем I, который, кстати сказать, был хорошо осведомлен в его деле, об этом можно судить и по стремительности его ссылки в Вятку, и по тому упорству, с которым царь отклонял неоднократно возбуждавшиеся ходатайства родителей Салтыкова о смягчении его участи.

Ссылка в далекую захолустную окраину на целые семь лет прервала литературную деятельность Михаила Евграфовича. Она возобновилась лишь в 1856 г., когда в «Русском Вестнике» Каткова начали печататься «Губернские очерки». Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях («Из воспоминаний прошлого», т. II, стр. 152) утверждает, что при прохождении через цензуру это произведение встретило чрезвычайные затруднения: «...в Петербурге провести их почти не представлялось возможности»; в Москве же «Очерки» удалось напечатать лишь благодаря известному своим либерализмом цензору Крузе, «хотя с треть в с е т а к и б ы л о в ы к и н у т о». Это последнее утверждение Пантелеева вызывает серьезные сомнения⁵. Тем не менее совершенно очевидно, что цензура сильно пощипала данное произведение Салтыкова, тем более очевидно, что, если бы Салтыков писал его без оглядки на цензурные требования, краски его были бы еще ярче, а впечатление от него еще сильнее.

Как бы то ни было, никаких документальных данных о прохождении «Очерков» через цензуру ни в то время, когда они печатались в «Русском Вестнике», ни в то время, когда они выходили отдельными изданиями, в нашем распоряжении покамест не имеется. Единственно, чем мы располагаем, — это рядом отзывов театральной цензуры, относящихся к переделкам для сцены отдельных рассказов данного цикла. Из этих еще не появлявшихся в печати отзывов⁶ явствует, что власть признавала «Губернские очерки» в их большей части решительно недопустимыми для театра. Характерно в этом отношении замечание цензора Нордстрема: «...обыкновенное чтение этих рассказов грустно, слышать же их со сцены должно быть еще безотраднее» (в отзыве о сцене Н. Щедрина «Прошлые времена — рассказ подъячего», запрещенной в декабре 1856 г.). «Простители. Провинциальные сцены, соч. Н. Щедрина» были запрещены целых три раза: в октябре 1857 г., в январе 1862 г. и наконец в апреле 1866 г. Нельзя не отметить, что большинство репрессий театральной цензуры против переделок «Губернских очерков» принималось при непосредственном участии и, надо думать, не без давления управляющего III Отделения генерала-адъютанта А. Е. Тимашева.

По мере того как промышленно-капиталистические отношения все резче и резче вторгались в народнохозяйственный и идейно-психологический уклад страны, классовая дифференциация русского общества сказывалась все явственнее и явственнее. В соответствии с этим и напор цензуры на писателей оппозиционного направления становился все более и более ощутительным. На исходе 50-х годов, когда уже рабстали не только губернские комитеты, но и редакционные комиссии, недоброжелательное внимание цензуры было привлечено к целому ряду произведений Салтыкова. Салтыков, в это время постепенно уже отрешавшийся от юношеского утопизма и «кратковременного славянофильства», шел сложным и зигзагообразным, но верным путем от либерализма к революционному демократизму. К началу 1859 г. относится беспримерное даже в летописях многостра-

дальней русской печати изуродование цензурой одного из лучших рассказов Салтыкова «Развеселое житье»⁷, в котором, надо думать, был усмотрен намек на то, что терпение мужика и его покорность власти помещиков имеют свои границы. Несколько позже была запрещена пьеса «Съезд» (по всей вероятности это та самая пьеса, которая была названа впоследствии «Соглашение»). Документальных данных о мотивах этого запрещения еще не найдено, но об них дает яркое представление тот факт, что через 50 лет (sic!), в 1911 г., «Соглашение» было запрещено к постановке на сцене на основании отзыва цензора Реброва, заявившего, что в этой пьесе «автор рисует противодействие дворян реформе 19 февраля», а потому-де она «возбуждает неудовольствие одного сословия против другого»⁸.

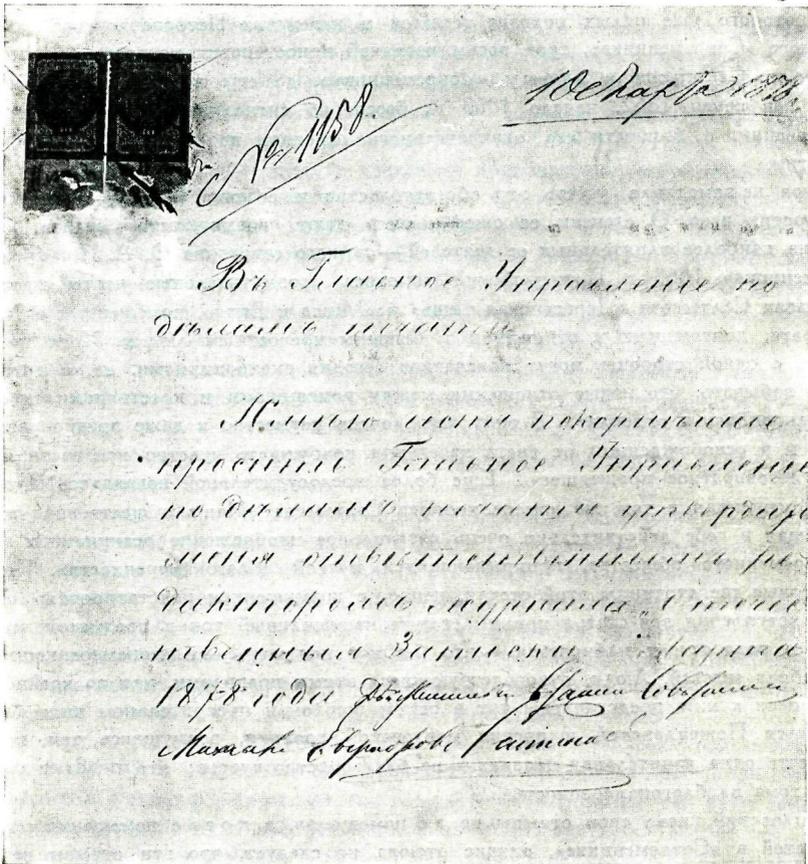
Предназначенная для «Московских Ведомостей» и относящаяся к самому началу 1860 г. публицистическая статья «Еще скрежет зубовой»⁹ вовсе была запрещена цензурой, запрещена в двух инстанциях — сначала в Московском цензурном комитете, а затем и в Главном управлении цензуры, куда вздумал было жаловаться автор. Репрессия эта, согласно официальной мотивировке комитета, была вызвана тем, что означенная статья «содержит описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формой законности». Член Главного управления цензуры Берте, бывший докладчиком по этому делу, поддерживая точку зрения комитета, с своей стороны добавил: «тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры».

Приведенные нами ссылки на соответствующий документальный материал, а число этих ссылок при желании легко было бы увеличить, свидетельствуют, что главной мишенью цензурного обстрела служили те произведения Салтыкова, в которых он касался взаимоотношений помещиков и крестьян, неизменно отстаивая интересы последних. Лейтмотивом целого ряда статей и очерков М. Е. этих лет, точно так же как и лейтмотивом его административной деятельности в Рязани, являлось следующее, не лишённое эмоциональности его заявление: «Я не дам в обиду мужика! Будет с него, господа... Очень, слишком даже будет» (см. статью Г. А. Мачтета «М. Е. Салтыков в Рязани», «Газета Гатсука» 1890 г., №№ 16 и 17).

Хотя эти слова Салтыкова и дали повод одному из провинциальных остряков назвать его, вместо «вице-губернатора» «вице-Робеспьером», однако в «робеспьерстве», т. е. в четких и последовательных революционных установках, Салтыков начала 60-х годов все же едва ли повинен. Он шел, как было упомянуто выше, от либерализма к революционному демократизму, но еще не пришел к нему окончательно. Любопытно, что во всеподданнейших докладах министра народного просвещения Е. П. Ковалевского за 1859 г. несколько раз упоминается, и упоминается в сочувственном тоне, имя Салтыкова: первый раз в докладе от 18 марта в связи с помещением в «Современнике» «Развеселого житья» («рассказ весьма замечателен по глубокому знанию русского человека, которого нравственный облик часто не изглаживается при развратнейшем образе жизни»), второй раз в докладе от 31 июня в связи с помещением в «Русской Беседе» рассказа «Госпожа Падейкова» («остроумная эта карикатура набросана со свойственным Щедрину талантом»). Само собой разумеется, что министерские похвалы «Развеселому житью» сделались возможными лишь после того, как цензура, находившаяся в ведении того же Ковалевского, вытравила из текста рассказа несколько наиболее ярких эпизодов и «смягчила» целый ряд «предосудительных мест». Таким образом трудно решить, кого собственно хвалил в данном случае министр — автора или же своих чиновников, столь потрудившихся над «Развеселым житьем». Тем не менее вряд ли можно отрицать, что в 1859 г. — период, который повелось называть «медовым месяцем русского прогресса», — имя Салтыкова, по крайней мере в глазах той части бюрократии, которая еще не перестала играть в либерализм, не было особенно одиозным.

Проходит два-три года, и положение существенным образом меняется. «Реформа» 19 февраля 1861 г. послужила к новому обострению классовой борьбы, которая с неслабым ожесточением велась и на литературно-журнальном фронте.

1862 год принсс Салтыкову, вышедшему в начале года в отставку с тем, чтобы целиком посвятить себя литературе, во-первых, отказ в разрешении издавать затеянный им журнал «Русскую Правду»¹⁰ и во-вторых, запрещение цензурой двух замечательных его очерков — «Каплуны» и «Глуповское распутство». О них известно, что они поступили в цензуру в апреле 1862 г., сначала подверглись процессу жестокого цензорского вымарывания, затем, по усиленному настоянию Н. Г. Чернышевского, были разрешены к печати, но в конце концов после вмешательства некоторых сановных

ЗАЯВЛЕНИЕ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ
ОТ 10 МАРТА 1878 г. ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЕГО (ПОСЛЕ СМЕРТИ НЕКРАСОВА)
ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Ленинградское отделение Центрархива

бюрократов бесповоротно запрещены. Удивляться этому конечно не приходится: основной темой «Каплунов» и «Распутства», предназначавшихся повидимому служить завершением цикла «Сатир в прозе», являлись разложение дворянской цивилизации и грозное нарастание активности народных масс. Не забудем, что В. И. Ленин как-раз об этих годах в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское движение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций,

возбуждение крестьянских масс, которых очень часто приходилось с помощью военных сил и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, студенческие беспорядки,—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание опасностью весьма серьезной». Удивительно ли после этого, что цензурная практика, несколько смягчившаяся в начале 60-х годов, стала приобретать все более и более репрессивный характер?

И вот в это грозное и тревожное время Салтыков теснейшим образом примыкает к редакционному кругу «Современника», того самого «Современника», идейный вдохновитель которого уже целых полгода томился в казематах Петропавловской крепости, того самого «Современника», срок восьмимесячной приостановки которого еще не истек. Приобщение Салтыкова к этому «Современнику», да еще в такой исключительный момент, как конец 1862, начало 1863 г., бесспорно сигнализировало о значительном его полевении, о близости его окончательного перехода на позиции революционной демократии.

Цензура не замедлила учесть это обстоятельство и с новой энергией повела свои атаки против него. О степени ее ожесточения дают возможность судить отзывы одного из наиболее влиятельных ее деятелей — тайного советника О. А. Пржедулавского. «Современник» 1863 г., Пржедулавский усмотрел «возмутительные черты жестокости В рассказах Салтыкова «Деревенская тишь» и «Миша и Ваня», помещенных в № 1—2 и разврата, допущенных в отношении к бывшим крепостным людям. Хотя подобные картины, с одной стороны, могут показаться сегодня анахронизмами, но, с другой, не надобно забывать, что новые отношения между помещиками и крестьянами не вполне еще установились и окрепли»... В виду чего «очень неуместно и даже вредно разжигать страсти и в освобожденном от гнета населении возбуждать чувство, ненависти и мщениия за невозвратное прошедшее»... Еще более предосудительной показалась Пржедулавскому помещенная в том же номере хроника Салтыкова «Наша общественная жизнь», содержащая в себе действительно очень язвительное изображение реакционных элементов современного общества, прикрывающихся маской «благонамеренности». Прочитав лишь первые две страницы этой статьи, цензор с возмущением констатировал: «С этого как бы вступления вся статья принимает уже насмешливый тон и предметом насмешки и всякого рода острот избирается, — кто бы мог подумать! — благонамеренность и хороший образ мыслей. Люди, руководствующиеся этими правилами, или по крайней мере стремящиеся к ним, представлены тут в самом пошлом и презрительном виде». Сильно вооружился Пржедулавский и против мартовской хроники, возмущаясь тем, что «вся статья есть одна язвительная нападка — на благородство чувств; это pendant к филиппике I тома на благонамеренность»...

Пржедулавский писал свои отзывы не до помещения, а после помещения салтыковских статей в «Современнике», однако отсюда не следует, что эти отзывы не имели самого реального значения для последующей цензурной практики. Зная, что их деятельность контролирует один из представителей высшего цензурного начальства, даже сравнительно терпимые цензора волей-неволей вынуждены были проявлять максимум охранительного усердия. Нечего и говорить, как неблагоприятно отражалось это усердие на «Современнике», в частности на писаниях Салтыкова.

Характерно, что И. А. Гончаров, также один из видных цензурных деятелей того времени, в своем доведении о салтыковской хронике «Наша общественная жизнь», помещенной в № 11 «Современника» 1863 г., констатирует «запутанность» и «темноту» ее содержания, «проистекающие очевидно из желания автора сказать больше, чем дозволяет цензура». «Должен сознаться, — продолжает Гончаров, — что, благодаря обилию намеков, иносказаний и обходов, я многого в ней не понимаю». Это значило, что цензура добила своего — сделала мало понятным, а следовательно до некоторой степени обезвредила произведение одного из самых опасных борцов с реакцией. Нескрываемое торжество слышится в заключительных словах гончаровского отзыва: «судя по тому, что «Современник» был прежде и что он стал в последние шесть месяцев, трудно упрекнуть цензуру в слабости: она с замечательным успехом умела обуздать ярость обличитель-

тельного и отрицательного направления в журнале, не давая прорываться в печать крайностям. Задача не легка и заслуга цензуры не маловажна».

Этой «заслуге» цензуры мы, возможно, обязаны и тем, что целый ряд статей Салтыкова 1863—1865 гг. не мог появиться в «Современнике» и в течение долгих лет оставался никому неизвестен¹¹.

Через четыре года после своего ухода из «Современника» Салтыков окончательно порвал с чиновничьей службой (14 июня 1868 г.) и, переехав на жительство в Петербург, стал одним из членов редакционного триумvirата «Отечественных Записок», только что перешедших в руки новой редакции с Некрасовым и Елисеевым во главе. Хотя в это время Салтыкову перевалило за сорок, хотя в прошлом его жизнь складывалась так, что он не мог не чувствовать некоторого утомления, однако именно на конец 60-х, 70-х и начало 80-х годов падает наибольший расцвет его творческой деятельности. Именно через «Отечественные Записки», у кормила которых Салтыков стоял целые 16 лет, до самого их запрещения (с 1868 по 1884 г.) прошла большая часть написанного Салтыковым, при чем ее составили произведения такого исключительного значения, как «История одного города», «Дневник провинциала», «Помпадур и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «Убежище Монрепо», «Письма к тетеньке», «Современная идиллия». Неудивительно, что автор их и как художник и как идеолог наиболее передовых социальных групп своего времени вырастает в крупнейшую фигуру, становится не просто первоклассным писателем, а одним из подлинных «вождей», к слову которого прислушиваются все, не исключая даже и классовых его врагов. Определяясь в своих основных темах и мотивах социальным бытием эпохи, а прежде всего освободительным движением 70-х годов, которое все чаще и чаще называют в последнее время народнической революцией, творчество Салтыкова, в свою очередь, становится одним из видных факторов, влияющих на умонастроение современников.

Наравне с ростом общественно-литературного значения Салтыкова растет и ненависть к нему охранителей разных мастей и рангов, усиливается интенсивность направленных против него цензурных атак. Автор этих строк посвятил особое исследование борьбе Салтыкова с цензурой в период его работы в «Отечественных Записках» (см. его книгу «В тисках реакции», ГИЗ, 1926), а потому в настоящем изложении нет необходимости в подробном рассмотрении относящихся сюда фактов. Однако о наиболее ярких из них нельзя не напомнить, хотя бы в самом беглом аспекте, — иначе образуется зияющий пробел в самой центральной части рисуемой нами картины.

Хотя в первые два года существования «Отечественных Записок» под новой редакцией (1868—1869) в них печатались произведения Салтыкова преимущественно из провинциальной жизни, в которых не так уж часто затрагивались так называемые «общие вопросы», особенно пугавшие цензоров, цензура отнюдь не оставляла его в покое. Уже осенью 1868 г. в цензурном ведомстве определено заговорили о «сродстве» «Отечественных Записок» с запрещенным «Современником», при чем поднявший этот вопрос член совета Главного управления по делам печати Ф. М. Толстой ссылался в подтверждение на очерк Салтыкова «Легковесные» и «Письмо из провинции» («Отеч. Зап.», № 9), усматривая в них «отрицание авторитетов, преклонение только перед юными свежими силами молодого поколения и глумление, направленное против лиц, заведывающих администрацией...» Сверх того в течение рассматриваемого периода тем же Толстым, а также цензором С.-Петербургского цензурного комитета Н. Е. Лебедевым были сделаны заявки о «предосудительном направлении» очерка «Старая помпадурша» (№ 11, 1868 г.), начала «Истории одного города» (№ 1, 1869), критического разбора Гончаровского «Обрыва» (сг. «Уличная философия», № 6, 1869), рассказа «Испорченные дети» (№ 9, 1869) и десятого «Письма из провинции» (№ 11, 1869 г.). В чем только ни обвинялся Щедрин в этих заявках: и «в глумлении над властью», и «в упорном порицании всего, что делается в России», и «в отъявленном космополитизме», и «в пасквлях» на определенных представителей администрации, и т. д. и т. п.

К началу 70-х годов репутация «преобразованных» «Отечественных Записок» была окончательно испорчена, и одной из главных причин этого было сотрудничество Салты-

кова. Цензор Юферов в особой записке об «Отечественных Записках», относящейся к 1871 г., прямо заявлял, что из всех сотрудников журнала «в особенности представляется вредною, так как она более других привлекает общественное внимание, деятельность г. Щедрина». Результаты подобного отношения сказались очень быстро. В августе 1871 г. под давлением цензуры Салтыков вынужден был изъять пятый очерк «Итоги», в котором «доказывал, что слово «анархия» употребляется в ненадлежащем смысле и что анархистами должны называться собственно те, которые ставят преграды прогрессу» (см. письмо Салтыкова к А. М. Жемчужникову, «Русская Мысль» 1913 г., № 4). Надо думать, что эта репрессия была вызвана тем, что в «Итогах» цензура не без основания усмотрела отклик на слушавшийся в то время процесс Нечаева и нечаевцев. Салтыков как бы хотел указать своей статьёй на то, что враги социального и политического прогресса в несравненно большей степени являются виновниками анархии, чем те, кого охранители и обывательская масса величают «анархистами». В следующем сентябрьском номере, в статье «Так называемое Нечаевское дело», Салтыков дал сводку мнений об этом деле благонамеренной прессы, сопроводив ее несколькими ядовитыми замечаниями по поводу трогательного единодушия реакционных и либеральных публицистов в брани по адресу Нечаева. Этой статьёй Салтыкова заинтересовалось III Отделение и довело о ней до сведения Александра II, который в особой резолюции предписал «обратить на это внимание министра ви. дел». В октябре того же злосчастного 1871 г. Лебедев едва не добился объявления «Отечественным Запискам» предостережения за статью «Самодовольная современность» (№ 10), клеймившую общественную деморализацию — следствие торжества реакции.

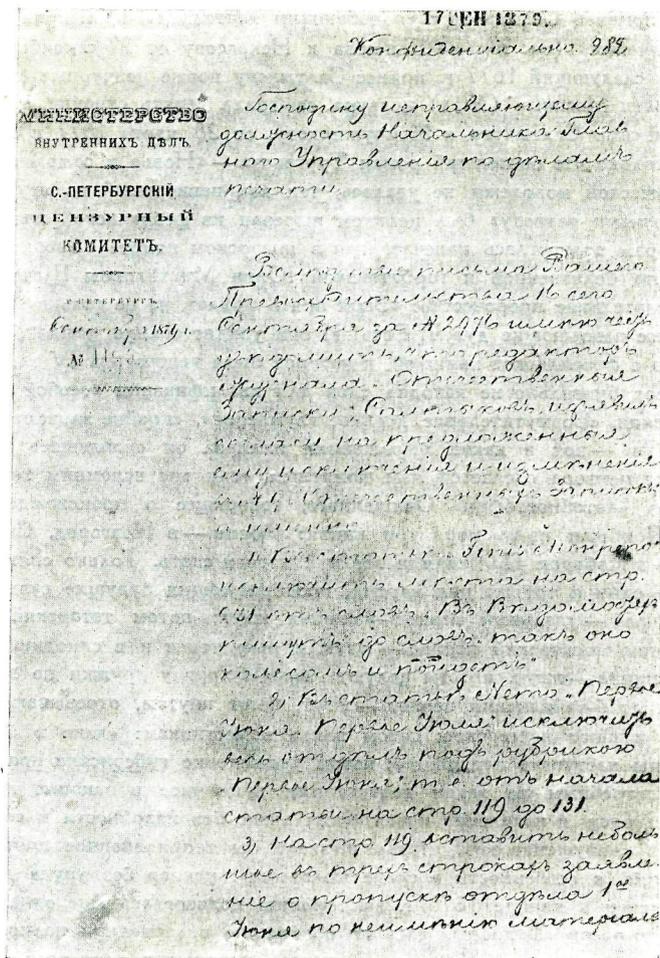
В июле 1872 г. «Отечественным Запискам» было объявлено первое предостережение, негласным поводом к которому, по данным Н. С. Курочкина (см. его письмо к Некрасову от 1 августа 1872 г.), послужила шестая глава «Дневника провинциала», содержащая в себе ядовитую насмешку над начальником Главного управления по делам печати М. Н. Лонгиновым (он был выведен под именем «тайного советника Козьмы Прутков») и угодничающими перед ним либеральными литераторами.

В 1873 г. возбуждался вопрос об очерках «В больнице для умалишенных» (№№ 2 и 4), в которых председатель Цензурного комитета, усмотрев попытку изобразить в сатирическом виде вел. кн. Константина Николаевича.

В апреле 1874 г. в очерке «Зиждитель» (№ 4) цензура усмотрела памфлет на пензенского губернатора Татищева; в мае IX гл. «Благонамеренных речей» как одна из «особенно вредных статей» 5-й книжки журнала была заарестована, а затем и сожжена вместе с книжкой. В этой главе, названной Салтыковым впоследствии «Тяжелый год», наряду с ярким рассказом о грабительстве провинциальных чиновников во время Крымской войны цензура обнаружила «нескрываемый сарказм» и «иронию» в отношении «пользы самодержавия». Закончился 1874 г. заявкой цензора Лебедева об «Экскурсиях в область умеренности и аккуратности» (№ 9), при чем, обвиняя автора в «стремлении изобразить грустные условия современного общественного положения в России», цензор не постеснялся заявить, что он пришел к этому заключению, «читая между строк, по некоторым прозрачным намекам». Свирепость цензурного нажима в 1874 г., в частности такой редкий даже в русской печати факт, как сожжение целого номера журнала, само собой разумеется должна быть поставлена в связь с тем, что начавшееся еще в 1873 г. «хождение в народ» достигло своего апогея именно весной и летом 1874 г. Отсюда рост оппозиционных настроений в обществе и чрезвычайное усиление правительственных репрессий, сказавшихся и на цензурной практике.

В сентябре 1875 г., по требованию «глубоко мерзавца Лебедева» (выражение Салтыкова), был вырезан из № 5 «Отечественных Записок» четвертый очерк «Экскурсий в область умеренности и аккуратности» и сделаны купюры в рассказе «Непочтительный Коронат».

В 1876 г., в связи с напечатанием в № 1 «Культурных людей», цензура обвинила Щедрина в желании «выставить на позор не одни общественные недостатки, но и самый государственный порядок». В марте было задержано печатание статьи «Отрезанный

**ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО
ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1879 г.**

В этом документе сообщается о согласии Щедрина сделать в статьях «Finis Монрепо» и «Первое июня, первое июля» требуемые цензурой купюры и содержится ходатайство о снятии в виду этого ареста с сентябрьской книжки журнала

Ленинградское отделение Центрархива

ломоть» за содержащееся в ней «обрутание Гамбетты» (выражение Салтыкова); в июне была сделана заявка об очерке «Привет» из цикла «Благонамеренных речей». Осенью того же 1876 г. Салтыкову пришлось пережить одно из тягчайших унижений всей его жизни. По совету цензора Ратынского он поехал к новому начальнику Главного управления по делам печати проф. В. В. Григорьеву, чтобы договориться с ним о продолжении печатания «Экскурсий», встретивших цензурные препятствия. Из письма Салтыкова к Некрасову (от 3 сентября 1876 г.) мы узнаем, что Григорьев принял Салтыкова «не только холодно, но почти неприязненно, даже не посадил». «Свидание, — рассказывает Салтыков, — вряд ли продолжалось и минуту, но, несмотря на это, мне показалось, что на меня целый час плевали». Неудивительно, что когда о поведении Григорьева в отношении Салтыкова узнали его сотоварищи по профессуре в С.-Петербургском университете, против него поднялась буря возмущения, и он должен

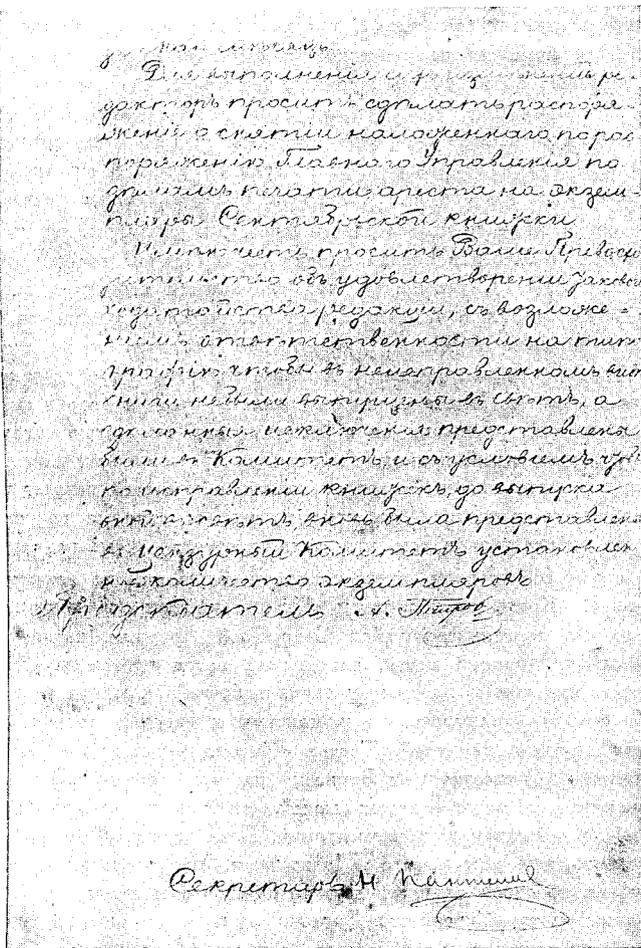
был не только принять Салтыкова с «подобающим почтением», но и принести ему «все-возможные извинения» (см. письмо Елисева к Некрасову от 27 сентября 1876 г.).

Тем не менее следующий 1877 г. принес Салтыкову новые цензурные скорпионы. Из рассказа его «Дети Москвы» (№ 1) цензура «выдрала девять страниц, т. е. всю внутренность (см. письмо Салтыкова к Жемчужникову, от 28 марта 1877 г.). Попытка откликнуться на только что вышедший роман Тургенева — «Новь» и замолвить словечко в защиту народнической молодежи не удалась, так как написанный на эту тему рассказ «Чужую беду руками разведу» был целиком вырезан из февральской книжки журнала. В 1878 г. купюрам подверглась напечатанная в январском номере «Дворянская хандра», в которой в уста болезненной и горбатенькой Юлии Михайловны Щедриной осмелился вложить знаменательное пророчество: «Заря опять придет, но не только заря, но и солнце!.. Есть добрые непадающие дужки! Есть! И они увидят солнце, увидят, увидят!» Еще более не повезло с февральской книжкой, в которой была напечатана IV гл. «Современной идиллии». Цензор буквально не находил слов для квалификации «особой преступности» этого произведения. «Возмутительное, дерзкое глумление», «крайне злонамеренные идеи», «крайний цинизм» — вот в каких выражениях изливал он овладевшее им раздражение. Настроение цензора делается нам понятным, если мы вспомним хотя бы знаменитое место из «автобиографии» Очищенного, говорящее о происхождении русского государства: «Прибыли из-за моря три князя: Рюрик — в Новгород, Синеус — в Ладогу, Трувор — в Изборск. Приехали и легли с дороги спать. Только спят они и видят во сне все трое один и тот же ряд картин, прообразующих будущие судьбы их нового отечества. Сначала — удельный период — князья жгут; потом татарский период — татары жгут; потом московский период — жгут, в реке топят и в синодики записывают; потом самозванщина — жгут, кресты целуют, бороды друг у дружки по волоску выщипывают; потом лейб-кампанский период — жгут, бьют кнутом, отрезают языки, раздают мужиков и пьют венгерское; потом наказ наместникам: «како в благопотребное время на законы наступать надлежит»; потом учреждение губернских правлений: «како-такимы благопотребным на закон наступаниям приличное в законах же оправдание находить»; а наконец и появление прокуроров: «како без надобности в сети увлаять». Утверждая, что «допущение этой статьи вызвало бы неприязненное против правительства возбуждение, в особенности в среде молодежи», цензор без труда добился ее исключения. Наконец в ноябре 1878 г. запрещению подверглась еще одна салтыковская статья, а именно очерк «В добрый час» по обвинению в «осмелении люмпинизации». Не забудем, что 1878 г., принесший Салтыкову столько цензурных репрессий, ознаменовался началом политического террора (выстрел Засулич, убийство Мезенцева), рядом вооруженных сопротивлений при арестах (например Ковальского) и восстановлением центральной организации партии «Земля и воля». Даже либералы засшевелились и в ответ на призыв правительства к обществу о содействии в борьбе с крамолой (20-е августа) начали проводить через земские собрания конституционные адреса.

1879 год отличался еще более напряженным характером. Достаточно напомнить о таких фактах, как липецкий съезд «землеольцев», как организация партии «Народная воля», как ряд необычайно смелых покушений на Александра II, которому уже был произнесен смертный приговор Исполнительным комитетом «Народной воли» (26 августа). Неудивительно, что этот год и для «Отечественных Записок» и для Салтыкова был исключительно трудным. Январская книжка получила предостережение за «Внутреннее обозрение» Елисева, в котором указывалось, что одной из причин развития социалистических и революционных идей среди молодежи является стремление помочь крестьянству в его безысходно-тяжелом экономическом положении. «Тревоги и радости в Монрепо», помещенные в февральской книжке, хотя и не были исключены, но навлекли обвинение в том, что «Щедрин старается представить в самом мрачном и отвратительном виде современное положение нашего общества, в котором от произвола администрации, воплощаемого автором в лице станового, приходится задыхаться». В сентябре 1879 г. цензорские ножицы прошлись по двум салтыковским статьям. Из «Finis'a Монрепо» было исключено яркое место, содержащее отклик Щедрина на тенденцию правительства в борьбе с революционным движением опереться на охотноряд-

ских молодых. Вот это место: «Умников,—пародировал Салтыков правительственную точку зрения,— нужно в реке топить, а упование возложить на молодых из Охотного ряда, а когда молодые начнут по зубам чистить, тогда горошком... Раз, два, три и се не бе (под горошком автор подразумевает картечь). Молодых горошком, а на место их опять умников поманить. А потом умников горошком: так оно колесом и пойдет». Гораздо сильнее пострадала другая статья сентябрьской книжки «Первое июня. Первое июля» (цикла «Круглый год»). Вся первая половина ее была вырезана цензурой за «протест против мер строгости, предпринимаемых правительством для устранения тех ненормальных явлений, которыми отличается у нас последнее время».

К концу 70-х годов, надо думать, относится и интереснейший эпизод — разговор Салтыкова с министром внутренних дел Л. С. Маковым; эпизод, свидетельствующий, что при объяснении с сановниками редактор «Отечественных Записок», не в пример прочим деятелям тогдашней журналистики, умел проявлять достаточное гражданское мужество. Маков, как рассказывает в своих воспоминаниях о Салтыкове С. Н. Кривенко, «официально пригласил к себе редакторов газет и журналов, чтобы высказать им какие-то свои взгляды касательно поведения и положения печати... Маков сказал сначала собравшимся нечто вроде речи, а потом стал говорить с некоторыми в отдельности,

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
 ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО
 ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1879 г.
 Ленинградское отделение Центрархива

и вот, в то время как одни чуть ли ни со всем, сказанным им, соглашались и только дакали да точно такади,—Салтыков, напротив, горячо и прямо стоял за литературу и своим громким басом говорил об ее стесненном положении, так что выходило так, как будто не Маков, а он Макову делал выговор, а когда последний на прощание обратился к нему с любезною шуткою:—Под каким же соусом вы меня теперь преподнесете публике?—то он мрачно, отходя в сторону и еще более возвышая голос, отвечал:—Нам теперь не до соусов, не до соусов!»

70-е годы заканчивались для Салтыкова и для руководимого им журнала столь неблагоприятно, что в ближайшем будущем можно было ожидать самых тяжелых осложнений. Однако первый год следующего десятилетия ознаменовался, как помнит читатель, пресловутой «диктатурой сердца» гр. Лорис-Меликова, явившейся прямым результатом резкого роста революционного движения в стране. Печать получила возможность вздохнуть несколько свободнее.

Прежде чем это облегчение сказалось сколько-нибудь реально, Лебедев успел добиться исключения из февральской книжки «Отечественных Записок» 1880 г. щедринаского очерка «Вечерок», рисующего общественную жизнь «каким-то тяжелым кошмаром», созданным реакцией и «литературой ретирадников» (т. е. охранительной печатью).

Здесь не лишнее будет отметить, что Салтыков ни на минуту не обольщался насчет истинного характера «диктатуры сердца», так как был убежден, что от нее нельзя ожидать сколько-нибудь широких политических и социальных реформ. В связи с этим он продолжал тревожиться за участь журнала, тем более, что сравнительно благожелательный новый начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза не скрывал от него, что «Отечественные Записки» «внушают к себе в известных сферах чрезвычайное озлобление». Тем не менее 1880 г., если не считать отмеченного цензурного инцидента с «Вечерком», прошел для Салтыкова более или менее благополучно.

Зато 1881 г. сопровождался целым рядом серьезных цензурных инцидентов. Уже накануне 1 марта цензор Лебедев сделал заявку об очередном очерке цикла «За рубежом» («Отеч. Зап.», № 2), утверждая, что «на каждой странице» этого очерка указывается, «что в России жить невозможно от полицейских, урядников, исправников и других начальств, которые только и думают, как уловлять своих сограждан и высылать их административным порядком в дальние страны». Далее заявки цензора дело в данном случае не пошло. Иначе сложилась для Салтыкова вторая половина 1881 г. Недаром в IV главе «За рубежом» он с беспрецедентною смелостью откликнулся на реакционный ураган, вызванный казнью Александра II, созданием живописного образа свиньи, которая под сочувственный «прохот толпы» обывателей чавкает правду. Раньше можно было на что-то надеяться, согласно поговорке: «бог не попустит, свинья не съест»; теперь же сомневаться в том, что «свинья съест»—увм! не приходится.

Салтыков на своем собственном опыте вскоре пережил то, что испытывает «правда», пожираемая свиньей. Когда он в третьем «Письме к тетеньке» попытался рассказать правду о только что организовавшейся Священной Дружине, которая, объединив в своих кругах часть придворной знати, замышляла поход против передовых элементов русского общества, при чем в программу своих действий включила и террористические акты, и целую систему политического шпионства, и наконец подкуп, то правда эта сейчас же была задута цензурой. Третье «Письмо к тетеньке» было вырезано из сентябрьской книжки «Отечественных Записок» на том основании, что автор «предает позору и оплеванию все меры честных людей, стоящих на стороне правительства и готовых к борьбе с враждующими элементами». Декабрьское «Письмо к тетеньке», посвященное развитию той мысли, что «Дракины и Хлобыстовские», т. е. помещики, засевшие в земстве, по своей алчности и эксплуататорским замашкам ни чуть не лучше, а иногда даже хуже «Сквозников-Дмухановских», т. е. бюрократии, в свою очередь, привлекло внимание цензора, правда, ограничившегося только заявкой об его «предосудительности».

Под влиянием этих цензурных невзгод, а также непрекращавшихся слухов о личных репрессиях против него, об якобы уже уготованных ему обысках, высылках и т. п.

настроение Салтыкова было безотрадно-тяжелым, тем более, что никаких надежд на ослабление реакционных веяний у него не оставалось.

1882 год принес цензурный обстрел напечатанного в № 1 пятого (по журнальному счету) «Письма к тетеньке» по обвинению в том, что «русское общество представляется в нем кишашим шпионами, соглядатаями, лицами, содействующими кому-то и чему-то; лицами, которые, прикрываясь патриотическими стремлениям, готовы предать всякого, не разделяющего их точки зрения».

Хотя душевные страдания Салтыкова, буквально изнемогавшего под гнетом реакции, дошли в это время до крайних пределов, и он всерьез начал заговаривать в письмах к друзьям о самоубийстве как единственном спасении от «каторги», в которую превратилась жизнь, ему суждено было дожить до еще худших времен. В мае 1882 г. министром внутренних дел был назначен самый реакционный из русских сановников 70—80-х годов гр. Д. А. Толстой, которого какой-нибудь год назад Салтыков изобразил в виде «странствующего администратора» гр. Твёрдоонто («За рубежом»). Этот последний, оставшись не у дел, не изменил однако своей политической «платформы», заключавшейся в словах:

Трубят рога!
Разить врага!
Давно пора!

«Кто поручится, что он не воспрянет опять?» спрашивал тогда сатирик, не предполагая, очевидно, что эти слова окажутся пророческими. Толстой-Твёрдоонто действительно «воспрянул» и как министр внутренних дел получил возможность невозбранно «разить врага»... К числу же врагов он относил и Салтыкова с его журналом.

Первые громы грянули осенью 1882 г. Директор департамента полиции В. К. Плеве поднял тревогу в связи с напечатанием в № 9 «Отечественных Записок» очередной главы «Современной идиаллии», в которой усмотрел не более не менее как «оскорбление величества». Дело в том, что в этой главе Салтыков дал следующее описание «геральдического знака страны зулусов» на пуговицах «странствующего полководца Редеди»: «на золотом поле взвившийся на дыбы змей боа, и по бокам его скорпион и тарантул. По толкованию Редеди, аллегория эта обозначала самого владыку зулусов (змея) и двух его главных министров: министра оздоровления корней (скорпион) и министра умиротворений посредством в отдаленные места водворений (тарантул)». Нельзя отрицать, что этот «геральдический знак» очень напоминает государственный герб императорской России, и Плеве таким образом имел известное основание заговорить об оскорблении величества... XIX—XXI главы «Современной идиаллии» (№ 2), в которых была дана картина того, как предводительствуемые урядниками крестьяне ловят по деревням воображаемых «социалистов», в свою очередь, вызвали трения в цензурном комитете. Однако ни письмо Плеве в Главное управление, ни заявка цензурного комитета непосредственных репрессий за собою не повлекли. Впрочем эти последние не заставили себя долго ждать.

Январская книжка «Отечественных Записок» за 1883 г. получила предостережение, мотивированное более чем угрожающим образом: «осмеянием и старанием выставить в ненавистном свете существующий общественный, государственный и экономический строй» и «симпатиями журнала к крайним социалистическим доктринам». Вызвано было это предостережение главным образом XXII главой все той же «Современной идиаллии», посвященной сатирическому изображению политического процесса в Кашиинском окружном суде. После этого Салтыкову ничего не оставалось, как оборвать «Современную идиаллию», донельзя скомкав ее конец, о чем он прямо и говорит в начале XXVIII гл. «Я обращаюсь, — читаем мы здесь, — к снисходительности читателей. Я должен кончить с этой историей, хоть скомкать ее, но кончить. Я сам не рассчитывал, что слово: «конец» напишется так скоро, и предполагал провести моих героев через все мытарства, составляющие естественную обстановку карьеры самосохранения. Не знаю, сладил ли бы я с этой сложной задачей, но знаю, что должен отказаться от нее и на скорую руку свести концы с концами. Во все продолжение моей литературной де-

ательности я представлял собой утопающего, который хватается за соломинку. Покуда соломинки были, я кое-как держался; но как скоро нет и соломинок — ясное дело, приходится утонуть»...

Чтобы отдалить окончательное «потопление», Салтыков почти прекращает сотрудничество в своем собственном журнале. Попытка возобновить его в сколько-нибудь интенсивной форме тотчас же дала повод цензурным аргументам забить тревогу. В исходе 1883 и в начале 1884 г. Салтыков печатал в «Отечественных Записках» «Пошехонские рассказы». Два из них — «Пошехонское дело» (№ 12 1883 г.) и «Пошехонское отрезвление» (№ 3, 1884 г.) — вызвали заявки Лебедева. Первый из них обвинялся в «безотрадном взгляде на современный общественный быт», в частности в изображении помещика-эксплуататора новейшей формации Клубкова; второй — в «осмеянии консервативной части публицистики, которая хлопочет об отрезвлении русского общества», пользуясь поддержкой правительства. Несколько ранее цензура исключила из «Отечественных Записок» (№ 2, 1884 г.) четыре «сказки»: «Добродетель и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик газетчик и легковерный читатель» и «Вяленая вобла». Главным мотивом исключения, по данным письма Салтыкова к Белоголовому от 13 февраля, явилось то, что в одной из сказок был выведен Лев. После этого Салтыков поспешил взять переданные в типографию и предназначенные для следующего номера четыре других сказки: так как в одной из них был выведен Орел, то очевидно и им угрожала участь первых четырех.

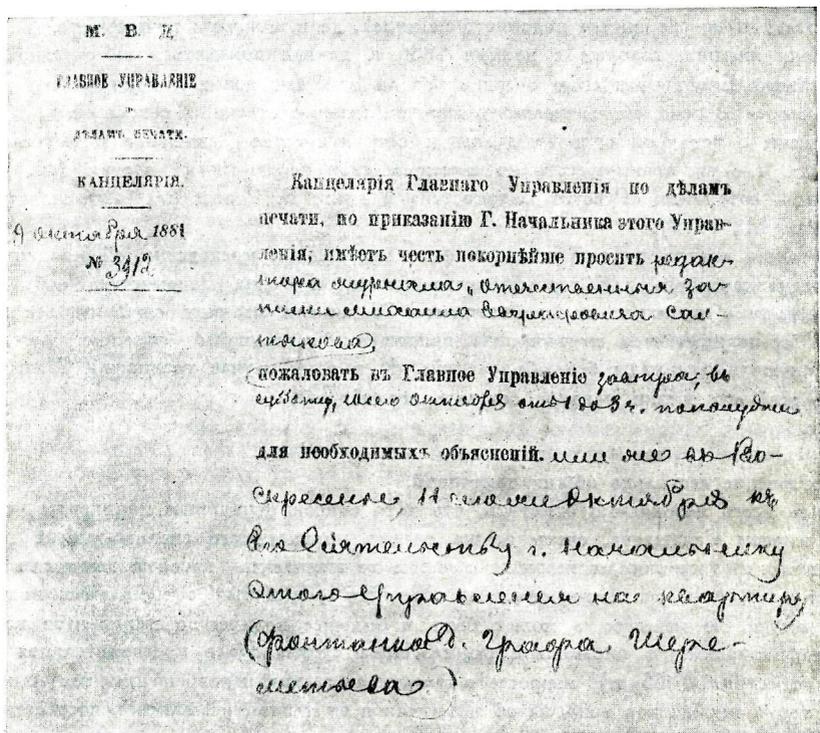
Одиозный характер последних репрессий свидетельствовал о том, что близился последний час «Отечественных Записок». На это же указывали и другие зловещие признаки. К рассматриваемому времени относится высылка и арест нескольких сотрудников журнала, в том числе таких близких, как Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко и М. Протопопов. Кары, постигшие первых двух, явились следствием того, что благодаря предательству Дегаева департамент полиции получил сведения об их сношениях с «Народной волей». 20 апреля 1884 г. в «Правительственном Вестнике» было начато обширное сообщение об окончательном запрещении «Отечественных Записок», согласно постановления совещания четырех министров, выдвигавшее против журнала целый ряд тяжелых обвинений. «Отечественные Записки» трактовались как один из тех органов периодической печати, «которые несут на себе тяжелую ответственность за удручающие наше общество события последних лет», так как страницы их «отмечены направлением, которое породило неисчислимый вред и связь коего с преступными учениями, излагаемыми в подпольных изданиях, не подлежит сомнению». Затем в сообщении отмечалось, что в «редакции «Отечественных Записок» группировались люди, состоявшие в близкой связи с революционной организацией», и что «статьи самого ответственного редактора, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих к эмиграции»...

Салтыков воспринял запрещение «Отечественных Записок» как большое несчастье, ибо это запрещение лишило его общения с демократическим читателем, страстно любимым им. «Душа у меня теперь запечатана», с невыразимой горестью твердил великий писатель. «Отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнем своего сердца зажигать сердца других», читаем в несравненной «сказке-эпегии» «Приключение с Крамольниковым».

Отношение деморализованного реакцией общества к «катастрофе» увеличивало нравственные терзания Салтыкова. В письме к Белоголовому от 3 мая Салтыков с нескрываемым раздражением говорит: «Прежде бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче вон, с божьей помощью, какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие! Даже из литераторов — ни один не отозвался... Обидно следующее, человека со связанными руками бьют, а пошехонцы, разиня рот, смотрят и думают: однако, как же его и не бить! ведь он — вон какой!»

Волновали также Салтыкова слухи о том, что противная сторона принимает меры к тому, чтобы вовсе «вытеснить его из литературы». В частности ему стало известно, что московский генерал-губернатор кн. Долгоруков призывал редактора «Русской Мысли» Юрєва и грозил ему всякими репрессиями, если в его журнал перейдет кто-либо из сотрудников «Отечественных Записок».

Все пережитое в дни запрещения «Отечественных Записок», по свидетельству д-ра Белоголового, близкого друга Салтыкова, в такой мере подкосило его здоровье, что он уже не мог оправиться: его организму оставалось лишь более или менее длительно бороться с надвигающейся смертью. Но изнемогая под непосильным двойным бременем душевной тоски и физической болезни, Салтыков не выпускал пера из рук,

КОПИЯ ПРИГЛАШЕНИЯ САЛТЫКОВА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ ОТ 9 ОКТЯБРЯ 1881 г. ПО ПОВОДУ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ № 9 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ТРЕТЬЕГО «ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ», НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ «СВЯЩЕННОЙ ДРУЖИНЫ»

Ленинградское отделение Центрархива

не бежал с поля битвы, в которой получил столько кровавых ран. При первой возможности он возобновил литературную деятельность, но, увы, в качестве сотрудника уже чужих изданий — «Вестника Европы», «Русских Ведомостей», отчасти «Недели». Его новые творения («Сказки», «Пестрые письма», «Мелочи жизни») с прежней настойчивостью клеймили реакцию и вопияли о невыносимо тяжелом положении народных масс, а потому естественно должны были привлечь недоброжелательное внимание цензуры. Особенно встревожил последнюю один из очерков цикла «Пестрые письма», помещенный в январском номере «Вестника Европы» 1885 г. Цензор Ведров в свое донесение о нем внес даже следующее суждение: «Сатира со времени Ювенала и Персия действовала разрушительно, но она имела предметом общечеловеческие недостатки, которые бичевала; избрать же предметом сатиры пылкое юношество и неокрепшую печать¹², указывать на их позорную роль в будущем — значит затрагивать самые чувствительные струны всякого благоустроенного государства и подтачивать его основы»¹³.

Как обернулось дело в дальнейшем — об этом мы узнаем из письма Салтыкова к Соболевскому от 9 января. «Со мной же, — читаем мы здесь, — по поводу январской книжки «Вестника Европы» целая история произошла. Экстренно собрали совет¹⁴, припомнили Персия и Ювенала и нашли, что даже они такой смуты в общественное сознание не вносили, какую я вношу (буквально). Дело на сей раз кончилось тем, что записали в журнал: иметь в виду. Вот я какой...» Салтыков ошибался, что «дело на сей раз кончилось». Главная опасность была еще впереди. «Скажу вам следующее, — сообщал сатирик в новом письме (от 2 февраля) Соболевскому, — по поводу 1-го № «Вестника Европы» было собрание 4-х¹⁵, «созванное гр. Толстым, который требовал закрытия журнала. И опять по поводу главным образом меня. Кто-то инсинуировал Толстому, что первое январское «Пестрое письмо» — и именно Федот¹⁶ — написано на него, хотя я и во сне ничего подобного не видел, да и похожего ничего нет».

«Мелочи жизни», которые с ноября 1886 г. начали появляться на страницах того же «Вестника Европы», в свою очередь подали однажды повод к длиннейшему донесению цензора Ведрова, не вызвавшему впрочем непосредственных репрессий.

Трениями с цензурой сопровождалось и сотрудничество Салтыкова в «Русских Ведомостях», где он преимущественно помещал свои несравненные сказки (см. статью «Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей» в книге В. Розенберга «Журналисты безвременья». М., 1917).

Совершенно анекдотическим является факт запрещения московским обер-полицмейстером предназначенного для первомайского номера «Русских Ведомостей» «объявления от редакции» о панихиде по скончавшемся 28 апреля великом сатирике земли русской. Обер-полицмейстер мотивировал запрещение следующим образом: «Редакция может служить панихиды без объявлений». И в этом случае травившая Салтыкова в течение всей его жизни цензура осталась верной себе...

* * *

В заключение несколько общих замечаний.

Прежде всего необходимо отметить, что хотя список цензурных инцидентов, связанных с именем Салтыкова, очень велик, однако признать его сколько-нибудь полным невозможно. В него попали главным образом те инциденты, которые вызывали записки в протоколах, цензорские донесения и переписку различных официальных инстанций между собой. Не меньшее, а может быть и большее количество инцидентов вовсе не было зафиксировано в письменной форме. Пока существовала предварительная цензура (до сентября 1865 г.), вопросы о разрешении или неразрешении тех или иных статей, точно так же как вопросы об изъятиях в их тексте, решались непосредственным усмотрением цензора. Редакции и авторы считали обычно бесполезным протестовать против цензорских приговоров, а потому последние ни в каких документах, если не считать исчерканных красным карандашом корректур, не находили своего отражения.

После отмены предварительной цензуры цензорам приходилось письменно мотивировать свое мнение гораздо чаще: всякий раз, когда официально возбуждался вопрос о «предосудительности» какой-либо статьи в «безцензурном» издании. Но далеко не всегда вопросы подобного рода ставились официально. Нередко они решались путем частных переговоров редакторов или авторов с цензорами, или с членами Главного управления по делам печати, и тогда опять-таки дело обходилось без письменной фиксации достигнутого соглашения («аккомодации»), хотя бы оно заключалось в том, что редакция исключала «неудобную» статью из журнала.

Из изложенного ясно, что претерпеть от цензуры Салтыкову пришлось гораздо больше, чем об этом можно судить по данным цензурных архивов. О некоторых из своих столкновений с цензурой он, правда, упоминает в своих письмах, но опять-таки далеко не обо всех. Отсюда вывод, что истинная роль цензуры в отношении Салтыкова только частично вскрывается приведенным выше фактическим материалом.

Затем, вчитываясь в цензорские квалификации «предосудительности» салтыковских статей, нельзя не прийти к заключению, что они свидетельствуют о несомненном умении выявлять те стороны в идеологии сатирика, которые особенно неприемлемы были

для правящих кругов. Я не хочу сказать, что цензура не впадала в преувеличения, доходящие в иных случаях до нелепости, что она неповинна в явных передержках, тем более в мало обоснованных придираках. И преувеличений, и нелепостей, и передержек, и придирок конечно немало как в вышеприведенных материалах, так и в печатаемых ниже материалах новонайденных. Однако суть не в них, а в том, что цензура второй половины XIX в. была, если можно так выразиться, достаточно политически грамотна, чтобы почувствовать в лице Салтыкова непримиримого врага не каких-либо «частных недостатков механизма», а всего социально-экономического и политического уклада современной ему русской жизни. Этим и объясняется ее ожесточение против него, ее систематический, последовательный, упорный нажим на его творения. Ведь в семье великих русских писателей XIX в. не было ни одного, который сделал бы для разоблачения «гнусной расейской действительности» больше, чем сделал Салтыков.

В. Евгеньев-Максимов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Салтыков,— рассказывает А. Я. Панаева в своих «Воспоминаниях»,— нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что, занимаясь ею, можно поколеть с голоду... что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но и запретить умственный труд литератора... что он навсегда прощается с литературой» и т. д.

² Автор настоящих строк в конце 90-х годов, когда он бывал в семье покойного А. М. Унковского, видел объемистую пачку этих «рескриптов». Однако в настоящее время ни сыновья, ни дочери Унковского этой пачки уже не имеют: не то она осталась в руках одного из тех, кто, интересуясь рескриптами, попросил их «почитать на время», не то бесследно пропала вместе с основной частью архива Унковского, оставшегося на петербургской квартире его дочери, уехавшей в провинцию, и повидимому уничтоженного малокультурными жильцами.

³ См. письмо Добролюбова к Бордюгову от 20 сентября 1859 г.

⁴ Ниже печатаются неизданные материалы, из которых явствует, что содержание письма Салтыкова к Павлову было перлюстрировано.

⁵ Ему противоречит то обстоятельство, что последующие издания «Губернских очерков», которые выходили уже тогда, когда цензурная практика значительно смягчилась, содержат только очень небольшое количество авторских дополнений, восстанавливающих изъяты текст.

⁶ Отзывы эти приводятся ниже — в «Материалах».

⁷ Недавно найден первоначальный текст «Развеселого житья», позволяющий судить о том, как варварски расправились цензура с этим шедевром Салтыкова.

⁸ Отзыв Реброва не появлялся еще в печати; он приводится ниже — в «Материалах».

⁹ Цензурные документы, относящиеся к этой статье Салтыкова, печатаются в «Материалах».

¹⁰ Это запрещение нельзя не признать тем более симптоматичным, что (ни программа журнала, ни предполагаемый состав его сотрудников (А. М. Унковский, Головачев) не давали достаточных оснований думать, что журнал будет стоять на крайнем левом фланге тогдашней журналистики.

¹¹ См. например опубликованные впервые в предыдущем полутоме этого сборника статьи Щедрина: «Современные призраки» и две хроники «Нашей общественной жизни».

¹² Само собой разумеется, Салтыков имел в виду в этом «Письме» реакционное юношество и ретроградную печать.

¹³ Данное, как и прочие цензурные донесения о произведениях Салтыкова, печатавшихся в «Вестнике Европы», впервые было опубликовано мною в журнале «Печать и революция». Впоследствии оно вошло в мою статью «Салтыков в «Вестнике Европы» (см. книгу «Из прошлого русской журналистики», «Издат. писателей в Ленинграде»).

¹⁴ Очевидно Совет Главного управления по делам печати. Нельзя не отметить осведомленности Салтыкова о том, что происходило в цензурных сферах. Нет сомнения, что он получал информацию от знакомых чиновников цензурного ведомства.

¹⁵ Имеется в виду совещание четырех министров — высшая инстанция, от которой зависело решение вопроса о запрещении того или иного периодического издания. «Отечественные Записки» были запрещены согласно постановления именно этого совещания.

¹⁶ Федот — сановник, изображенный в «Пестрых письмах». О нем было сказано, что он унегал автора, хотя и был в свое время его школьным сверстником. Министр внутренних дел гр. Толстой был, как известно, товарищем Салтыкова по лицу.

I. «ПРОТИВОРЕЧИЯ» И «ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО»

После того как Салтыков был в 1848 г. сослан в Вятку за опубликование повестей «Противоречия» и «Запутанное дело», им самим и его родителями не раз предпринимались попытки добиться помилования, однако, все они неизбежно кончались неудачами (см. Вл. Емельянов «Ссылка М. Е. Салтыкова в Вятку и его освобождение». (1848—1856 гг.) «Русская Старина» 1909 г., ч. СХ, стр. 107—123). Одна из таких неудачных попыток вызвала в ответ весьма любопытную характеристику вины Салтыкова со стороны кн. Чернышова — военного министра, в канцелярии которого Салтыков служил помощником секретаря.

В 1848 г. отец Салтыкова подал прошение на высочайшее имя. Замещавший в то время статс-секретаря у стола прошений А. С. Норов препроводил 28 августа 1848 г. это прошение кн. Чернышову с такой просьбой от своего имени: «Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, с возвращением оного почтить меня сообщением по содержанию его сведений присовокуплением Вашего заключения: заслуживает ли сын просителя прежнюю службу своею монаршего снисхождения».

Князь Чернышов ответил Норову следующим, еще не появившимся в печати «весьма секретным» письмом за № 1575.

Милостивый Государь Авраам Сергеевич.

Доставленное ко мне при отношении Вашего Превосходительства от 28 минувшего августа за № 5464 всеподданнейшее прошение отставного коллежского советника Евграфа Салтыкова о возвращении из Вятки на службу в С.-Петербург сына его, служившего в канцелярии Военного Министерства помощником секретаря, Титулярного Советника Михаила Салтыкова,— я нахожу преждевременным по следующим причинам.

1-я, литературные произведения молодого Салтыкова, которые были причиною увольнения из канцелярии Военного Министерства, напечатаны им в периодических изданиях, в противность существующих узаконений, без ведома и дозволения начальства.—

2-я, содержание сих произведений, обнаружившее не только легкомыслие, но и вредный образ мыслей, тем менее простительны для Салтыкова, что, принадлежа к одному из лучших дворянских родов, имея хорошее состояние и будучи обязан воспитанием своим в Лицее благотворением Государя Императора, он мог и должен был видеть все нелепости и гибельное направление идей, потрясших западную Европу, и понимать, сколь много заслуживают порицания и справедливого наказания лица, стремящиеся к распространению сих идей и

3-я, увольнение Салтыкова из канцелярии вверенного мне Министерства и перевод в Вятку под надзор тамошнего Гражданского губернатора последовали по Высочайшему повелению в Апреле месяце с. г., едва за четыре пред сим месяца.

Возвращая за сим к Вашему Превосходительству всеподданнейшее прошение Коллежского Советника Евграфа Салтыкова, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: князь А. Чернышов.

(Ленингр. Отделение Централархива. Дело Канцелярии Военного Министерства № 41 за 1848 г.: «Об увольнении от службы пом. секретаря Титулярного Советника Салтыкова».)

Первый пункт этого обвинения носит чисто формальный характер. Действительно по распоряжению, изданному еще в 1824 г., чиновники не имели права печатать свои сочинения без разрешения начальства. Зато во втором пункте Салтыков обвинялся не только в черной неблагодарности — измене императору, который его «облагодетельствовал», — но и в измене своему классу, так как, «прилежа к одному из лучших дворянских родов и имея хорошее состояние», он поднял руку против богатых и знатных; при чем Чернышов подчеркивает сознательный характер преступления, а не юношеское заблуждение, как это старались представить члены составленной им комиссии по расследованию дела, а также Салтыков и его родители в своих прошениях о помиловании.

Получив столь неблагоприятный отзыв от бывшего начальства Салтыкова, Норов не смел даже возмозжн представить прошение Николаю I, и Салтыков остался в Вятке вплоть до 1856 г., когда после целого ряда прошений Салтыкова и личного ходатайства его нового начальства — вятского губернатора Середы — он получил наконец право вернуться на жительство в Петербург.

II. ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ

Как уже говорилось выше, в нашем распоряжении нет никаких материалов, свидетельствующих о столкновениях Салтыкова с цензурой при печатании в «Русском Вестнике» первого крупного произведения, с которым он выступил по возвращении в Петербург из ссылки, — «Губернских очерков». Отсутствие подобных материалов скорее всего объясняется общим порядком просмотра произведений в условиях предварительной цензуры. Так как цензор мог единолично пропускать произведение и исключать или намечать к изменению предосудительные по его мнению места, то в делах Цензурного комитета и не должно было оставаться никаких документов, позволяющих установить цензурную историю произведения.

Зато в делах театральной цензуры, где порядок прохождения через цензуру был несколько иным, сохранился ряд документов, показывающих, что цензура относилась к этому произведению Салтыкова весьма и весьма неблагоприятно и что всякая попытка провести на сцену пьески и переделки из «Губернских очерков» встречала самый решительный отпор.

По уставу 1828 г. театральная цензура находилась в ведении самого III Отделения канцелярии его величества (§ 23, п. 11). О каждом рассмотренном произведении, предназначенном для постановки на сцене, драматический цензор должен был докладывать в особом рапорте управляющему III Отделением, давая заключение, и сам управляющий III Отделением на основании этого рапорта разрешал или запрещал пьесу.

Первая же попытка поставить на сцене отрывки из «Губернских очерков», как можно видеть по этим рапортам драматических цензоров, провалилась из-за противодействия со стороны цензуры. Вот как отзывался цензор Нордстрем о пьесе «Прошлые времена», которая представляла собой очевидно драматизацию первого рассказа подъячего из I главы «Губернских очерков», носившей то же заглавие:

ПРОШЛЫЕ ВРЕМЕНА

Рассказ подъячего, сцена соч. г. Щедрина для Императорских театров.

Подъячий рассказывает из своей жизни несколько «истинно любопытнейших» случаев о том, как он, в прежнее время, в звании заседателя Земского Суда, безнаказанно брал взятки, притеснял народ и, обманывая «снисходительное начальство», жил «как у Христа за пазухой».

Обыкновенное чтение этих рассказов грустно; слышать же их со сцены должно быть еще безотраднее.

Ив. Нордстрем.

[Рукой А. Е. Тимашева]: Запрещается.

2 декабря 1856 года.

Свиты Его В[еличества] генерал-майор

Тимашев.

(Ленингр. отделение Централархива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1856 г. Русские пьесы, рап. № 180.)

Пьеса эта так и не была поставлена.

Такая же участь постигла пьесу «Просители» из IV главы «Губернских очерков» — «Драматические сцены и монологи». Тем же Нордстремом представлен был следующий отзыв:

ПРОСИТЕЛИ

Провинциальные сцены соч. Н. Щедрина для Императорских театров.

Действие происходит в вымышленном губернском городе Крутогорске. В этих сценах изображены в комическом виде слабые и смешные стороны просителей и просительниц разного звания, ожидающих приема у Начальника Губернии. Сам же Губернатор, князь Чебылкин, — старик добрый и благонамеренный; но будучи чрезмерно слабого духом и телом и не имея никаких административных способностей, он полагается во всем на плута-секретаря, который делает с ним, что хочет.

На русской сцене не было еще примера, чтобы Губернатор представлен был с невыгодной стороны в административном отношении; впрочем автор, выставляя в нем плохого администратора, нисколько не унижает характера его, как человека, и притом нет повода полагать, что автор имел при этом в виду какую-нибудь личность. Пьеса эта назначается для бенефиса г-жи Линской.

Ив. Нордстрем.

Как видим, отзыв Нордстрема был написан в довольно сдержанном тоне. Тем не менее на нем наложена была лаконичная резолюция управляющего III Отделением:

Запрещается.

30 октября 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор

Тимашев.

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рап. № 171.)

В 1862 г. пьеса эта снова была представлена в драматическую цензуру, но цензор Булгарин ограничился краткой справкой, что «пьеса эта была уже в рассмотрении цензуры и 30 октября 1875 года запрещена», и Нордстрем дал заключение — «на основании резолюции 30 октября 1857 года запретить. 17 января 1862. Ив. Нордстрем».

(Там же, Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1862 г. Русские пьесы, рап. № 19).
Наконец в 1866 г., когда уже драматическая цензура перешла из ведения III Отделения в ведение Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел, «Просители» в третий раз были представлены в цензуру, вероятно в надежде, что новое цензурное ведомство менее строго отнесется к пьесе, чем III Отделение, однако «Просители» и в третий раз были запрещены цензурой к постановке на сцене. Приводим выписку из журнала заседания Совета Главного управления по делам печати от 25 апреля 1866 г.:

«Заслушав доклад цензора драматических сочинений статского советника Кейзера фон Нилькегейма о рассмотренной им пьесе соч. Н. Щедрина под заглавием «Просители. Провинциальные сцены». Из доклада видно, что эта пьеса была уже недозволена цензурой III Отделения Собственной Его Величества канцелярии. Побудительными поводами к запрещению было то, что в этом сочинении есть слишком много резких выражений и сцен, оскорбительных для лиц, состоящих на государственной службе, и кроме того начальник губернии изображен хотя и благонамеренным, но почти идиотом.

По выслушании этого доклада Совет полагает запрещения пьесы Н. Щедрина под заглавием «Просители» — не отменять».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати с журналами заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1866 г., № 66.)

Отзыв этот, значительно более резкий, чем первый отзыв Нордстрема, проливает свет на причины запрещения пьесы в 1857 г. Ведь «побудительные поводы», на которые ссылается Кейзер фон Нилькегейм, вовсе не содержались в рапорте Нордстрема. Следовательно сведения о них он почерпнул из каких-то других источников. Такими источниками могли послужить как личное знакомство его с делом, так как он в 1857 г. служил чиновником в III Отделении при драматической цензуре, так и представленный еще в 1857 г. на рассмотрение цензуры экземпляр пьесы. Экземпляр этот, хранящийся в настоящее время в Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова в Ленинграде, представляет собой вырезку из «Библиотеки для чтения», где печатались «Просители», с обеими резолюциями — Тимашева и Кейзера фон Нилькегейма, и цензорскими пометками красным и черным карандашом.

Сопоставляя эти пометки с докладами Нордстрема и Кейзера фон Нилькегейма, нетрудно видеть, что подчеркивание красным карандашом сделано по всей вероятности Нордстремом, а черным — Тимашевым.

Если это так, Нордстрем обратил внимание на следующие места:

1) В конце I сцены слова Живновского: «Призови меня к себе его сиятельство и скажи: «Живновский, не нравится вот мне эта борода (указывает на Белугина), задужи его, мой милый» — и задужу. То-есть, сам тут замру, а задужу (Белугин плачет). Не плюйся, не плюйся, борода! Погоди плевать!»

2) Во II сцене реплика Белугина о губернаторе: «Так-то вот все ест. Давеча чай-с кренделями кушал, теперича завтракает, ужо, поди, за обед сядет — только чудо, право, как и дела-то делают?» (Ср. в докладе Нордстрема обвинение в том, что «губернатор представлен с невыгодной стороны в административном отношении»).

Кроме того подчеркнуто два выражения, признанных повидимому слишком грубыми: в IV сцене в замечании Живновского о Хоробиткиной и Налетове «Облупит она его» подчеркнуто слово «облупит» и в V сцене в рассказе Разбитного о том, какое впечатление произвел на князя обед у Налетова: «А спаржа, говорит, просто непристойная», — подчеркнуто слово «непристойная».

Вот и все пометки, сделанные на экземпляре пьесы красным карандашом. Незначительное их количество вполне соответствует не столь резкому отзыву Нордстрема. Зато в pendant решительному тону резолюции Тимашева черным карандашом отмечено

171.

Генерал-майор
Со 24 февраля 1857 г.

Письмо Со Великолепна Императора Александра

Великому князю

Просители.

Просительница сцене со. Н. Щедрина.

Д. И. Императорских театров.

Действие происходит в великом зале губернского
города Иркутска. В этот вечер изобразились, со
каждой стороны, слава и величие просителя
и просительницы разного званія, ожидающих присягу
Губернатора Губернии. Сами же Губернаторъ, Князь Тоболь-
ский, — старикъ добрый и благонравный, но будучи здо-
ровно слабъ оучею и тѣломъ и не имея никакихъ адми-
нистративныхъ способностей, онъ назначается со своимъ на-
мѣту-секретаря, который сплать съ нимъ что хочетъ.

На русской сценѣ не было еще примѣра, чтобы Гу-
бернаторъ предоставлялся бытъ съ какой-либо стороны со ад-
министративнаго отъишенія; онъ тогда актеръ, въ составѣ
со нимъ многого администратора, нескоро же рѣшается
характера со, какъ чловѣка, и притомъ этотъ поводъ писанъ
что актеръ имѣлъ при этомъ со виду какую-нибудь личность. Но
эта назначается для бибриса Г. А. Липской.

М. Козловъ

ОТЗЫВ ЦЕНЗОРА ДРАМАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ИВ. НОРДСТРЕМА О «ПРОСИТЕЛЯХ»
ЩЕДРИНА, ПРЕДПОЛОЖЕННЫХ К ПОСТАНОВКЕ НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО
ТЕАТРА В ОКТЯБРЕ 1857 г.

Сверху резолюция управляющего III Отделением генерал-майора Тимашева, запрещающая постановку
Ленинградское отделение Центрархива

весьма большое количество выражений, в том числе и такой диалог, который позволил Нилькгейму сослаться на то, что по отзыву III Отделения губернатор, князь Чебылкин, представлен почти идиотом:

Н а л е т о в. Э... однакож князь, кажется, этого не знает.

З а б а и я к и н (улыбается, мотает головой и показывает на лоб). Не взыщите-с.

Н а л е т о в. Д-да? Ну, это другое дело.

(В этом диалоге подчеркнуты слова «не взыщите-с».)

Если на подобные места Нилькгейм сосылается как на мотивы запрещения, а в рапорте Нордстрема они не отмечены, то отсюда напрашивается вывод, что Тимашев сам дополнительно просмотрел пьесу и со своей стороны нашел такие места и выражения, что, несмотря на довольно мягкий отзыв Нордстрема, счел невозможным разрешить постановку пьесы.

Только в 1903 г. пьеса была разрешена, но с большими сокращениями и ставилась в Александринском театре в Петербурге 9 мая 1903 г.

В 50-х годах на сцену удалось попасть только переделкам из «Губернских очерков», сделанных не Салтыковым. Собственно их нельзя даже назвать «переделками»: составители этих сцен ограничились простым чисто режиссерским приспособлением к постановке салтыковского текста, оставшегося в совершенно нетронутом виде; разрешение их следует отнести поэтому лишь за счет более осторожного выбора очерков по сюжету.

Вот отзыв Нордстрема об одной из таких сцен:

РАССКАЗ г-жи МУЗОВКИНОЙ

Драматическая сцена, заимствованная из «Губернских очерков» Щедрина и перделанная для сцены Н. Куликовым для Императорских театров.

Какой-то проезжий господин остановился в деревне у старика, крестьянина, Акима, который объясняет ему о житье-бытье своем и б-ти сыновей своих. В это же время является к приезжему дворянка, коллежская секретарша Марья Павловна Музовкина, с просьбой выслушать ее рассказ о том, как она жила приживалкой в разных домах сплетничала, была выгоняема, приносила на это каждый раз жалобы начальству и наконец, лишенная пристанища, бродит по миру, выпрашивая себе деньги в долг, занимательно.

Предосудительного нет ничего.

Ив. Нордстрем.

[На донесении резолюция Тимашева:] «Позволяется». 6 ноября 1857 г. Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев.

(Ленингр. отделение Централхива. Архив драм. цензуры. Рапорты о пьесах, представленных в 1857 г. Русские пьесы, рап. № 148.)

Пьеса была поставлена 31 октября 1857 г. в тот самый бенефис Линской, для которого предназначались запрещенные «Просители».

Н. Куликов — артист и режиссер Александринского театра; другой актер этого театра Григорьев представил в цензуру свою подготовку салтыковского текста «Провинциальные оригиналы».

Нордстрем дал следующий отзыв об этих сценах:

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ОРИГИНАЛЫ

Драматические сцены, составленные из «Губернских очерков» Щедрина в 2-х картинах актером Григорьевым для Императорских театров.

Актер Григорьев выбрал из «Губернских очерков» Щедрина несколько комических сцен из жизни провинциальных чиновников.

1. Ревизор, Алексей Дмитрич, окончив ревизию в г. Крутогорске, собирается уехать. Перед отъездом является к нему, в числе прочих лиц, городничий Желваков, по части которого были замечены злоупотребления (лошади пожарной команды найдены в крайне худом теле), и приглашает ревизора к себе на именной обед. После городничего является к ревизору исправник, Маремьянкин-Живоглот, а за исправником помещик Пе-

регоренский с кляузными жалобами на исправника, но ревизор отказывает ему в его просьбах.

2. Отставной подпоручик Живновский, промотавший свое состояние, рассказывает на станции близ г. Крутогорска о своих видах нажитья в этом городе, рассчитывая при том на тамошних купцов. Он говорит: «Крутогорск это сторона, где купец борода безобразнейшая, сам нищим смотрит, а в сапоге миллионы носит, как давнул эту бороду, так старинные эти крестовики да лобанчики из нее и посыпались».

Представление подобных лиц со времени «Ревизора» Гоголя уже не новость для нашей сцены.

Ив. Нордстрем.

[На донесении резолюция Тимашева:] «Позволяется 6 ноября 1857 г. Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев.

(Ленингр, отделение Централархива, Архив. драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г., № 182.)

Как видно из рапорта цензора, материалом для пьесы «Провинциальные оригиналы» послужили, с одной стороны, очерк «Неприятное посещение» из цикла «Прошлые времена», с другой стороны—очерк «Обманутый подпоручик» из цикла «Мои знакомцы», герой которого Живновский является также действующим лицом пьесы «Просители».

Пьеса «Провинциальные оригиналы» была поставлена на сцене Александринского театра 8 ноября 1857 г. в бенефис Григорьева.

Однако не следует думать, что эти очерки попали на сцену в неискаженном виде. В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова сохранились цензорские экземпляры этих сцен, по которым можно видеть, что цензор, разрешая их и даже указывая, что предосудительного в них нет ничего, выбросил целый ряд мест и выражений (напр. рассказ Акима о сыне Кузьме, который, находясь долгое время в услужении у графа, стал сам пренебрежительно относиться к крепостным—отцу и брату, в «Рассказе г-жи Музовкиной», или следующее рассуждение о значении одного пальца истинного администратора—в произведении «Провинциальные оригиналы»: «Я всегда удивлялся, сколько красноречия нередко заключает в себе один палец истинного администратора. Городничие и исправники извели на практике всю глубину этой тайны...»

«ГОСПОЖА МУЗОВКИНА»
Рисунок М. Башилова к «Губернским очеркам», литографированный П. Борелем
«Художественный Листок»
1868—1869 гг.

III. СМЕРТЬ ПАЗУХИНА

Взгляд официальных кругов на «Смерть Пазухина» может быть установлен лишь по материалам театральной цензуры, так как документы, отразившие прохождение пьесы через обычную цензуру, при печатании в «Русском Вестнике» повидимому не сохранились.

В 1857 г. «Смерть Пазухина» была представлена в драматическую цензуру и получила следующий отзыв Нордстрема:

СМЕРТЬ ПАЗУХИНА

Комедия в 4-х действиях

Н. Щедрина для Императорских театров.

В г. Крутогорске живет богатый купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин, Иван Прокофьевич Пазухин, 75-летний старик, занимающийся откупками и подрядами. Он находится в связи с благородною девицею Живоедовою, которая с этою целью продана ему своими родителями, будучи еще 15-ти лет. Пазухин болен; все окружающие видят приближение смерти, но он не допускает и мысли о том и потому не хочет сделать духовного завещания. Это обстоятельство возмущает как его родственников, так и друзей, которые, будучи все безразличными и порочными людьми, принимают различные преступные меры к овладению капиталами умирающего. Сын его, Прокофий Иванович, устранимый от наследства и презираемый отцом за приверженность к расколичеству, обращается к зятю своему статскому советнику Фурначеву с просьбою: не допустить отца его сделать духовное завещание и за это предлагает ему 150 000 руб. Фурначев (он говорит о себе: «Ведь достиг же я статского советника, происходя, черт знает, из какого звания... даже сказать постыдно! А все деньги!») — негодай и ханжа, имея свои виды на богатство старика Пазухина, выгоняет его со словами: «Ты хочешь, чтобы я в пользу твою продал и честь и совесть, которым я 50 лет безвозмездно служу! Так у меня, сударь, беспорочная пряжка есть». В то же время Фурначев, желая один воспользоваться имением тестя, уговаривает Живоедову подделать ключ от сундука с деньгами; но Живоедова, не доверяя ему, сообщила об этом приятелю старика Пазухина, отставному генералу Лобастову (происхождением из сдаточных), который советует ей в минуту кончины самой похитить деньги из сундука. В час наступившей кончины все они, один за другим, тайно являются в квартиру Пазухина; но никто из них не решается идти в спальню только что скончавшегося, под кроватью которого стоит сундук с деньгами. Но Фурначев, будучи в этом деле опытнее других (он украл в день смерти у своего отца оставшиеся у него деньги), отправляется в спальню и, забравши из сундука билеты и векселя, сколько могло поместиться в его кармане, выходит; но его встречает сын Пазухина со свидетелями, уличает в преступлении и требует от него расписки в совершенной им краже. Затем, созвав всех, объявляет публично, что статский советник Фурначев вор и подлец, и выгоняет со словами: «Вон отсюда! Православные! расступитесь! дайте дорогу вору и грабителю, статскому советнику господину Фурначеву».

В числе прочих замечательно еще лицо отставного подпоручика Живновского, который, хвастая своими подвигами, рассказывает, что он «травил жидов; увез от живого мужа жену, без малейшего с ее стороны согласия; купца третьей гильдии, тоже против собственного его желания, телесному наказанию подверг; родного отца в рекруты отдал; и что после всего этого он остался «здрав и невредим».

Лица, представленные в этой пьесе, доказывают совершенное нравственное разрушение общества.

Ив. Нордстрем.

[На этом отзыве рукой Тимашева написано]

«Запрещается 2 н[оября] 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор Тимашев.

Самая пьеска будет возвращена после. 2 н[оября].»

(Ленингр. отделение Централрхива. Архив. драм. цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рапорт № 18).

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА «СМЕРТИ
ПАЗУХИНА» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАН-
ДРИНСКОГО ТЕАТРА В СЕЗОН

1893—94 г.

Изображены: внизу артисты Козлов-
ская-Шмидтова (Леночка Лобастова)
и Медведев (Лобастов); вверху — Вар-
ламов (Фурначев) и Васильева
(Живоедова)

«Ежегодник императорских театров»
1895 г.

Г-жа Козловская-Шмидтова (Лобастова), Г. Медведев (Лобастов), Г. Варламов (Фурначев), Е. Васильева (Живоедова).
«Смерть Пазухина», декорация Н. Щедрина.

В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова в Ленинграде сохранился экземпляр пьесы с цензурскими отметками красным карандашом. Кроме тех мест, на которые Нордстрем ссылается в своем докладе, им подчеркнуты были еще все церковно-славянские обороты в репликах Велегласного как пародирующие язык религиозных обрядов, все ссылки на священное писание и другие церковные книги и упоминания о раскольниках; затем отмечены были выражения, оскорбительные для власти имущих, например, в реплике Лобастова в I действии V сцены «я хоть и генерал, а добрый», или в реплике Прокофия Ивановича в I действии сцены VI «Вот, я Вам доложу, смрадная-то скотина, даром что статский советник»; подчеркнуты упоминания о карательных мерах, тюрьме и каторге и разные выражения, признанные грубыми и непристойными.

«Смерть Пазухина» впервые была поставлена лишь 2 декабря 1893 г. в Александринском театре, т. е. увидела свет ramпы лишь через 36 лет после ее появления в печати (первая книга октябрьского номера «Русского Вестника» за 1857 г.).

IV. НЕВИННЫЕ РАССКАЗЫ

ГЕГЕМОНИЕВ

Сам по себе незначительный инцидент с рассказом Салтыкова «Гегемониев» служит ярким доказательством того, что в борьбе с салтыковской сатирой цензура не останавливалась даже перед перлюстрацией его писем.

25 августа 1857 г. Салтыков послал письмо И. В. Павлову, в котором, отвечая на его замечание, что «сказание о призвании варягов не факт, а миф», где «варяги — это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицмейстеры, одним словом все администраторы», писал: «Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и написать очерк под заглавием «Историческая догадка». Изложу ее в виде беседы учителя гимназии с учениками» («Русская Старина» 1897 г., № 11, стр. 232—236).

22 октября 1857 г. в Главном управлении цензуры было начато специальное дело об «Исторической догадке». В этом деле хранятся два любопытных документа. Первый

из них представляет собой написанное на клочке бумаги неизвестной рукой краткое анонимное донесение:

«Г. Салтыков намерен написать статью под заглавием «Историческая догадка», изложив ее в виде беседы учителя с учениками».

Сопоставляя эту записку с письмом Салтыкова к Павлову, нетрудно видеть, что она является цитатой из приведенного выше письма.

Второй документ — составленный на основании донесения следующий секретный циркуляр министра народного просвещения, который в то время являлся главой цензурного ведомства.

К о н ф и д е н ц и а л ь н о

Г. Попечителю Московского У[чебного] Округа¹.

Покорнейше прошу Ваше Превосход. в случае поступления на рассмотрение Московского Цензурного Комитета сочинения или журнальной статьи г. Салтыкова под заглавием «Историческая догадка», изложенной в виде беседы учителя с учениками, обратить на онную особенное Ваше внимание [зачеркнуто] и, если признаете нужным, представить мне это сочинение.

Подписал М. Н. Пр. А. Н о р о в.

Такого же содержания г. Исправляющему должность Попечителя С.-Петербургского учебного округа.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры за 1857 г. № 226 о предполагаемой к напечатанию статье г. Салтыкова под заглавием «Историческая догадка»).

Однако впоследствии Салтыков изложил этот миф не в виде беседы учителя с учениками, а старого приказного с молодым становым приставом в рассказе с совсем другим заглавием — «Гегемониев». Немудрено, что московская цензура, незнакомя с предполагавшимся содержанием «Исторической догадки», пропустила этот очерк, не обратив на него «особенного внимания», и он был напечатан в «Московском Вестнике» 1859 г., № 15.

УТРО ХРЕПТЮГИНА

В цензурных архивах не найдено никаких документов, по которым можно было бы судить об отношении обычной цензуры к «Утру Хрептюгина», проявившемся при печатании этой пьесы в «Библиотеке для чтения». Театральная же цензура снова приняла в штыки Салтыкова. Все тот же цензор Нордстрем, который систематически запрещал одну пьесу Салтыкова за другой, дал и об «Утре Хрептюгина» следующий неблагоприятный отзыв:

УТРО ХРЕПТЮГИНА

Драматический очерк в 1 действии.

Соч. г. Щедрина

для Императорских театров.

Разбогатевший провинциальный откупщик Хрептюгин, делающий значительные пожертвования в пользу бедных и на различные общественные устройства единственно из видов честолюбия и желая получить чин надворного советника, узнает, что надежды его не сбылись и что все его денежные пожертвования были напрасны; при этом ему говорят, что вероятно он жертвовал недостаточно и что для достижения желаемого чина следует увеличить пожертвования.

Уместна ли подобная пьеса для сцены?

И в. Н о р д с т р е м.

[На этом докладе управляющим III Отделением была наложена резолюция]:

«Запрещается 21 октября 1857 г.

Свиты Его Величества генерал-майор Т и м а ш е в».

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драматической цензуры. Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1857 г. Русские пьесы, рапорт № 153.)

Спустя десять лет пьеса была снова представлена в драматическую цензуру, уже к тому времени перешедшую в ведение Главного управления цензуры. Цензор драматических сочинений Фридберг отнесся более благожелательно к пьесе Салтыкова, отметив в своем докладе лишь ряд предосудительных мест, а не обрушиваясь на всю

песу в целом (самый отзыв до нас не дошел). И. А. Гончаров, на рассмотрение которого вдобавок поступила эта пьеса, дал о ней 8 февраля 1867 г. отзыв, прямо противоположный нордстремовскому, который был ему повидимому известен. Указывая, что «пьеса запрещена прежнею театральною цензурою без обозначения причины», а «причины», по его мнению, «нет никакой», Гончаров настаивал на том, что «пьеса никакого неблагоприятного впечатления на зрителей произвести не может и за исключением сделанных г. цензором Фридбергом выпусков нескольких выражений, очерк г. Щедрина может быть без всяких затруднений допущен на сцену». (См. ст. А. А. Мазона «Гончаров как цензор». — «Русская Старина» 1911 г., № 3, стр. 481.)

На основании этого отзыва «Утро Хрептюгина» было разрешено и ставилось в октябре 1867 г. на сцене Александринского театра.

МИША И ВАНЯ. ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ.

Противопоставляя в своих воспоминаниях истинную сатиру пасквилью, цензор О. Пржецлавский указывает в качестве примеров первой «Горе от ума» Грибоедова и «превосходные, вполне художественные очерки Щедрина» («Русская Старина» 1875, № 9, стр. 151). Но совсем по-иному отзывался он о Салтыкове, правда, не в воспоминаниях, а в цензорских рапортах за двенадцать лет до этого. В своем обширном докладе о первых двух книжках «Современника» за 1863 г., вышедших после вынужденного восьмимесячного перерыва, он писал:

«Там же, из «Невинных рассказов» Щедрина в I-м «Деревенская тишь» (стр. 162—181) и в III-м «Миша и Ваня» (стр. 195—208), описываются возмутительные черты жестокости и разврата бывших помещиков в их отношениях к бывшим крепостным людям. Хотя подобные картины, с одной стороны, могут сегодня показаться анахронизмами, но с другой—не надобно забывать, что новые отношения между помещиками и крестьянами не вполне еще установились и окрепли, взаимная зависимость одних от других не совсем прекратилась. И поэтому нельзя не заметить, что в настоящем положении дела, где окончательный, вполне удовлетворительный исход во многом обуславливается взаимным забвением обид, доброжелательством и уступчивостию, очень неуместно и даже вредно разжигать страсти и в освобожденном от гнета населении возбуждать чувства ненависти и мщения за невозвратное прошедшее. Я не колеблюсь сказать, что журнал истинно патриотический должен бы понимать это и воздержаться от помещиц подобных статей».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги В. А. Цез, № 59.)

РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ

«Развеселое житье» — одно из наиболее пострадавших от цензуры произведений Салтыкова этих лет. Оно было совершенно изуродовано ею. Именно о «Развеселом житье» писал Салтыков Анненкову 29 декабря 1859 г.: «Я по опыту знаю, каково печататься в «Современнике», где редакция не дает себе труда даже связывать пробы, оставленные цензорским скальпелем» («Письма», Л., 1925, стр. 18). До «Развеселого житья» Салтыков напечатал в «Современнике» только «Жениха» (1857, № 10), и конечно не о нем шла речь.

Интересно, что, лишенное своих наиболее ярких эпизодов, «смягченное» в целом ряде мест «Развеселое житье» было весьма благожелательно аттестовано Александру II министром народного просвещения. В одном из его очередных докладов о текущей журналистике от 18 марта 1859 г. читаем:

Развеселое житье.

Щедрина.

«Современник» 1859, № 2.

Содержание этой статьи весьма несложное. Дворовый человек за связь с любовницею своего барина был отдан в рекруты. Бежал в лес, стал промышлять разбоем и рассказывает свое житье, которое, впрочем, на деле совсем не оказывается развеселым, ибо не избавляет ни от горя, ни от сожаления. Язык и склад мысли совершенно народные; рассказ весьма замечателен по глу-

бокому знанию русского человека, которого нравственный облик часто не изглаживается при развратнейшем образе жизни. Во всем повествовании сквозит поэтическое сочувствие к силе и красоте природы, бессознательная набожность и врожденное мягкосердечие.

(Дальше следует ряд цитат, подтверждающих эту характеристику. — И. Я.)

(Ленингр. отделение Централрхива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1859, № 42, часть I «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», лист 71 об.—72).

Уже в 1890 г., 17 марта, Комитет иностранной цензуры препроводил в С.-Петербургский цензурный комитет четыре брошюры, изданные в Женеве М. Эллидиным, и просил уведомить его — «могут ли означенные брошюры быть допущены к обращению в публике». Брошюры эти были: 1) От нечего делать. Собрание повестей и рассказов русских авторов. Вып. I; 2) Три сказки для детей изрядного возраста. Н. Щедрина; 3) Новые сказки для детей изрядного возраста. Н. Щедрина; 4) Чужую беду руками разведу. Н. Щедрина. В первую брошюру вошли произведения Слепцова, Достоевского и «Развеселое житье» Салтыкова. 21 марта 1890 г., по докладу цензора В. Ведрова, на все эти книжки были наложен запрет.

«Все эти маленькие брошюры, — читаем в журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета, — напечатаны в Женеве известною изданием запрещенных книг фирмою Эллидина, а произведения, в них заключающиеся, вырваны из полных собраний сочинений названных авторов, особенно из сочинений Щедрина, и хотя известны русским читателям, являясь под фирмою Эллидина и женевским изданием, имеют особенно тягостное и вредное влияние. Они все запечатлены характером ненависти к русской жизни и ее безотрадному положению... Определено: принимая во внимание несомненный тенденциозный и вредный характер докладываемых цензором сочинений Щедрина, терпимых внутри России лишь в полном собрании сочинений, уведомить Комитет цензуры иностранной, что все четыре брошюры не могут быть допущены к обращению в публике».

V. САТИРЫ В ПРОЗЕ

ГОСПОЖА ПАДЕЙКОВА

Выше приведен отзыв министра народного просвещения о «Развеселом житье». Нужно отметить, что в 1859—1860 гг. он ежемесячно представлял Александру II доклады о текущей журналистике, в которых отдавал дань либеральным веяниям тех лет. Салтыков, еще стоявший на либеральных, а не революционных позициях, не являлся для правительственных кругов одиозной фигурой, и в докладах министра народного просвещения есть еще два благожелательных отзыва о его произведениях. Один из них — о «Госпоже Падейковой»:

Госпожа Падейкова.

Н. Щедрина.

«Русская беседа» 1859, № 4.

Госпожа Падейкова проживает в своем небольшом имении; она отлично хозяйничает; дворня и барщина повинуются ей безусловно. Но вот ей сообщили под секретом, что важные изменения произойдут в отношениях помещиков и крестьян между собою, — и госпожа Падейкова, которая не может представить себе иных отношений, как крепостные, впадает в ужас; смиренно ее нет границ; она не видит и не замечает беспорядков и с минуты на минуту ожидает, что ее

дворян потребует от нее услуг, которые ей оказывала.

Остроумная эта карикатура набросана с собственным Щедриным талантом.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1859, № 42, часть 2-я, «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», листы 36 об.—37; доклад от 31 июля 1859 г.)

СОГЛАШЕНИЕ

Н. В. Яковлевым высказано предположение, что предназначавшаяся для «Библиотеки для чтения» и запрещенная пьеса «Съезд», о которой упоминает в своих письмах 1859—1860 гг. Салтыков (см. «Письма» Салтыкова под редакцией Н. В. Яковлева. Л., 1925, стр. 16, 17, 19, 22), и есть «Соглашение», напечатанное впоследствии в 1862 г. во «Времени». Если правильно это предположение, самый факт запрещения пьесы С.-Петербургским цензурным комитетом свидетельствует о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться Салтыкову при печатании «Соглашения». Однако никаких документов, связанных как с запрещением «Съезда», так и с печатанием «Соглашения» во «Времени», не сохранилось.

Любопытно, что когда через полвека, уже в 1911 г., пьеса эта была впервые представлена в драматическую цензуру,— вообще, надо сказать, более придирчивую, так как она была призвана оберегать массового зрителя от пропаганды «вредных идей»,— попытка эта встретила решительный отпор. Цензор Ребров так охарактеризовал эту пьесу в своем рапорте:

СОГЛАШЕНИЕ

Соч. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина).

Пьеса из времен крепостного быта, и ведутся разговоры, соответствующие этой эпохе. В конце пьесы автор рисует противодействие дворян реформе 19 февраля. Дворяне будут соглашаться на все, однако впоследствии все вернут на старый путь.

Вследствие возбуждения неудовольствия одного сословия против другого, пьеса эта неудобна к постановке на сцене.

За цензора драматических сочинений
Ребров.

21 февраля 1911 г.

(Ленингр. отделение Центрархива. Архив драматической цензуры. Доклады цензоров за 1911 г.)

Как видно из этого рапорта, формальным основанием к запрету послужило правительственное распоряжение по цензуре, изданное еще в 1848 г. (в связи с революционными событиями на Западе), о недопущении сочинений, возбуждающих одно ссловие против другого. Решительное противодействие цензуры объясняется тем, что самая постановка пьесы приурочивалась к пятидесятилетию крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. (она была представлена в цензуру еще 8 февраля 1911 г.). Правительством в это время предпринимало все меры к тому, чтобы всюду проводилась единая мысль о великом значении этой реформы. Между тем в пьесе Салтыкова реформа трактовалась не как дарованное помещиками освобождение крестьян, а как откровенная сделка помещиков, при чем вывод подсаживался приблизительно такой же, какой делал в то время и Ленин в «Рабочей газете» от 8 февраля 1911 г. в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники... И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу», ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» (Соч., 3-е изд., т. XV, стр. 109).

Естественно, что пьеса, приводившая к подобному же выводу, должна была в тот момент подвергнуться запрещению.

На рапорте Реброва вероятно начальник Главного управления по делам печати наложил резолюцию: «Согласен, 24/III». Но еще раньше Ребров сам запретил «Соглашение».

В Центральной библиотеке русской драмы им. Ходотова сохранилось два экземпляра пьесы, побывавших на рассмотрении цензуры и являющихся точными списками с журнального текста. На одном из них проставлена дата поступления пьесы на рас-

смотрение цензуры (8 февраля 1911 г.) и печаткой оттиснуто: «К представлению признано неудобным. С.-Петербург, 22 февраля 1911 г. За цензора драматических сочинений Ребров».

Пьеса эта так и не попала на сцену.

СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ

В докладе министра народного просвещения Александру II от 11 февраля 1860 г. находим следующий отзыв о «Скрежете зубовном»:

Скрежет зубовный.

Н. Щедрина.

«Современник» 1860,

№ 1.

Рассказать содержание этой статьи Щедрина невозможно: это есть сатира на многие стороны нашей общественной жизни, а более всего на страсть красоваться и ораторствовать, злоупотребляя громкими словами, которыми нередко прикрываются весьма непохвальные стремления. Чертя ряд карикатур, автор обнаруживает много фантазии и остроумия.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии министра народного просвещения по Главному управлению цензуры, 1860, № 13, часть 1-я, «со всеподданнейшими докладами г. министра народного просвещения о замечательнейших сочинениях, помещенных в периодической литературе», лист 35.)

ГЛУПОВСКОЕ РАСПУТСТВО. КАПУНЫ

Эти два произведения постигла в цензуре одна и та же участь. Автор статьи «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения» В. Е. Рудаков пишет: «Около 20 апреля 1862 года поступили в цензуру статьи Щедрина — «Глуповское распутство» и «Капуны». Цензор перемарал в них очень многое; тогда явился к председателю комитета редактор Н. Г. Чернышевский; согласился выкинуть в первой статье лишь места, касающиеся Зубатова, самое печатание статей отложить до следующей книжки журнала («Исторический Вестник» 1911, № 8, стр. 528).

Все это происходило вероятно именно так, но не удалось найти некоторых документальных данных, которые были очевидно в распоряжении Рудакова, например о свидании Чернышевского с председателем С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цезя.

В архиве Цезя сохранилось два письма к нему министра народного просвещения А. В. Головнина о «Глуповском распутстве» и «Капунах». В первом, от 24 апреля 1862 г., Головнин писал:

«Статьи г. Щедрина: «Глуповское распутство» и «Капуны» следует непременно пропустить, но из первой должно исключить все, что говорится о Зубатове».

Запросил ли Цезя Головнина уже после разговора с Чернышевским, желая только получить одобрение своего решения, или он сделал это до свидания с ним — установить на основании известных нам материалов невозможно. Рудаков полагает, что имело место первое. «Разрешение подтвердил и Головнин», пишет он.

Но Цезя продолжал колебаться и сообщил о своих сомнениях Головнину. Тогда тот отдал «Глуповское распутство» и «Капунов» на просмотр влиятельному придворному, графу С. Г. Строгонову, бывшему попечителю московского учебного округа, воспитателю наследника и члену Государственного совета. Получив от него ответ (его найти не удалось), Головнин запретил оба очерка. Вот что он писал после этого Цезя:

«27 апр.

Я чрезвычайно благодарен тебе за то, что не воспользовался разрешением напечатать статьи Щедрина. Этот случай доказывает, как трудно цензурное дело, и доказывает, что у тебя есть необыкновенный такт. Я полагал дозволить обе статьи, но вследствие твоего предостережения послал их Строгонову. Вот его ответ и впоследствии того обе статьи запрещаются. Еще раз благодарю.

Пред. Головнин».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цезя.)

Чернышевский за несколько дней до этого переслал Салтыкову корректуры вместе со своими замечаниями по поводу «Капунов». «Милостивый государь Николай Гаврилович! — писал ему в ответ Салтыков 29 апреля. — Возвращая корректуры, прошу Вас не винить меня, что так долго продержал их; дело в том, что я был в деревне в то время, как [они] мне были пересланы. Мне кажется, что Вы придаете «Капунам» смысл, которого они не имеют... Впрочем, я желаемые исправления сделал. Очень жаль, что Вы не прислали мне цензурскую корректуру, ибо я не надеюсь, чтоб цензор пропустил все в том виде, как оно написано».

Дальше дело происходило повидимому так. Цез очутился в неловком положении, сначала разрешив «Глуповское распутство» и «Капунов», и потому всячески оттягивал окончательный ответ. Сделать это ему было нетрудно, потому что в середине июня «Современник» был приостановлен на восемь месяцев и редакция верно не очень настаивала на немедленном решении. Но в конце 1862 г., когда восьмимесячный срок приближался к концу и необходимо было собирать материал для ближайших книжек, редакция естественно должна была заинтересоваться застрявшими в цензуре произведениями. Салтыков, который с декабря 1862 г. стал принимать ближайшее участие в редактировании «Современника», пишет Некрасову 29 декабря о ряде редакционных дел, связанных с выпуском первой после перерыва книги, о ряде статей и художественных произведений, которые действительно появились в ней. Между прочим он упоминает о «Велик бог земли русской» П. Якушкина и рекомендует Некрасову похлопотать об этой вещи в цензурном комитете: «Вам не мешало бы опять побывать у Цез, чтоб справиться, тем более, что, быть может, у него и корректуры нет». И тут же Салтыков прибавляет: «Если будете, то потрудитесь также похлопотать у Цез и за мою статью «Глуп. распутство», которая тоже у него киснет» («Письма», стр. 34). Вряд ли правильно понимать письмо в том смысле, что «Салтыков уже в самом конце 1862 года делал попытки вторично провести этот очерк через цензуру» (Иванов-Разумник. «М. Е. Салтыков-Щедрин». Т. I, М., 1930, стр. 234). Наиболее правдоподобным представляется предположение, что Цез все еще не дал окончательного ответа, а потому и редакция «Современника», и Салтыков не знали еще о запрещении «Глуповского распутства» и предназначали первый из этих очерков для I—II кн. «Современника» за 1863 г. Более естественно звучат при таком понимании слова — «которая тоже у него киснет». Только после этого, т. е. в самых последних числах декабря или даже в январе, стало известно о цензурном запрете. К этому времени и относится эпизод, описанный в воспоминаниях А. Я. Панаевой; почти несомненно, что речь идет у нее именно о запрещении «Глуповского распутства» и «Капунов».

«Я была свидетельницей однажды страшного раздражения Салтыкова против литературы. Не могу припомнить название его очерка или рассказа, запрещенного цензором. Это запрещение было очень неприятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего номер журнала должен был очень запоздать».

Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколеть с голоду: если писатель рассчитывает жить литературным трудом, то он не зарабатывает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал; что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислouxий, камергер имеет власть не только исказить, но запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет пред литературой хотя то преимущество, что человека не грабят, что он каждое утро отсидит известное число часов на службе и получает каждый месяц жалованье, а вот он теперь и свщи в кулак. Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, заметил, что не верит этому» («Воспоминания», Л., 1927, стр. 497. Курсив мой.— И. Я.).

Между тем Чернышевский еще в мае — июне (после 29 апреля — см. цитированное выше письмо к нему Салтыкова, но до 7 июля, когда он был арестован), уверенный, что «Капуны» разрешены цензурой, в то же время принципиально несогласный с ними, уговорил Салтыкова взять очерк обратно, не печатать его. Потому-то в письме к Некрасову от 29 декабря Салтыков упоминает об одном «Глуповском распутстве».

Через девять лет, в письме к А. Н. Пыпину от 6 апреля 1871 г., Салтыков вспоминал о «Капунах»: «Н[иколай] Г[аврилович], который тогда же писал ко мне по этому случаю, оспаривал меня и убедил взять очерк назад» («Неизданные письма», М.—Л., 1932, стр. 39). Салтыков ни слова не говорит о цензуре, и это вполне естественно: он узнал о запрещении через несколько месяцев после того, как сам решил не печатать «Капунов». Если остановиться на изложенном выше предположении, то противоречие между письмом к Пыпину и известным нам фактом цензурного запрещения «Капунов» исчезает. Если же допустить, что решение цензуры стало известно редакции «Современника» сразу, т. е. в конце апреля — начале мая 1862 г., то Чернышевскому незачем было уговаривать Салтыкова взять очерк обратно, а свидетельство об этом самого Салтыкова вряд ли может быть заподозрено. Итак, Салтыков

согласился взять «Каплунов» обратно уже после цензурного запрета, но задолго до того, как о нем стало известно и ему, и редакции «Современника».

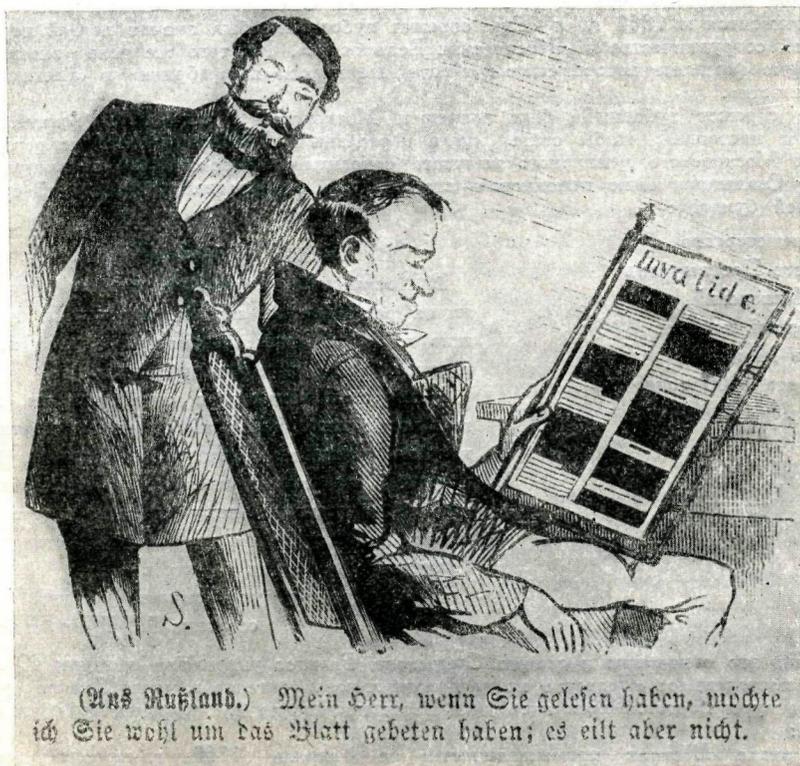
Иванов-Разумник считает, что очерк «Глулов и глуловцы», примыкающий к «Глуловскому распутству» и «Каплунам», был запрещен цензурой одновременно с ними — в апреле 1862 г. («М. Е. Салтыков-Щедрин», т. I, стр. 205). Однако это утверждение ничем не может быть обосновано. Если и согласиться, что три очерка, предназначавшиеся Салтыковым для апрельской и майской книжек «Современника», три очерка, о которых он писал Чернышевскому и Некрасову, были «Каплуны», «Глуловское распутство» и «Глулов и глуловцы», то это все же ничего не доказывает. Ведь известно, что Головин запретил только два очерка — и притом именно «Глуловское распутство» и «Каплунов» (см. выше). Куда же делся очерк «Глулов и глуловцы»? На этот вопрос дает ответ письмо Салтыкова к Чернышевскому от 29 апреля 1862 г.: «Соболезную также о пропаже одной моей статейки,— писал он.— Если она сыщется, то потрудитесь напечатать ее вместе с прочими первым номером. Эта статейка не более полулиста займет и печатать ее особо не стоит. Если же она не найдется ко времени, то не печатайте совсем; я тисну ее где-нибудь в газетке».

КАК КОМУ УГОДНО

В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 4 сентября 1863 г. доклад цензора Веселаго и резолюция о «Как кому угодно» изложены следующим образом:

«Статья г. Щедрина под заглавием «Как кому угодно», в которой объясняется неплесть и безосновательность всякого рода обязанностей вообще и в форме семейных сцен выставляется существующее в обществе несогласие между теоретическим пониманием разного рода семейных обязанностей и действительным их исполнением. Определено: дозволить с исключением некоторых резких мест, долженных г. цензором».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

(Aus Rußland.) Mein Herr, wenn Sie gelesen haben, möchte ich Sie wohl um das Blatt gebeten haben; es eilt aber nicht.

НЕМЕЦКАЯ КАРИКАТУРА НА РУССКОЮ ЦЕНЗУРУ В ЖУРНАЛЕ

«KLADDERADATSCH» 1861 г., № 12

VI. ПУБЛИЦИСТИКА 60-х ГОДОВ

ЕЩЕ СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ

До сих пор считалось, что статья «Еще скрежет зубовой» предназначалась для мартовской книжки «Современника» за 1860 г. «Посланный Салтыковым немедленно в редакцию «Современника», — пишет Иванов-Разумник, — очерк «Еще скрежет зубовой» не был напечатан в журнале; на автографе имелись карандашные пометки: «Неудобно» и «Не одобряется». Первая могла быть выражением мнения редакции, а вторая — несомненно выражением цензурского мнения. Так или иначе, но рукопись была возвращена Салтыкову и никогда не была им напечатана» (Иванов-Разумник. «М. Е. Салтыков-Щедрин». Т. I, М., 1930, стр. 214). (Разрядка моя. — И. Я.)

Прежде всего о надписях. Трудно предположить, чтобы редакция, посылая рукопись в цензуру, написала на ней свое, притом неблагоприятное мнение о ней, как бы подсказывая цензору решение. С другой стороны, и после достаточно выразительной надписи «Не одобряется» вряд ли имело смысл делать дополнительную «Неудобно». Надпись была повидимому одна. Вл. Суходрев в статье «Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина» сообщает со слов М. М. Стасюлевича о карандашной пометке: «№ 90. Неудобно» («Новое Время» 1910, № 12155 от 13 января); в «Вестнике Европы» (1915, № 9) в примечании к «Еще скрежету зубовому» говорится о надписи Салтыкова: «Если статья напечатается, то просят отпечатать особо 25 оттисков» и пометке над нею: «Не одобряется». «Неудобно» и «Не одобряется» — это по всей вероятности одна и та же надпись, сначала неверно прочитанная, и сделана она поведением редакции перед возвращением рукописи Салтыкову.

В справедливости утверждения, что «Еще скрежет зубовой» предназначался для «Современника», можно было усомниться хотя бы потому, что статья подписана — «М. Салтыков». Ни под одним произведением, напечатанном в «Современнике» (если не считать разумеется писем в редакцию), нет этой подписи. Зато мы находим ее под рядом публицистических статей Салтыкова, напечатанных в 1861 г. в «Московских Ведомостях» и «Современной летописи» «Русского Вестника». Из обнаруженного в архиве Главного управления цензуры специального дела об «Еще скрежет зубовой» узнаем, что и эта статья предназначалась тоже для «Московских Ведомостей». Это тем более интересно, что известные нам статьи Салтыкова в «Московских Ведомостях» относятся к 1861 г., и «Еще скрежет зубовой» был значит первой неудачной попыткой сотрудничества в «Московских Ведомостях». Из того же дела узнаем также настоящую фамилию автора статьи «Косвенные налоги на фабрики» в «Вестнике промышленности».

«Еще скрежет зубовой» был запрещен Московским цензурным комитетом, но Салтыков настаивал, чтобы статья была переслана в Главное управление цензуры — в делах Московского цензурного комитета сохранилось вероятно его заявление. Требование Салтыкова было исполнено — статья была отправлена со следующей сопроводительной бумагой:

Министерство
Народного Просвещения
Московский
Цензурный комитет
в Москве
10 марта 1860 года.
№ 174.

В Главное управление цензуры
В Московский цензурный комитет представле-
на на рассмотрение предназначаемая к помеще-
нию в «Московских Ведомостях» статья под за-
главием: «Еще скрежет зубовой».

Цензурный комитет, с своей стороны, не нашел возможным одобрить статью к печати, так как она содержит описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формою законности; но по настоятельному желанию автора честь имеем представить оную на благоусмотрение Главного управления цензуры.

Председатель комитета сенатор тайный
советник М. Щербинин.

Получив это отношение и статью Салтыкова, Главное управление цензуры 19 марта 1860 г. постановило: «Передать на предварительное прочтение г. члену Главного управления цензуры Берте». Через пять дней Берте представил длинную докладную записку. Вот она:

«В журнале «Вестник промышленности» за февраль 1860 г. помещена статья «Косвенные налоги на фабрики»; автор ее, как известно из полученного ответа от Московского цензурного комитета на запрос Главного управления цензуры, г. Дубенский

берет содержание для своего рассказа из события, случившегося в городе Егорьевске, Рязанской губернии. При чтении этой статьи никак нельзя догадаться ни о месте, в котором происходило рассказанное дело, ни о лицах, в нем упомянутых. Автор, проезжая в этот город, услышал на станции от бывшего егорьевского, теперь переведенного в другое место, городничего, что многие крестьяне выпросили от управляющего одной значительной фабрики этого уезда денег на выкуп себя на волю, обещая их заработать впродолжение 4-х лет. Впоследствии эти же крестьяне, побуждаемые неблагонамеренными людьми, объяснившими им, что и без обязательной работы на фабрике впродолжение четырех лет они будут вольными, подали просьбу, что прописание их в мещанство была сделано без их согласия через стачку фабрикантов с помещиками. Следователем назначен был чиновник особых поручений гражданского губернатора, который сам рассказал все дело любопытному проезжему, когда тот остановился в Егорьевске. Хвастливо выставил он свои заслуги по этому следствию и нагло высказал, что вся запутанность произошла от нежелания фабрикантов заплатить. Тем оканчивается рассказ Дубенского в «Вестнике промышленности». Истиною дышет всякое слово и заставляет читателя жалеть героев рассказа—запутавшихся за свое доброе дело фабрикантов и несправедливо переведенного в другое место служения городничего. Такая обличительная статья вызвала ответ г. Салтыкова (Щедрина — известного автора «Губернских очерков») под заглавием: «Еще скрежет зубовный», предназначенный к печатанию в «Московские ведомости». Московский цензурный комитет затруднился одобрить к печати рукопись, так как она содержит «описание злоупотреблений помещичьей власти, прикрытых формою законности», и по настоятельному желанию автора представил эту рукопись в Главное управление цензуры.

Г. Салтыков в своем возражении на статью Дубенского смотрит на все дело с другой точки зрения, он видит в помещиках и фабрикантах—посягателей на свободный труд крестьянина, аферистов на человеческое мясо, не хочет знать: были ли двигатели, побудившие в крестьянах охоту отказаться от прежних обещаний в надежде на лучшую свободу без обязательной работы фабриканту. Его мысль одна — помещики, желая отпустить своих крестьян без надела землею, старались сбить их фабрикантам по контрактам с этими последними, даже неизвестным контрагентам. Извлекая данные из сделанного следствия, Салтыков приводит примеры насильственного увоза крестьян на фабрику, подстановки вместо оказавшихся негодными других, жестокого обращения на фабриках и невыгодных для крестьян условий с фабрикантами. Его статья выставляет уголовный характер всего дела, требует юридического разбора; сожаление читателей первой безвредной статьи о фабрикантах, глупо впутавшихся в чужое для них дело, о невинно удаленном городничем теперь превращается в сильное негодование против помещиков, сознающих только свои выгоды и забывающих об интересах крестьянина. Сличая обе статьи, я нахожу, что литературный характер первой статьи, строго сохранившей *incognito* лиц и места, позволяет ее видеть в печати. В ней—возбуждающий сочувствие рассказ очевидца без всякого стремления сделать непреложным высказанное мнение.

Во второй статье юридическое разбирательство, вырванное из самого следствия, с некоторым личным оправданием автора указывает на неоконченность этого уголовного дела, в котором преступники—помещики и фабриканты, делавшие насилие крестьянам, и разные должностные лица, со стороны которых открыты «бесчисленные подлоги и преступления» (стр. 13). Как ни полезно допускать в литературу печатание опровержения на обличительные статьи литературного характера, но нельзя согласиться на напечатание еще не разрешенного уголовного дела, на обнаружение важных злоупотреблений, еще не доказанных по суду и только скрепленных подписью известного литератора — первоначальника обличительной литературы нашего времени. Тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры.

Член Главного управления цензуры А. Берте.

Согласившись с оценкой Берте, Главное управление цензуры 26 марта постановило: «Отказать в напечатании статьи по причинам, в мнении члена изложенным». И через несколько дней соответствующая бумага была отправлена в Московский цензурный комитет (цитирую по копии):

31 марта 1860 г.

№ 414.

Отв. на № 174.

О рукописи «Еще скрежет зубовой».

Московскому цензурному комитету:

Главное управление цензуры, рассмотрев представление Московского цензурного комитета от 10 сего марта о предназначавшейся к помещению в «Московских ведомостях» рукописной статье г. Салтыкова под заглавием «Еще скрежет зубовой» и самую эту рукопись, не нашло возможным дозволить напечатание сей статьи, так как в ней излагается не разрешенное еще уголовное дело и обнаруживаются важные злоупотребления, не доказанные доселе по суду.

Рукопись г. Салтыкова у сего возвращается.

Член Главного управления цензуры

Н. Муханов.

Правитель дел Пр. Янкевич.

(Ленингр. отделение Централрхива. Дело Главного управления цензуры, 1860, № 114 «По представлению Московского цензурного комитета о рассмотрении статьи «Еще скрежет зубовой», предназначенной к помещению в «Московских Ведомостях».)

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Первая статья из цикла «Наша общественная жизнь» была предназначена для январско-февральской книжки «Современника» за 1863 г., вышедшей после вынужденного восьмимесячного молчания. Естественно, что цензура весьма осторожно отнеслась к представленному «Современником» материалу, тем более, что его руководители и не думали о «понижении тона». «Наша общественная жизнь» была дана на отзыв, по распоряжению председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез, сразу трем цензорам. Один из них, Ст. Лебедев, писал:

«В большей части статьи под заглавием «Наша общественная жизнь», назначенной для «Современника», пытаются объяснить: что такое у нас благонамеренные, нигилисты и мальчишки. Под первыми разумеются консерваторы, под последними крайние, неверующие, самые красные. Вся эта речь, большею частью зигзагами, ведена к тому, чтобы указать, что нигилисты и мальчишки приобретают значение в обществе, потому что они, как на возрастающую силу, начинают обращать внимание. И действительно, оканчивает автор, без настоячивых действий и требований нигилистов и мальчишек наше правительство не сделало бы никаких преобразований, необходимых для развития сил на родных. По его словам выходит, что всеми нововведениями последнего времени мы обязаны нигилистам + мальчишкам.

Так как эту последнюю мысль я предполагаю необходимым исключить вместе с другими отдельными мыслями и выражениями в 34 местах, сбоку отмеченных мною цифрами и окаймленных в тексте кавычками, то остальное за тем, не представляющее ничегорезкого и грубого, можно бы дозволить печатать. Мнение свое имею честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства.

27 января 1863 года.

Цензор Ст. Лебедев.

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цез, № 36.)

Аналогичный письменный отзыв получил Цез от цензора Оберта (он нами не найден) и устный — от цензора Веселаго. Но не решаясь все же пропустить свою статью «Наша общественная жизнь», он обратился к министру внутренних дел П. Валуев со следующим письмом:

«Три цензора: действительные статские советники Веселаго и Лебедев и статский советник Оберт полагают, что статья Щедрина «Наша общественная жизнь» могла бы быть дозволена со сделанными ими исключениями.

(Аполлона Б.)

«СТАТЬЯ ДО ПРОСМОТРА ЦЕНЗУРЫ И СТАТЬЯ ПРОЦЕНЗУРОВАННАЯ»
 Карикатура «Искры» 1863 г., № 34

Письменные отзывы гг. Лебедева и Оберта при сем представляются; г. Веселаго дал отзыв словесный.

Мнение их я вполне разделяю.

Василий Цез.

28/1».

Цензоров смущали ~~видимому~~ и те места статьи Салтыкова, где говорится об органе министерства внутренних дел «Северной Почте». Но Валуев проявил либерализм, которым он изредка любил порисоваться, и сделал на письме Цез такую надпись:

«Разделяю это мнение, с присовокуплением, что если нет препятствия говорить о гг. Каткове, Краевском и Тургенева, но также нет повода заслонять гг. редакторов Сев[ерной] почты. Ни в каком отношении гг. цензоры не могут быть так снисходительны и неразборчивы, как во всем, что относится до М[инисте]р[ст]ва в[нутренних] [дел] и его газеты, лишь бы приличие выражений не было нарушаемо.

28/1».

(Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цез, № 37.)

Уже после выхода январско-февральской и мартовской книг «Современника» 24 апреля 1863 г. член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания О. Пржедулавский представил в Совет обширный доклад о них, в котором много места было уделено Салтыкову. Небольшие отрывки из этого доклада были напечатаны в статье В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения» («Исторический Вестник» 1911, № 9, стр. 981—982). Приступая к рассмотрению журнала, Пржедулавский писал:

«Новое поприще свое после 8-месячного принужденного бездействия «Современник» открыл изданием толстого тома, вмещающего два нумера за январь и февраль. Наблюдающему за этим журналом предстояло бы исследовать: насколько принятая относительно его исправительная мера послужила к улучшению направления, которое вызвало ее. Но как соображения, по которым приостановление издания последовало, мне неизвестны, и в делах Совета по делам книгопечатания нет об этом никаких данных: то при оценке вышедших донныне книжек «Современника» я должен был руководствоваться лишь уважениями, основанными на существующих правилах цензуры и на общих требованиях, вытекающих из самого смысла цензурного учреждения».

Затем следует отзыв о «Моих скитаниях по белу свету» Н. Берга, «Деревенской тиши» и «Мише и Ване» Салтыкова (см. выше), о статье Салтыкова «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского Вестника» за 1862 г.» (см. ниже), о статье «Литературный кризис» и написанном М. Антоновичем «Кратком обзоре журналов за истекшие восемь месяцев». О «Нашей общественной жизни» он писал:

«Не менее замечательно по тону и содержанию статьею толстого двухмесячного тома должно считать очерк «Наша общественная жизнь» (стр. 355—376). В нем упоминается о приостановлении «Современника» и мере этой мимоходом дается характеристика чистого произвола (стр. 359, 360). С этого как бы вступления вся статья принимает уже насмешливый тон и предметом этой насмешки и всякого рода острот избирается (кто бы мог подумать)—благонамеренный и хороший образ мыслей. Люди, руководствующиеся этими правилами, или, по крайней мере, стремящиеся в них, представлены тут в самом пошлом и презрительном виде (стр. 360, 361, 362). В одном месте (361, 362) говорится: «отличительный признак хорошего образа мыслей есть невинность. Невинность же... есть отчасти отсутствие всякого образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различать добро от зла. Любите отечество (?) и читайте Поль де Кока, краткий и незамысловатый кодекс житейской мудрости, которым руководствуется современный благонамеренный человек».

Такая дефиниция благонамеренности и высказанные насчет ее колкости, повидимому, направлены на упомянутых выше писателей, принявших так называемое реакционное направление и заявивших себя противниками дурной литературы. При этом случае «Современник» мстит за обнаружение его тенденций в известном романе «Отцы и дети» и метко придуманное ей название нигилизма. Он усиливается здравомыслящих писателей уронить в общественном мнении всякими способами, и оружием насмешки, и обидными намеками на их корыстные виды. Что касается до нигилизма, то «Современник» отстаивает его и в настоящей статье, и в предыдущих—«Литературный кризис» и «Внутреннее обозрение», представляя его одним истинным деятелем прогрессивности. Такой же апологии удостаивается от «Современника» и так называемое «мальчишество», и в этой апологии он заходит очень далеко, даже до угроз (стр. 374).

Замечательнейшие в этой статье места означены на стр. 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 374, 375.

В связи с этой статьею состоит написанное для вявшего эффекта приказным слогом письмо, помещенное в статье «Петербургские театры» (стр. 189—197), исполненное иронии над понятиями благонамеренности и общественного порядка.

Здесь место сказать, что одна из отличительных черт журнала «Современник», замеченная еще до приостановления его издания,—это настойчивость, с какою он проводит элементы своей тенденции. В одном и том же номере одни и те же мысли разбросаны в разных отделах и под различными формами, так что один из этих видов восполняется и обобщается другими. Таким образом мысли эти, систематически группируясь, должны глубоко проникать во внимание читающего.

Возвращаясь собственно к нападкам на благонамеренность и хороший образ мыслей, конечно, нельзя допустить в журнале такого цинизма, чтобы он отвергал самую сущность этих понятий; должно понимать так, что нападки эти направлены лишь против тартюфизма благонамеренности. Это, однако же, нигде не оговорено, а представлено догадливости читателя. В этом случае журнал как будто забывает о великой массе читающих, в которых можно и не предполагать такой проницательности и которые наивно примут на веру выходки его в буквальном их смысле. Но даже и в противном предположении, то-есть допустив, что все поймут иносказание: все-таки принятая манера, безусловная и безоговорочная, не может быть одобрена по следующим уважениям.

Понятия, выражаемые установившимися словами, требуют, чтобы с ними обращались с великою осторожностью. Если слово подверглось злоупотреблению, если смысл его извращен и насильно натягивается к вещам, уклоняющимся от чистого мыслимого (?) типа и через это последовало затмение и смешение самых понятий, то

следует восстановить слово в первобытном, чистом значении, разъяснить понятия и каждое поставить на его место. Но ни в каком случае не следует подвергать опале самое слово, как будто виновное в том, что его употребили в зло. Это тоже своего рода смешение понятий, вредное *quid pro quo*. Таким образом, то-есть выставляя на позор слова в их извращенном значении, очень легко опозлить их и сделать вовсе неупотребительными, а эта операция не может обойтись без ущерба для самого понятия, им выражаемого. Во всяком же случае, опозлив слово и таким образом уморив его, необходимо заменить его другим, равнозначущим или еще лучше выражающим первоначальное понятие. Иначе это есть отказаться и от самого понятия. Вот что и случается с «Современником»; он излил столько иронии на слова: благонамеренность, благонамеренный, хороший образ мыслей, что ему невозможно уже употребить их в другом смысле, кроме иронического. Но из этого вышло одно лишь отрицание; на место уничтоженных слов журнал не создал, не предложил новых и не только сам себя поставил в невозможность выразить понятия, соответствующие им, но и других в этом стеснил; не один из пишущих, по милости «Современника», воздержится от употребления осмеянных им слов и, не найдя других на их место, воздержится и от высказанной мысли. А между тем идеи благонамеренности, хорошего образа мысли, общественного устройства вполне истинны и положительны. Можно ли, например, допустить, что нигде и ни в чем нет благонамеренности, что это иллюзия, ложь? Сам «Современник», вероятно, этого не допускает; он сам по-своему считает себя благонамеренным.

Здесь нельзя не заметить, что описанную нами неловкой выходкой «Современник» сам подтверждает делаемый ему упрек в нигилизме, характеристическою чертою которого есть бесплодное отрицание существующего и произведение ничего, могущего заменить содеянную им пустоту.

Я буду иметь случай возвратиться еще к этому замечанию при разборе книги «Современника» за март.

Вторая часть доклада Пржецлавского, посвященная мартовской книжке «Современника», начинается со сравнительно сдержанного отзыва о «Что делать?» Чернышевского. Затем следует стыв о статье А. М. Унковского «Новые основания судопроизводства», стихотворении В. Буренина «Много в детстве страшных сказок», статье Салтыкова «Несколько полемических предположений» (см. ниже), о «Внутреннем обозрении», о рецензии Салтыкова на книгу Быстроткова «Анафема или торжество православия» (см. ниже), наконец о «Нашей общественной жизни». Вот что писал о ней Пржецлавский:

«Вся статья «Наша общественная жизнь» (стр. 176—202), кроме небольшой выходки против «Времени», есть одна язвительная нападкa—на что именно?—на благородство чувств. Это pendant к филиппике 1-го тома на благонамеренность. Все, что уже сказано об этой последней, относится, и в высшей еще степени, к этой статье».

Общее заключение о «Современнике» в первую очередь относится к Салтыкову, поскольку как-раз в этих книгах было напечатано много его произведений, на которые Пржецлавский обратил особенное внимание. Привожу это заключение полностью.

«При извлечении из предыдущих данных общего суждения я должен повторить, что из них не могу вывести заключения по вопросу: насколько приостановление в прошлом году издания «Современника» подействовало на него как мера исправления. Но этих данных недостаточно, мне кажется, чтобы составить себе мнение, что «Современник», при неоспоримом таланте деятелей и вероятной благонамеренности их не удовлетворяет тому, что власть и общество имели бы право от него ожидать, и даже производит действие противоположное. Если примем за основание, что истинное назначение периодической прессы есть способствовать прогрессу, сделавшемуся у нас первою потребностью и правительства, и общества, то мы вынуждены сказать, что «Современник» так выполняет эту задачу, что деятельность его скорее может считаться затрудняющею естественный ход дела, чем подвигающею его. Это происходит от недостатка в нем сдержанности и постепенности, от избытка ревности; в этом, как и во всем, крайности соприкасаются. Ему, по преимуществу, можно бы преподавать правилом из-

вестное изречение:» «*surtout pas trop de zèle*». Эти недостатки именно делают его страстным, чрезмерно резким и абсолютным и вводят его в те уклонения от требований цензуры, образцы которых приведены выше.

Что касается до упрека в нигилизме, то надобно признать, что первыми тремя книжками «Современник» не опроверг, а подтвердил его. Тот же дух отрицания, то же презрение к необходимым условиям и уважениям, ниспровержение установившихся форм, взглядов и даже убеждений, та же аффектация грубости тона, резкости приговоров и дикой оригинальности. Не оспаривая добросовестности пишущих в «Современнике», нельзя, однако ж, не подумать, что многие из этих черт следует отнести на долю искательства эффекта и популярности.

Из сказанного вывода общее заключение о влиянии журнала на общество, трудно было бы признать его полезным или даже одобрительным. Молодое поколение, в своей жадной восприимчивости, легко может просмотреть правдивое и хорошее, подаваемое в таких формах, но зато должно непременно увлечься одной внешней стороной, то-есть духом безусловного отрицания, крайностию и абсолютизмом мнений, жестоко-стию манеры и грубостию тона, как будто признаками и необходимыми условиями искренности и правоты. Нельзя не пожелать в интересе и общества, и литературы улучшения «Современника» в указанных отношениях, это повело бы его по избранному пути и прямее к цели, и без ущерба для общественного мышления и вкуса».

(Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Бумаги В. А. Цез, № 59.)

Об апрельской и майской «Нашей общественной жизни» не удалось найти в цензурных материалах никаких следов. Сентябрьская прошла через цензуру без всяких осложнений. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 9 октября 1863 г. читаем:

«Для журнала «Современник» статья под заглавием «Наша общественная жизнь», заключающая в себе фельетон, в котором осмеивается современное литературное красноречие и затрагиваются «Московские ведомости» и газета «День» за их направление. Определено: на основании отзыва г. цензора (Ф. Ф. Веселаго.—И. Я.) об этой статье дозволить ее к напечатанию».

Но уже по выходе ноябрьской книжки «Современника» «Наша общественная жизнь» снова обратила на себя внимание цензуры. И. А. Гончаров в своем донесении «Общие заключения о нижепоименованных журналах и газетах за вторую половину прошлого года», датированном 18 января 1864 г., писал:

«Современник». Журнал этот за последние шесть месяцев, т. е. с того времени, как он поступил под контроль Совета по делам книгопечатания, не представляет почти никаких резких отступлений от цензурных правил, и мне не приходилось вносить замечаний в Совет. На некоторые мелкие случаи, обмолвки и т. п., которые прорывались в печать, я частным образом обращал внимание г. председателя цензурного комитета: вот все, что оставалось мне делать. Но одно обстоятельство сильно бросалось в глаза: очевидно, что цензуре стоит больших усилий удерживать журнал в надлежащих границах. Во всех почти статьях и по всем отделам пробивается нетерпеливое желание высказать больше того, что высказано. При бдительности нынешнего цензурного комитета желание это разрешается только неясными намеками, умалчиваниями, заметными пропусками и т. п., что иногда придает странный и загадочный смысл фразам, мыслям и даже целым статьям; особенно замечательна, например, в этом отношении статья «Наша общественная жизнь» в ноябрьской книжке».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, 1864, № 12, лист 22 об.)

Но Гончаров не ограничился этим и через два дня подал в Совет по делам книгопечатания специальное донесение о статье Салтыкова, в котором охарактеризовал и весь цикл («Дело Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания по отзывам статского советника Гончарова о рассмотренных им периодических изданиях и статьях», 1864, № 15). Донесение это напечатано в статье В. Евгеньева «К характеристике общественного мирозозерцания И. А. Гончарова в 60-х годах».—«Северные Записки» 1916, № 9, стр. 131—132.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ

Пржецлавский в своем докладе о январско-февральской и мартовской книгах «Современника» за 1863 г. писал:

«В связи с этой статьей («Наша общественная жизнь» в кн. 1—2.—И. Я.) состоит написанное для вящего эффекта приказным слогом письмо, помещенное в статье «Петербургские театры» (стр. 189—197), исполненное иронии над понятиями благонамеренности и общественного порядка».

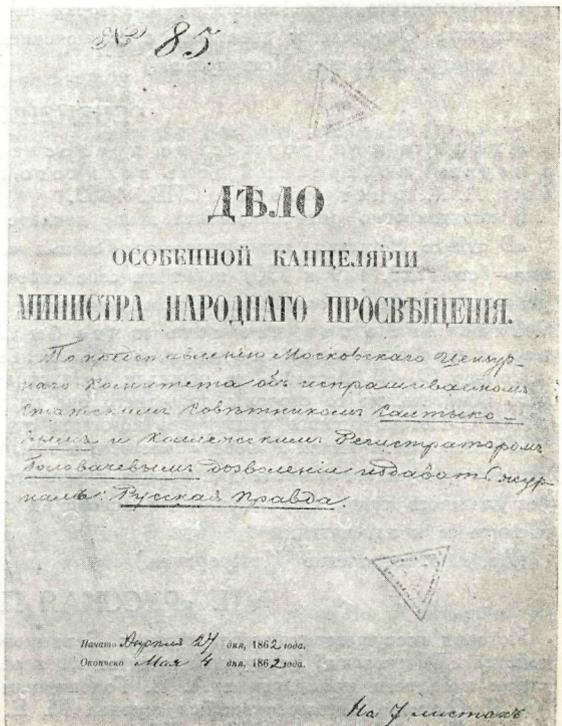
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ «ЗАМЕТКИ», ПОМЕЩЕННОЙ В ОКТЯБРЬСКОЙ КНИЖКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» ЗА 1862 ГОД

В том же докладе читаем:

«В отделе «Современное обозрение», в статье «Несколько слов» и пр. на стр. 5 осуждается передача цензуры в ведение Министерства внутренних дел. Это противно III параграфу временных цензурных правил. Надобно прибавить, что протест этот не имеет характера искренности: автор сознательно смешивает понятие о обыкновенной, так сказать уличной полиции с понятием о высшей полиции, о полиции слова. Это мнимое недоразумение тем не менее серьезно, тем явнее предназначено для толпы читающих, что автор не может не знать, что с переходом цензуры из одного ведомства в другое почти не последовало изменения в личном ее составе, и произведения печати продолжают рассматриваться теми же лицами и местами, которые и до того составляли цензуру, а не полицмейстерами или частными или частными приставами.

Ошибочными выводами своими автор увлекается до того, что в одном месте (стр. 9) говорит: «Положительно можно сказать, что направление (периодических изданий) есть плод предупредительной цензуры». Из этого следовало бы, что там, где такой цензуры нет (например, в Англии), газеты не имеют никакого направления (!).

Нельзя также не заметить следующего места на стран. 8: «Что мы, русские, не имели до сих пор свободных учреждений и не пользовались парламентарными прениями,—

ОБЛОЖКА АРХИВНОГО ДЕЛА 1862 г., СОДЕРЖАЩЕГО ОФИЦИАЛЬНУЮ ПЕРЕПИСКУ ПО ПОВОДУ ХОДАТАЙСТВА САЛТЫКОВА О РАЗРЕШЕНИИ ИЗДАВАТЬ ЕМУ В МОСКВЕ ЖУРНАЛ «РУССКАЯ ПРАВДА»

Ленинградское отделение
Центрархива

тут, конечно, хорошего мало». Место это подходит под общие запрещения, изложенные в I § Временных правил, а в особенности под известное высочайшее повеление, объявленное собранием дворянства».

Лица, читавшие доклад Пржецлавского, сделали на нем большое количество поместок — синим карандашом, черным карандашом, чернилами. Так, вопросительный знак (синим карандашом) поставлен возле слов о том, что Салтыков умышленно путает «понятие о обыкновенной, так сказать уличной полиции с понятием о высшей полиции, о полиции слова». Повидимому он относится к предосудительному выражению самого цензора, назвавшего цензуру «полицией слова». А возле слов «Из этого следовало бы, что там, где такой цензуры нет... газеты не имеют никакого направления» приписано на полях чернилами: «Есть, но свое, подсылаемое личным убеждением пишущих, а не цензурными] цирк[улярами и] карами пр[е]д[упредительной] ц[ензуры]».

НЕСКОЛЬКО ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В докладе Пржецлавского есть несколько слов и об этой статье. Вот что он писал о ней:

«В отделе «Современное обозрение» статья «Несколько полемических предположений» отличается крайне резкими и неприличными выходками против некоторых журналов, именно тех, которые заявили направление реакционное и на которые ясно намечается. На стр. 5 они названы «погаными» и сравнены с «помойною ямой».

В ДЕРЕВНЕ

Статья вызвала сомнения у цензора Ф. Ф. Веселаго, но была разрешена цензурным комитетом, предварительно вымаравшим из нее ряд мест. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 4 сентября 1863 г. доклад цензора и решение комитета изложены в следующих выражениях:

«Статья под заглавием «В деревне», в которой доказывается, что сельским хозяйством с пользою может заниматься только тот, кто сам работает в поле. Представляя в комическом виде настоящее положение помещиков и насмехаясь над пустым либеральничаньем их в прежнее время, автор рассказывает об одном из них, давшем своим крестьянам нечто вроде конституции, которая по своей нелепости не могла долго существовать. Определено: дозволить с исключением мест, указанных г. цензором».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

РЕЦЕНЗИИ

Анафема или торжество православия, совершаемое ежегодно в первый воскресный день великого поста. (Три письма к другу.) Сост. А. А. Быстротоков. СПб., 1863.

В неоднократно цитировавшемся выше докладе Пржецлавского читаем:

«В отделе «Русская литература» вся статья «Анафема» или торжество «Православия» (стр. 128, 129 и 130) носит на себе отпечаток иронии; подчеркнутые синим карандашом места не оставляют в этом сомнения».

Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал, и что она происходила, кн. В. Ю. Львова.

Цензор Ф. Ф. Веселаго не решился пропустить эту рецензию без санкции цензурного комитета, но со стороны последнего она не вызвала возражений. В журнале заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 26 октября 1863 г. читаем:

«Разбор книги князя Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия», где рецензент рассуждает о вреде для народа и правительства от народных книг, написанных без должного такта. Определено: на основании отзыва г. цензора об этой статье дозволить ее к напечатанию».

(Ленингр. отделение Центрархива.)

VII. «РУССКАЯ ПРАВДА»

История неосуществившегося журнала Салтыкова «Русская Правда» от подачи ходатайства в Московский цензурный комитет 21 апреля 1862 г. до запрещения его министром народного просвещения А. В. Головинным 4 мая 1862 г. изложена в статье Ю. Г. Оксмана «Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — «Красный архив» 1923, т. IV.

Но с запрещением «Русской Правды» не кончается однако ее цензурная история. «По случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания» было отклонено не одно только ходатайство Салтыкова. В то же время было отказано в разрешении издавать новые газеты и журналы еще целому ряду лиц — см. список их в «Деле Особенной канцелярии министра народного просвещения по отношению министра внутренних дел о доставлении ему списка всем повременным изданиям и сведений о всех произведениях тиснения, разрешаемых общею цензурою», 1862, № 45, лист 87. И вот в конце августа 1862 г., в виду того, что работы комиссии кн. Д. А. Оболенского затянулись, Головин обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с вопросом — нет ли с его стороны возражений против удовлетворения ходатайств этих лиц. В списке, который Головин переслал Валуеву, фигурирует и «Русская Правда». 13 сентября Валуев в свою очередь обратился к начальнику III Отделения кн. В. Долгорукову со следующим отношением (печатаю его по копии):

13 сентября 1862, № 2395. Секретно.

Главному начальнику III Отделения
Собственной Е. И. В. Канцелярии.

Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения сообщил Министерству Внутренних Дел, что он полагал бы некоторым лицам, коим было отказано в нынешнем году в дозволении основать новые журналы и газеты, по случаю пересмотра в высочайше учрежденной комиссии постановлений по делам книгопечатания, разрешить издание таковых журналов и газет в будущем году, так как теперь наступает время, когда объявляется подписка на повременные издания, предполагаемые к выпуску в будущем году, а между тем помянутая комиссия еще не кончила своих работ и едва ли прежде 1863 г. проект нового закона о книгопечатании может быть внесен в Государственный Совет.

Сообщая мне таковое предположение свое, статс-секретарь Головин просил моего отзыва, не встречаю ли я с своей стороны какого-либо препятствия к разрешению издавать в 1863 г. новые журналы и газеты, поименованные в доставленном им списке.

Предварительно сообщая статс-секретарю Головину мнения моего по этому делу считаю нужным препроводить при сем к Вашему Святельству доставленный им список лицам, желающим издавать в 1863 г. новые газеты и журналы на тот конец, не изволите ли Вы признать возможным передать мне имеющиеся о них во вверенном Вам управлении сведения.

Министр Внутренних Дел статс-секретарь В а л у е в.
Правитель канцелярии М. Ш и д л о в с к и й.

Князь Долгоруков ответил следующее:

Секретно.

Милостивый государь
Петр Александрович!

Вследствие отношения Вашего превосходительства за № 2395, имею честь уведомить, что о лицах, поименованных в списке, к тому отношению приложенном, в виду вверенного мне Управления нет сведений, которые могли бы служить препятствием к разрешению им издания журналов; но считаю долгом присовокупить, что по моему мнению, мною вместе с сим сообщенному и г. Управляющему Министерством народного просвещения, умножение периодических изданий может быть допускаемо с крайнею осторожностью, так как, даже при неимении предосудительных сведений насчет тех лиц, которые желают быть редакторами, нельзя быть уверена в благонадежности их собственно по этому званию, и кроме того мы имеем еще так много доказательств, что цензура не хочет или не в состоянии иметь надлежащее наблюдение даже за журналами, ныне существующими.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Василий Долгоруков.

№ 2792

18 сентября 1862 г.

Его П-тву П. А. Валуеву.

(«Дело Департамента полиции исполнительной по делам книгопечатания», 1862, № 13, часть 1, «о разрешении новых периодических изданий», листы 97—99.)

В конце 1862 г. Министерство внутренних дел рассмотрело список, пересланный Валуеву Головнинным. 23 января 1863 г. Валуев довел до высочайшего сведения доклад о «разрешенных и неразрешенных периодических изданиях». Доклад этот состоит из двух частей: «В октябре, ноябре и декабре 1862 года Министерством внутренних дел: А. Изъявлено согласие на дозволение издания следующих новых газет и журналов. (Следует перечисление. — И. Я.)... Б. Не изъявлено согласия на дозволение издания следующих газет и журналов, впредь до издания новых цензурных правил»... Во втором разделе на первом месте находим «Литературный и политический журнал «Русская Правда» статскому советнику Салтыкову» («Дело Центрального управления по цензурному ведомству», 1863, № 12, «со всеподданнейшими докладами о движении в журналистике», листы 1—2).

Салтыков в это время уже деятельно работал в «Современнике» и не думал конечно о «Русской Правде», а между тем она была запрещена вторично.

VIII. ИТОГИ

Очерки Салтыкова «Итоги» печатались без его подписи в «Отечественных Записках» в 1871 г. (№№ 1—4). Пятый очерк, помещенный было в августовской книжке как раз во время Нечаевского процесса, вызвал любопытное письмо председателя цензурного комитета А. Петрова к начальнику Главного управления по делам печати Шидловскому.

«Честь имею довести до сведения Вашего Превосходительства, что в представленной сегодня книжке «Отечественных Записок» обращает на себя внимание в цензурном отношении статья «Итоги», продолжение прежде помещенных четырех статей. Она, полагаю я, принадлежит Щедрину. Тема ее в том; что у нас придают людям прогресса несправедливо название анархистов, между тем как настоящие анархисты — это консерваторы.—Развивая эту мысль, автор в общих, иногда умышленно запутанных образах рисует деспотизм николаевского времени (стр. 326); реформы настоящего царствования называет «консервативным либерализмом» (стр. 328), упрекает его в том, что он коснулся «подробностей», не коснувшись существенных оснований жизни (стр. 329), не давших жизни широких разумных оснований. Действительными анархистами он признает людей, отдающих общество в жертву всевозможным колебаниям и страхам (стр. 331), и замечает, что по милости их злоба и ненависть делаются единственными регуляторами человеческих отношений. Все это высказано темно, мысли замаскированы, но тенденции очевидны.

Преследовать судом за эту статью невозможно. По моему мнению даже неудобно было бы мотивировать административное взыскание; но она обличает направление журнала.

Августа 16 дня.
1871 г.

А. Петров».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канцелярии Главного управления по делам печати, № 416, за 1871 г. «по отзывам д. ст. сов. Петрова», л. 3.)

В письме своем к А. М. Жемчужникову от 31 авг. 1871 г. Салтыков писал, что он «должен был эту статью вырезать в виду угроз для журнала» («Русская Мысль» 1913 г., № 4).

IX. ВЕЧЕРОК

На заседании С.-Петербургского цензурного комитета 16 февраля 1880 г. по докладу цензора Лебедева, обрушившегося на целых пять статей в февральской книжке «Отечественных Записок», решено было арестовать эту книжку. В числе предосуди-

тельных статей Лебедев отметил «Вечерок» Щедрина, где «автор самыми мрачными красками описывает современное состояние общества, при котором будто бы не могут вечером собраться на дому четыре или пять человек для приятельской беседы без опасения, чтобы их не подслушали, чтобы из этого собрания не вывели каких-нибудь опасных для них заключений» (см. В. Евгеньев-Максимов. «Очерки по истории социалистической журналистики», стр. 202). Салтыков, узнав об этом решении комитета, выхлопотал тогда право издать книжку, изъяв две наиболее предосудительные статьи — рассказ Осиповича-Новодворского «Записки молодого человека» и свой рассказ «Вечерок»; они были вырезаны из экземпляров журнала и опечатаны в типографии Краевского.

Вскоре, воспользовавшись временным облегчением цензурного гнета с назначением 4 апреля 1880 г. на пост начальника Главного управления по делам печати Ник. Савв. Абазы вместо В. Григорьева, Салтыков поместил два этих рассказа в «Отечественных Записках» под другим заглавием — «Вечерок» в исправленном виде в апрельской книжке 1880 г. под заглавием «Не так давно» и «Записки молодого человека» Осиповича — в майской книжке под заглавием «Карьера».

В типографии Краевского оставались лежать вырезанные из журнала оттиски этих статей. Тогда через несколько месяцев была предпринята попытка добиться разрешения отдельного издания этих статей.

В ноябре 1880 г. от имени управляющего типографией Краевского было подано прошение в Главное управление по делам печати, в котором указывалось на то, что статьи эти были уже помещены в журнале. Главное управление в отношении от 19 ноября за № 4365 предложило С.-Петербургскому цензурному комитету дать свое заключение. Цензор Лебедев, которому было поручено составить это заключение, представил следующее донесение:

«Вследствие доставленного на мое заключение прошения управляющего типографией Краевского Скороходова о разрешении снять арест с находящихся на его хранении и исключенных из февральской книжки «Отеч. Зап.» за 1880 год двух статей, первой «Записки молодого человека» Осиповича и второй «Вечерок» Щедрина, на том основании, что впоследствии эти статьи под другими заглавиями, именно первая под заглавием «Карьера», а вторая под заглавием «Не так давно», были напечатаны в №№ 5 и 4 «Отеч. Зап.» за нынешний год и выпущены цензурой в свет в целости, честь имею донести следующее... (Следует отзыв о «Записках молодого человека».)

Вторая статья, очерк Щедрина под заглавием «Вечерок», подверглась исключению вследствие того до крайности проводимого иногда сатириком осуждения современного общественного положения, которое переходит всякую меру терпимости. Так в данном очерке Щедрин, описывая вечеринку, на которую собрались несколько приятелей просто попить и поест без всякой политической цели, рисует картину постоянного их страха быть подслушанными, говорит, как они опасаются даже прислуживающего им лакея, боясь видеть в нем подосланного шпиона, почему и удаляют его, прислуживая сами себе; как они боятся даже петь известное «Gaudeamus igitur», опасаясь, чтобы в стихе «Vivat Academia» власти не увидели прославление Медико-хирургической Академии, в которой незадолго перед тем происходили беспорядки.

Впоследствии, когда обе эти статьи были помещены в «Отеч. Зап.» под другими заглавиями, из коих «Записки молодого человека» без всяких перемен, а «Вечерок» с некоторыми исключениями, бывший начальник Главн. Управления по делам печати нашел возможным выпустить те книжки журнала, в которых они были напечатаны.

Что касается до настоящей просьбы управляющего типографией Краевского Скороходова, то, по моему мнению, она удовлетворена быть не может, так как обе эти статьи, составляя менее десяти печатных листов, на основании законов о печати, могут выйти в свет не иначе, как с разрешения предварительной цензуры. Но, как до сих пор не последовало никаких перемен в цензурных постановлениях, то не может быть и речи, чтобы статьи подобного направления и содержания могли быть одобрены цензурой и с ее дозволения выпущены в свет. По моему мнению с этими статьями должно быть поступлено так, как поступает с книгами, подвергшимися аресту и запрещению, т. е. они должны быть уничтожены

25 ноября 1880 г.

Цензор Лебедев.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 60 за 1865 г., лл. 366, 367.)

Благодаря этому отзыву отдельное издание рассказа «Вечерок» Щедрина так и не состоялось.

Х. ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ

«Письма к тетеньке» печатались в «Отечественных Записках» 1881 г. (№№ 7, 8, 11 и 12) и 1882 г. (№№ 1—5). Уже третье письмо, помещенное в сентябрьской книжке 1881 г., вызвало следующее донесение председателевавшего в то время в С.-Петербургском цензурном комитете В. Ведрова в Главное управление по делам печати:

«В «Отечественных Записках» за сентябрь, только что вчера представленных в СПб. Комитет, в статье Щедрина «Письма к тетеньке» осмеивается «Общество частной инициативы спасения», вызванное из среды общества князя Сампантре (стр. 294) (Сан-Донато) и Амалат-Беками, знакомыми лишь с «наукою о подмывании лошадям хвостов» (296).

При этих частных нападениях сатирика общее положение общества так обрисовывается: Шекспир, Данте, Шиллеры, Байроны! вы, которые говорили человеку о свободе и напоминали ему о совести — не до вас нам!!! Не вы теперь нужны, а городовые — что же делать! как-нибудь проживем и с ними! Но пускай же судьба избавит нас хоть от шпигения и подлых трубных звуков, благодаря которым нет честного человека, который не носил бы тревоги в сердце своем (стр. 292).

Задержать книжку и дать значение государственной сатиры простой болтовне популярного писателя невозможно, так как «Общество частной инициативы спасения» известно немногим и то по слухам, завеса, падающая на лица, хотя и прозрачна, но далеко не ясна. Прием, употребляемый в таких случаях, был исключение статьи по требованию свыше и редакторы обыкновенно соглашались.

После сегодняшнего заседания комитета буду иметь честь немедленно представить его мнение по этому предмету. Остается три дня до выпуска книги.

Председательствующий В. Ведров

16 сентября 1881 г.»

На этом отзыве исправлявший должность начальника Главного управления Вардинов наложил резолюцию: «Полагаю, что необходимо попытаться уговорить изменить статью».

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати № 53 за 1865 г., л. 320.)

Таким образом первоначально Ведров отнесся к третьему письму весьма снисходительно, видя в нем «простую болтовню» популярного сатирика, осмеивающую реакционную добровольческую организацию. Однако на заседании Комитета он столкнулся с мнением других членов Комитета, расценивших более серьезно эту сатиру Салтыкова и потребовавших ареста книжки «Отечественных Записок». Отпор большинства был настолько силен, что Ведров изменил свое собственное мнение об этом произведении и в тот же день представил в Главное управление новое донесение, написанное в гораздо более решительном тоне.

16 сентября 1881 г.

Господину Исполняющему должность Начальника Главного Управления по делам печати.

15 сего сентября представлена в Комитет сентябрьская книжка бесцензурного журнала «Отечественные Записки», отпечатанная в 9550 экземплярах.

Цензор, рассматривающий ее, доложил Комитету, что особенное внимание в цензурном отношении обращает на себя статья Щедрина «Письма к тетеньке» III» (страницы 283—300).

В статье этой живо чувствуется сатира на настоящее положение общества, призванного помогать правительству. Ноздрев и Расплюев, два литературные типа подлых про-

щалам, возведены в члены какого-то «Общества частной инициативы спасения», обязательного своим существованием князю Сампантре и Амалат-Бекам, знакомым лишь «с наукою о подмывании лошадам хвостов» (стр. 296).

Кроме характеристики иронической разных личностей и современных событий, проглядывает и серьезное обсуждение, доказывающее, что саркастические очерки составляют только более удачный прием для публики обрисовки современного политического быта. «Шекспиры, Данте, Шиллеры, Байроны, вы, которые говорили человеку о свободе и напоминали ему о совести — не до вас нам! Не вы теперь нужны, а городовые — что же делать! Как-нибудь проживем и с ними! Но пускай же судьба избавит нас хоть от шипений и подлых трубных звуков, благодаря которым нет честного человека, который не носил бы тревоги в сердце своем» (стр. 292).

Говоря об образовавшемся в Симбирске «тайном» обществе, обещающем за каждого превратного толкователя сто рублей, автор пророчит ему грустную будущность и видит во всем этом организацию «благонамеренного междоусобия».

Цензор, видя во всей статье ловко составленное описание настоящего положения вещей, считает необходимым довести о ней до сведения Главного управления по делам печати, не применяя к книжке мер задержания, на основании инструкции 25 августа 1865 г. ¹

Комитет, сознавая все гибельное влияние едкой сатиры Щедрина, представляющей, преимущественно в этой книжке, настоящее положение русского общества в презренном виде с деятелями во главе, подобными Ноздреву и Расплюеву, осмеивающей меры, принимаемые к охранению порядка, постановил, большинством семи голосов против четырех, подвергнуть книгу аресту, если не будет исключена статья Щедрина.

О таком определении своем С.-Петербургский Цензурный Комитет имеет честь довести Вашему Сиятельству для доклада Господину Министру Внутренних дел.

Подписал: Председательствующий В. Ведров.

Скрепил: И. о. секретаря Н. Пантелеев.

Сверху рукой секретаря подписано: «при докладе сего же числа г. Министр заметил, что необходимо попытаться изменить статью, не применяя к книге инструкции 25 августа 1865 г. В статье особенно резкие места на стр. 292, 294 и 296» (там же, л. 321).

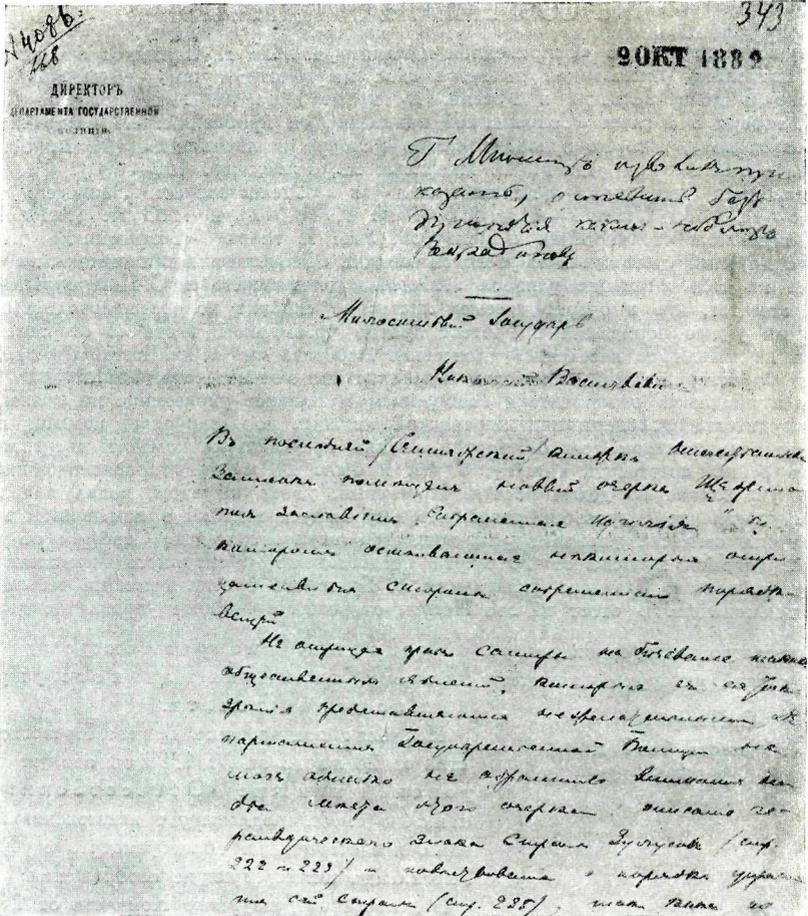
Но когда Главное управление сообщило об этом решении в С.-Петербургский цензурный комитет, оно встретило не меньший отпор, чем Ведров на заседании Комитета. В Главное управление было представлено второе донесение от 2 октября 1881 г. уже Лебедевым, в котором категорически требовалось исключить очерк Щедрина целиком (текст донесения см. в книге В. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», стр. 88—90).

Нажим большинства членов Цензурного комитета на Главное управление по делам печати, т. е. подчиненного на свое начальство, — явление совершенно исключительное в истории российской цензуры; оно имело своим последствием не только запрещение очерка Салтыкова, но и личное объяснение Салтыкова с министром внутренних дел гр. Игнатьевым.

Третье «Письмо к тетеньке» было напечатано в том же году за границей в эмигрантском журнале «Общее дело», издававшемся А. К. Христофоровым и другом Салтыкова доктором Н. А. Белоголовым. Четвертое и пятое «Письма к тетеньке», напечатанные в декабрьской книжке 1881 г. и январской 1882 г. «Отечественных Записок», также обратили на себя внимание цензуры (см. выше).

О пятом письме Лебедев представил чрезвычайно резкое донесение в С.-Петербургский цензурный комитет (текст донесения см. в кн. В. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», стр. 93, 94), который переслал его в Главное управление по делам печати. Дело было передано на рассмотрение члена Совета Главного управления В. М. Лазаревского, которому было поручено постоянное наблюдение за журналом «Отечественные Записки». Лазаревский был в дружеских отношениях с редакцией журнала и пользовался своим положением в Главном управлении, чтобы отводить по мере возможности от журнала всякие цензурные грозы. Это ему было тем легче делать, что с 1866 г. он был не только членом Совета Главного управления по делам печати, но и влиятельным лицом в цензурном ведомстве, состоя членом Совета министра внутренних дел.

Отражая натиск Лебедева, Лазаревский представил в Главное управление по делам печати следующий отзыв:

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОТНОШЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ОТ 2 ОКТАБРИ 1882 г. ЗА ПОДПИСЬЮ В. К. ПЛЕВЕ НА ИМЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Отношение содержит просьбу переговорить с министром (гр. Д. А. Толстым) по поводу XII и XIII глав «Современной идиллии», помещенных в сентябрьской книжке «Отеч. Записк.», которые обратили на себя внимание департамента полиции. Вверху документа отметка: «Г. Министр изволил приказать оставить без последствий»

Ленинградское отделение Центрархива

Г. Председателю

С.-Петербургский Цензурн. Комитет представил г. начальнику Главного Управления по делам печати донесение № 48, касательно статьи г. Щедрина «Письма к тетеньке», помещенной в январской книжке «Отеч. Записок».

Принимая во внимание, что большая часть нашей периодической печати усвоила в последнее время подобный «пессимистический дух», и что едва ли не следует отнести эти места, насколько в донесении высказано, к журнальной полемике, я полагаю бы оставить без последствий.

19 января.

Т[айный] С[оветник] Лазаревский.

[Рукой секретаря:] Принять к сведению.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело 1-го отделения канц. Главн. упр. по делам печати, № 37 за 1882 г. с заявлением чл. Совета Лазаревского. Л. 21.)

Главное управление постановило «оставить без последствий согласно заключению члена Совета Лазаревского» (пометка на полях донесения Лебедева).

XI. СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ

Приступая к печатанию «Современной идиллии» в 1877 г., Салтыков сам хорошо сознавал, насколько рискованной является одна из основных тем — высмеивание системы сыска и доносительства в России. В письме к П. В. Анненкову от 2 марта 1877 г., говоря о I главе «Современной идиллии», он прибавлял: «Я несколько таких рассказов напишу, которые приведут самую цензуру в изумление» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Письма» под ред. Н. В. Яковлева. Л., 1924, стр. 159—160).

«Современная идиллия», печатавшаяся в «Отечественных Записках» в 1877 (№№ 2—4), 1878 (№№ 2—4), 1882 (№№ 9, 10, 12) и 1883 гг. (№№ 1 и 5), не раз вызывала столкновения с цензурой. Уже II глава «Современной идиллии» наряду с другими статьями в мартовской книжке «Отечественных Записок» за 1877 г. обратила на себя внимание цензора Лебедева, доложившего в С.-Петербургский цензурный комитет, что в очерке «весьма явственно сквозит полное недовольство существующими у нас порядками и протест против чрезмерного гнета со стороны правительства на мыслящее население» (донесение Лебедева см. в кн. Евгеньева-Максимова «Очерки по истории социалистической журналистики России», стр. 187).

Лебедев предлагал ограничиться сообщением в Главное управление по делам печати о предосудительном содержании мартовской книжки, но Цензурный комитет в своем заседании большинством голосов против мнения председателя комитета и цензора Ратынского решил арестовать книжку, о чем и было 21 марта отправлено донесение в Главное управление по делам печати. Краевский, узнав об этом, подал заявление в Главное управление с просьбой разрешить ему выпуск книжки в измененном виде, на что получил согласие управляющего министра внутренних дел. Сообщая об этом в конфиденциальной записке от 20 марта председателю Цензурного комитета А. Г. Петрову, начальник Главного управления В. Григорьев просил отметить места, подлежащие исключению. В ответ на это Петров отправил в Главное управление донесение:

Министерство внутренних дел.
Петербургский цензурный комитет.

С.-Петербург
31 марта 1877 г.
№ 316

Господину исправляющему должность начальника Главного управления по делам печати.

Исполняя предложение Вашего Превосходительства от 28 марта за № 1399 об отметке в мартовской книжке «Отечественных Записок» мест, подлежащих исключению, честь имею представить на благоусмотрение Главного Управления нижеследующие соображения:

В донесении Цензурного Комитета от 21 марта о содержании «Отечественных Записок» обращалось внимание на четыре статьи: 1) Вымирание некультурных рас. 2) Оглянемся назад. 3) Рецензия на книгу Путяты: Политическая экономия в рассказах и 4) Сатирический очерк Щедрина «Современная идиллия».

... в Современной идиллии, сатирическом очерке Щедрина, цензор усматривал резкое обличение чрезмерного гнета со стороны правительства на мыслящее население.

Следует заметить, что настоящий очерк есть продолжение помещенного в предыдущей книжке.

Щедрин остался и здесь верным своей обычной манере: он доводит обезображение осмеиваемых им положений и типов до крайностей абсурда. Читатель теряет всякую возможность сближения фикций, созданных фантазией сатирика, с действительностью. Отыскивая в этом фантастическом художественном рассказе тенденциозные намеки и сопоставления, оказалось бы необходимым основываться на догадках и произвольном толковании, что не соответствовало бы статьям 6 и 13 цензурного устава.

По сему, принимая во внимание, что и в настоящем сатирическом очерке выведены представители самых низших слоев общества и администрации, отличающиеся почти идиотизмом и тупоумным отношением к общественным вопросам, я полагаю бы по прежним примерам возможным допустить его в печать.

Таким образом пришлось бы исключить из мартовской книжки «Отечественных Записок» статью «Вымирание некультурных рас» («Соврем. Обзор», стр. 47—48) и библиографическую статью о Политической экономии в рассказах Пугача (там же, стр. 92—95), перепечатать обертку и представить книжку в измененном виде в Цензурный Комитет.

Такое предложение имею честь представить на благоусмотрение с приложением экземпляра № 3 журнала «Отечественные Записки».

Председатель А. Петров
Секретарь Н. Пантелеев

На этом отношении начальником Главного управления по делам печати В. Григорьевым наложена следующая резолюция: «Совершенно согласен с мнением г. Председателя Ценз. Комитета как относительно полного исключения первой и третьей статьи, так и возможности оставить без изменения статьи вторую и четвертую, о чем и уведомить его немедленно.

В. Гр.»

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело канц. Главн. управления по делам печати № 53 за 1865 г. по изданию журнала «Отечественные Записки», лл. 220—222.)

Истинный Секретарь Главного управления по делам печати
Н. Пантелеев
в. г. 24

На имя сего Секретаря Секретарь Главного управления по делам печати
В. Григорьев
переговорав с сего по делу о вымирании некультурных рас
и о возможности оставить без изменения статьи вторую и четвертую,
о чем и уведомить его немедленно.

В. Гр.»

В. Гр.»

1865 г.

Таким образом только благодаря поддержке со стороны председателя цензурного комитета II глава «Современной идиллии» не была вырезана из журнала.

И в дальнейшем, как уже указывалось выше, печатание «Современной идиллии» вызвало столкновения с цензурой. Наконец цензор Лебедев представил донесение в С.-Петербургский цензурный комитет о декабрьской книжке «Отечественных Записок» за 1882 г., в котором в весьма резком тоне отозвался о напечатанных в ней XIX—XXI главах «Современной идиллии». Отзыв этот был сообщен в Главное управление по делам печати и статья передана на рассмотрение Лазаревского. Лазаревский, стараясь выгородить статью Салтыкова, дал в Главное управление свое заключение:

«Цензурный Комитет от 13 сего декабря представил в Главное Управление донесение касательно статьи Щедрина, помещенной в 12-й книжке «От. Зап.» Касательно первой ее части Комитет выводит следующее положение: автор старается представить, 1, с одной стороны, в самом безвыходном состоянии русского гражданина, если последний не мужик. Всякий (?) желает усмотреть в нем социалиста; 2, с другой стороны, мужик «наблюдает за подозрительными людьми в каждом лице не из крестьянского сословия» и 3, сему научает простолоудинов ближайшее начальство («низшие правительственные агенты», как говорит комитет в другом месте). Сам автор этого не высказывает. Если же это — как бы вывод комитета из наличных данных статьи, то он неверен.

Представителями русского гражданина являются в статье во 1-х, «столь несомненно позорный человек как Очищенный», затем «наш собственный корреспондент, который кроме водки ни во что не верит», — далее, старик-скопец, молодая его содержанка и господин, которого в то же время он содержит. — Цензурный Комитет говорит, что эта компания приехала к Щедрину в его Корчевскую деревню и здесь урядник, заподозрив приезжих, арестовал их и т. д. — Так, автор, быть может, и взводил бы на полицию упрек в неосновательности ее действий, но дело в том, что этот якобы приехавший народ «целую ночь бежал, дождь преследовал их, грязь забрасывала с ног до головы; утром, случайно они наткнулись на деревню Щедрина. В доме нашлось только 4 дворянских дедовских мундира, в которые гости и облачились. Понятно, что на таких маскарадных граждан, несвойственно прибежавших пешком, к тому же без паспорта, полиция не могла не обратить внимания. — Вообще вся эта Одиссея не более как шарж. В самом деле, люди бегут во все лопатки, 30 верст ночью под проливным дождем, случайно попадают в дом одного из них. — «Ах, да никак это барин!» Все обрадовавшись, бросились ручку ловить. «Красавец ты наш!» Девки просят позволения хоровады играть. Как вдруг сомнение: да это барин не настоящий, барин обманный, и вот являются внезапно 12 урядников, берут их, ведут и т. д.

«Во второй части статьи Цензурный Комитет усматривает намеренье автора представить в самом безобразном виде и высшее начальство. Например, в сказке о ретивом начальнике — говорится в представлении комитета — «рассказывается, как один начальник, получивший в свое управление край, старается применить к нему свою теорию: как можно больше делать вреда на том основании, что из этого само собой должна впоследствии произойти польза, и как он при таком управлении, опустошив край и почти обезлюдив его, был крайне удивлен обратным результатом своей теории. Правда, он говорит, что это происходило давно, но не отрицает возможности такого управления и теперь». Фразы эти как бы говорят, что эти безобразия можно черпать из статьи на выдержку. Между тем на деле оказывается совсем иное. Компания беглецов затеяла от скуки литературный вечер, на котором, в числе прочих нелепостей, Очищенный рассказывал сказку «несомненно фантастического характера», о «ретивом начальнике», который задался программой «науки упразднить, город спалить, вообще наносить вред, чтоб после оказалась польза». Очевидно, что эта фантастическая сказка ничего общего с сущностью статьи не имеет, как и другие чтения на этом литературном вечере. Затем именно высшее-то начальство и признало нелепость этой программы. «Так и так, докладывает ретивый начальник, сколько ни делал вреда, а пользы ни на грош. — Повторите. — Так и так. Никким образом до настоящего вреда дойти не могу. — Ах, так вы вот об чем, расхохотался новый начальник». Вообще, этот ретивый — один из известных типов щедринской коллекции своеобразных администраторсов».

В журнале заседания Совета Главного управления от 21 декабря 1887 г., на котором слушался этот доклад Лазаревского, было записано:

«В заключение Комитет считает статью предосудительной с точки зрения, что читатель возбуждается против правительства «описанием беззаконных действий его агентов, на которые он[о] смотрит как бы сквозь пальцы». Но едва ли можно утверждать, что правительство игнорирует их действия. Во всяком случае автор не выходит в этой статье из пределов сатиры, поскольку предмет ее есть обличение общественных недостатков.

Что же касается до двух будто бы тенденциозных стихотворений Якубовича, неудобных по своему впечатлению, то я не вижу в них никакой тенденциозности. Это не более как избитые шаблонные места. На основании вышеизложенного я бы полагал оставить представление без последствий.

Член Совета Лазаревский

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати № 37 за 1881 г. с заявлением Лазаревского.)

Совет постановил об указанных статьях «Отечественных Записок» записать в журнале заседания.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати за 1882 г., лл. 382—390.)

22 января 1883 г. «Отечественным Запискам» было дано второе предостережение, официально за статью Н. Николадзе «Луи Блан и Гамбетта», но фактически причиной репрессии явилась «Современная идиллия». Хорошо осведомленный о том, что делается в цензурном ведомстве, Салтыков правильно оценивал значение для себя этого события. «Николадзе, на которого ссылаются,— только для прилику, главная же цель — я», писал он 31 января 1883 г. своему другу поэту А. Л. Боровиковскому. Вероятно благодаря стараниям Лазаревского как члена Совета министра внутренних дел, о произведении Салтыкова не было упомянуто во всеподданнейшем докладе Александру III, а отсюда и в официальном распоряжении о предостережении. В высшей степени любопытным документом, наглядно рисующим этот эпизод вынесения предостережения «Отечественным Запискам», является журнал заседания Совета Главного управления по делам печати, на котором решался этот вопрос.

Совет
Главного Управления
по
Делам Печати
М. В. Д.
18-го января 1883 г.
№ 5

Совет Главного Управления по Делам печати
слушал:
Представление С.-Петербургского Цензурного Комитета о журнале «Отечественные записки» следующего содержания:
(Далее следует текст доклада).

Наблюдающий за журналом «Отечественные Записки» Тайный Советник Лазаревский по поводу представления Цензурного Комитета заявил Совету, что он в очерке Щедрина усматривает лишь намерение сатирика указать на действительные недостатки, существующие как в организации наших судов, так и на холодное, формальное отношение к делу правосудия судей, прокуратуры и защиты, что действительно замечается в последнее время и подтверждением чему служат многие опубликованные в газетах фактические известия о злоупотреблениях, встречающихся в области юстиции. На указанные недостатки постоянно обращает свое внимание и самая благонамеренная часть нашей прессы и нередко в резкой форме высказывается против этого. Затем член Совета Лазаревский, обратив внимание Совета на статью в январской книжке «Из воспоминаний рядового Иванова»² о минувшей войне 1877 года, прочитал одно место, где рядовой с умилением говорит о том глубоком впечатлении, которое произвело на солдат задушевное отношение к ним в Бозе почившего Государя Императора, который не мог удерживать слез при виде проходивших мимо Его Величества рядов войск. При этом Тайный Советник Лазаревский представил следующую характеристику журнала «Отечественные Записки»:

«С 1868 года Некрасов, хотя не утвержденный ответственным редактором «Отечественных Записок», тем не менее на самом деле и заведомо был действительным хо-

ьяном издания. — При этой редакции (Некрасов, Салтыков, Елисеев) «Отечественные Записки» постоянно держались направления так сказать прогрессивно-либерального, не впадая впрочем в крайний либерализм, как «Современник». Направление это называли гражданскою скорбью о меньшей братии. Но «Отечественные Записки» никогда не проводили разрушительных доктрин, как напр., неповиновение властям, неуважение к праву собственности, несостоятельность начал семейного союза и не касались основных начал государственного устройства. Тем не менее «Отечественные Записки» нельзя было назвать изданием благонамеренным, т. е. таким, которое защищало бы авторитет правительства, — вообще в журнале выставлялись более темные стороны общественной жизни и недовольство настоящим порядком, без примиряющего элемента.

«За время редактуры Некрасова, с 1860 г. по 1878 г., Цензурный Комитет представил в Главное Управление по делам печати 18 отзывов, частью на основании инструкции 23 августа 1865 г., частью только для сведения. — Предостережений дано было два в 1872 и 1877 гг. — По определению Комитета Министров, воспрещена к выходу одна книжка в 1874 г. — В 1877 г. предположено было задержать мартовский номер, но согласно мнению г. Начальника Главного Управления, книжка была выпущена за исключением двух статей.

«В начале 1878 года редакция «Отечественных Записок» перешла в заведывание г. Салтыкова. Направление их, собственно говоря, не изменилось, хотя из редакции ушли такие деятели, как Некрасов и Елисеев³. Впрочем нельзя не признать, что журнал оказался сдержаннее сравнительно с прежним. На это указывают уже числовые сопоставления карательных мер, коим подвергались прежняя и настоящая редакции.

«Так за пять последних лет Цензурный Комитет заявил Главному Управлению только о пяти книжках. Предостережение дано еще в январе 1879 г. Воспрещение к выходу книжек предполагалось три раза: первый раз, в 1879 г., номер был выпущен по особому докладу Тайного Советника Григорьева; во второй раз, в том же году, г. Министр сам указал предложить редакции исключить или изменить неудобные места, а в третий раз, в 1880 г., сделано было то же по ходатайству и разрешению г. Министра. — Нужно впрочем заметить, что в последнее время журнал пользовался некоторым снисхождением касательно так называемой аккомодации, т. е. выпуска номеров с уничтожением в них статей, подвергшихся неодобрению цензуры. Нельзя не согласиться, что «Отечественные Записки» под настоящею редакцией обязаны своим успехом статьям г. Салтыкова. За исключением их, журнал не представляет ничего выдающегося. Но и произведения Щедрина едва ли производят безусловно тяжелое впечатление на читающую публику.

«Члену Совета Лазаревскому кажется, что значение их достаточно верно характеризовано Тайным Советником Григорьевым в следующей записке его, представленной г-ну Министру: «Произведения Щедрина, как сатирические, естественно представляют вещи не в настоящих их размерах; преувеличение же, в которое он постоянно впадает, имеет результатом, что читатель проникается не злобой, не негодованием, а смехом».

Совет, по обсуждении очерка Щедрина «Современная идиллия», пришел к заключению, что настоящий очерк не есть простая сатира, имеющая целью указать и осмеять действительные недостатки судебной организации вообще, а переходящая всякое приличие карикатура, не ирония, а нахальное издевательство, неистовое глумление над правительством в деле преследования политических преступников, что не может быть дозволено в печати, а потому признано необходимым подвергнуть журнал «Отечественные Записки» какому-либо административному взысканию. Это решение Совет признавал принять необходимым потому особенно, что предосудительное во многих отношениях направление журнала выражается вообще не только в статьях г. Щедрина, но и во многих других.

Так в январской книжке помещена статья под заглавием «Луи Блан и Гамбетта». Автор статьи Н. Николадзе, характеризуя деятельность этих двух лиц, всецело направленную к ниспровержению монархического образа правления во Франции, и с нескрываемым сочувствием относясь к этим деятелям, тем не менее находит и у них многие недостатки, так как они не всегда были энергичны, последовательны в осуществлении

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К. РОТОВА К СКАЗКЕ ЩЕДРИНА «ВОРОН-ЧЕЛОВИТЧИКЪ»

«Сказки» Щедрина в изд. «Новая Москва», 1922 г.

намеченной цели. Зато автор с особенным, можно сказать, восторгом деятельности Рошфора, называет его «несравненным талантом», человек в историю современной политической печати страницу поучительную и гру: успех Рошфора объясняет так: «Рошфор победил потому, что был прав. движение, что творил — сознательно или нет, это все равно — была истор. гресса, а Гамбетта пал потому, что шел наперекор этому прогрессу или с пятствием его ходу». Очевидно, что автор статьи, восхваляя деятельность Рошсте с тем открыто выразил свою солидарность с теми идеями коммунизма, которые преследуются Рошфором.

При обсуждении меры взыскания мнения Членов Совета разделились: Тайник Лазаревский и Действительный Статский Советник Ратынский, принимая в жение, что цензурное ведомство более или менее снисходительно относилось рическим произведениям г. Щедрина и даже входило в аккомодацию с редакци- чественных Записок» относительно исключения той или другой неудобной в цен: отношении статьи, предложили на этот раз не налагать на журнал меры взыск: ограничившись предупреждением редактора, что на будущее время никакие сделки пущены не будут, как о том было заявлено Совету г. Начальником Главного Упр: ния по делам печати.

Председательствующий в Совете и большинство Членов (десять человек), находя, ч: крайне предосудительное направление журнала «Отечественные Записки» с полною: ностью выразилось в статье Николадзе о «Луи Блане и Гамбетте» и что предупреждени: редактору не могут иметь практического значения, полагали необходимым объявить эт: му изданию второе предостережение в лице издателя Статского Советника Андре: Краевского и редактора Действительного Статского Советника Михаила Салтыкова.

Председатель же С.-Петербургского Цензурного Комитета, Тайный Советник Петров: вполне соглашаясь с большинством Членов Совета о необходимости объявить журналч:

второе предостережение, вместе с тем полагал нужным предупредить редактора журнала, что на будущее время по отношению к статьям, предосудительным по своей тенденциозности, не будут допускаемы между цензурой и редакцией так называемые accommodations и что помещение таких статей в представленных в цензуру экземплярах неминуемо повлечет за собою соответствующую меру взыскания.

Таким образом большинство (десять членов в том числе Председательствующий) полагает объявить второе предостережение: а меньшинство (два члена) не принимать на этот раз меры взыскания, а ограничиться предупреждением редактора и один член, — объявить предостережение и сделать внушение.

Председательствующий: Е. Феоктистов.

Члены Совета: В. Лазаревский, А. Петров, Платон Вакар, Евгений Кожухов, Николай Рыжов, Р. Фадеев, Н. Ратынский, А. Окунев, Г. Данилевский, В. Адикаевский, Ф. Еленев.

За правителя дел. С. Назаревский.

[На подлинном резолюция:]

Исполнить по мнению большинства. 22 января.

Гр. Толстой.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело Главного управления по делам печати с журналами заседаний Совета Главного управления за 1883 г.).

Таким образом, несмотря на энергичное заступничество Лазаревского, журналу все-таки было дано второе предостережение.

XII. НЕДОКОНЧЕННЫЕ БЕСЕДЫ. (Между делом)

Согласно цензурным правилам, действовавшим в России с 1865 г., книги объемом свыше 10 печатных листов освобождались от предварительной цензуры, но несколько экземпляров должны были доставляться в цензурный комитет. В случае, если комитет находил, что нет достаточного повода для ареста книги, но необходимы кое-какие сокращения или изменения, он имел право перевести книгу в категорию подцензурных.

Такая участь чуть было не постигла отдельное издание очерков Салтыкова «Недоконченные беседы. (Между делом)».

Эта книга в 13½ листов была в количестве 8 экземпляров представлена утром 12 октября 1884 г. в С.-Петербургский цензурный комитет из типографии М. М. Стасюлевича.

Вероятно то обстоятельство, что «Недоконченные беседы» печатались в шести последних номерах незадолго до того запрещенных «Отечественных Записок» и принадлежали редактору столь крамольного журнала, заставило Цензурный комитет забить тревогу.

На следующий день С.-Петербургским цензурным комитетом было послано следующее предписание:

Весьма нужное.

13 октября 1884 г. № 1452.

Г-ну Старшему Инспектору типографий в СПб.

12 сего октября представлена в Комитет из типографии Стасюлевича (Вас. Остр., 2 л., 7) отпечатанная без предварительной цензуры (по показанию типографии в количестве 3050 экземпляров) книга: «Недоконченные беседы. (Между делом)», сочинение М. Е. Салтыкова (Щедрина), СПб., 1885 г. (8°, 206 стр.).

Имею честь пок-ше просить Ваше Пр-во приказать сделать тщательное дознание, вполне ли отпечатана настоящая книга и разобран ли набор оной, — и в случае неисполнения сего условия обязать типографию, на основании примечания к 67 статье приложение к ст. 4 (прим.) Уст. Ценз. по Прод. Св. Зак. 1876 г., выпустить книгу как издание, подлежащее предварительной цензуре.

О последствиях прошу Ваше Пр-во немедленно уведомить Комитет.

Председатель
И. О. Секретаря.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета 1884 г. за № 99 «о цензурной книге» «Недоконченные беседы. (Между делом)» М. Салтыкова (Щедрина).

Понятно, зачем требовалось сохранение набора — для могущих последовать цензурных исправлений. Но цензура на этот раз опоздала, и, как видно из этого документа, цензурный комитет спохватился не в тот же день по получении экземпляров книги Салтыкова, а на следующий день.

Того же 13 октября старший инспектор типографии в С.-Петербурге Н. Никитин уже послал ответное донесение за № 1774 с приложением протокола, составленного исп. должн. инспектора типографии 5-го участка И. Острословским, в котором последний сообщал: «означенная книга отпечатана вполне, в количестве 3050 экзempl. и набор, служивший для тиснения оной, весь разобран до моего прибытия в типографию» (там же, л. 4).

Эти бумаги были получены в С.-Петербургском цензурном комитете 15 октября и в тот же день председателем комитета было послано начальнику Главного управления по делам печати следующее донесение, черновик которого сохранился в том же деле:

«Долгом считаю довести до сведения Вашего Превосходительства, что (зачеркнуто: вышедшая вчера) представленная вчера в Комитет бесцензурная книга Салтыкова под заглавием «Недоконченные беседы» заключает в себе фельетоны Щедрина, которые под заглавием «Между делом» появились в последних 6-ти книжках «Отечественных Записок». Предметом этих ежемесячных фельетонов были события (зачеркнуто: особенно обращавшие на себя внимание сатирика), происшедшие в течение месяца, которые давали более или менее пригодный материал для сатирических очерков.

Очерки эти изложены с тою же тенденциозностью и пессимизмом, с тем же грубым глумлением над обществом, которыми отличаются все произведения Салтыкова, но по мнению цензора, которое я вполне разделяю, эти очерки не настолько вредны, чтобы (зачеркнуто: вследствие) по поводу их (зачеркнуто: арестовать) задерживать книгу.

Я полагаю, что прекращение «Отечественных Записок», редактором которых был Салтыков, не находилось ни в какой (зачеркнуто: нибудьпричинной) связи с этими очерками.

Вследствие сего Комитет (зачеркнуто: не принял никакого... сделал... не принял никаких мер... и... против) не видел основания препятствовать выпуску книги в свет.

15 октябр[я] 1884 г.»

(Там же, л. 5.)

В этом донесении любопытна фраза: «Представленная вчера в комитет... книга Салтыкова». На то, что это не было простой опиской, указывают зачеркнутые слова «вышедшая вчера», свидетельствующие об обдуманной формулировке.

Повидимому председатель Цензурного комитета хотел замазать всю оплошность и скрыть неудачную попытку подвергнуть цензуре «Недоконченные беседы».

Впрочем это только могло казаться Петрову «оплошностью». На деле, если бы он сразу по получении книги послал инспектора, все равно результат был бы тот же.

Вот что писал Салтыков В. М. Соболевскому 14 октября 1884 г.: «Я издаю книжку разных мелких статей и в пятницу она отправлена была в цензуру. В субботу уже приходил в типографию инспектор узнать, разобран ли весь набор. Если б хотя один лист был не разобран — тогда всю книгу подвергли бы цензуре, но оказалось, что типография Стасюлевича настолько искусна, что отправила книжку в цензуру не прежде, как разобрав весь набор» (см. ст. В. Розенберга «Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей». — «Русские Ведомости», сборник статей, М., 1913 г., стр. 189 и М. Е. Салтыков. «Неизданные письма», под ред. Н. В. Яковлева. — «Academia». М. — Л., 1932, стр. 171).

XIII. СКАЗКИ

«Сказки» Салтыкова, печатавшиеся в разных периодических изданиях и в разные годы — в «Отечественных Записках», «Вестника Европы», «Неделе» (1885), «Русских Ведомостях» (1886), не раз вызывали столкновения с цензурой.

В 1885 г. небольшой инцидент произошел из-за сказки «Неумный Трезор», напечатанной в февральской книжке «Недели».

О рискованности помещать эту сказку в печати хорошо знал и сам Салтыков, да она и появилась почти случайно. Вот что писал Салтыков редактору «Русских Ведомостей» В. М. Соболевскому 9 января 1885 г.: «Так как ко мне приступает Гайдебуров⁴, чтобы я что-нибудь дал ему в «Неделю», то я и отдал ему сказку, хотя и уверен заранее, что он от нее откажется. Не сочтите, пожалуйста, что это с моей стороны уловка: истинно Вам говорю, что сказка не годится для Вас и что я совсем не желаю, чтобы «Русские Ведомости» ради меня чем-нибудь рисковали» (М. Е. Салтыков. «Неизданные письма». — «Academia», 1932 г., стр. 188).

Неожиданно для Салтыкова Гайдебуров поместил сказку. С.-Петербургский цензурный комитет послал в Главное управление по делам печати выписку из журнала своего заседания:

Журн. засед. 30 января 1885 г.

Ст. 8.

Доклад цензора Ведрова о февральской книжке издаваемого при газете «Неделя» «Журнала Романов и Повестей» «Неделя» февраль 1885.

В книжке этой обращает на себя внимание цензуры сказка Щедрина — «Неумытый Трезор». Произведение это возбуждает внимание читателя и заставляет его делать разные предположения. — Купец московский 2 гильдии Воротилов выбрал пса Трезорку после многих испытаний сторожем своего имущества. Охраняющий пес умел и во время общего собачьего стона выказать свой собственный, свободный и трезвенный лай (7). Случайно сон Трезорки указал хозяину на необходимость его замены, нашлась Арапка у Калужских ворот, обученная бескорыстно Трезоркою всем приемам подлинного купеческого пса (8).

Трезорка опаршивел. Решено утопить. Арапка изгнала Трезоркин образ из сердца купца Воротилова.

Давая место и обширный простор догадкам, по известной тенденциозности автора, статья эта возбуждает страсти и очень прозрачно характеризует неблагоприятность высших к их адептам. — Охранительная партия, имевшая в Трезоре верного представителя, опозорена его ужасною смертию.

На основании этого цензор считает необходимым довести до высшего сведения статью, дающую повод к разным предположениям, унижающим сохранение порядка в обществе.

Цензор В. Ведров

30 янв.

1885.

Определено: Признавая статью по тенденциозности неудобною, потребовать от редакции ее исключения, о чем предварительно доложить Начальнику Главного Управления по делам печати.

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 16 за 1866 г. по изданию газеты «Неделя», л. 235.)

Неосновательность этой цензурной меры бросилась в глаза даже такому придирчивому, по отзывам Салтыкова, человеку, каким был начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов. От него в ответ на донесение в Цензурном комитете была получена следующая записка:

«Конечно, эта сказка не без намеков, как все, что пишет Салтыков, но намеки тут не так ясны, как в других писаниях. Конечно, можно потребовать исключения этой статьи, но неудобство состоит в том, что это обратит на нее внимание, будут читать ее в отписках или в рукописи. Впрочем, если редактор уже вызван, то нельзя отступать.

Я должен впрочем заметить, что если бы он отказался исполнить наше требование, то мы были бы поставлены в самое неприятное положение, ибо представить книжку, из-за сказки, в Комитет Министров не было бы никакой возможности. На будущее время, прежде чем вызывать редакторов, нам следовало бы согласиться относительно подобной меры.

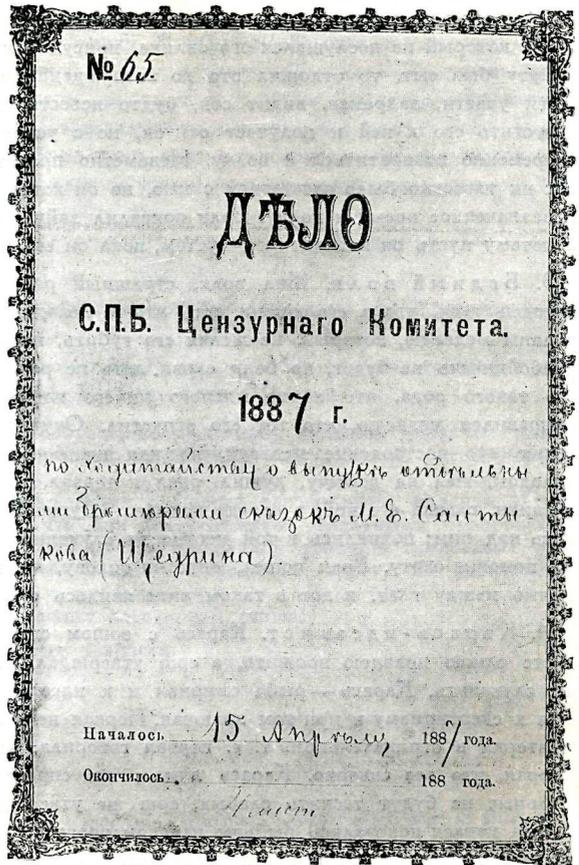
Искренно преданный

Е. Феоктистов

(Там же, л. 236.)

Очевидно редактор не был вызван, так как сказка была все же помещена в «Неделе». В 1887 г. Салтыков предполагал издать свои «Сказки» дешевыми брошюрами для массового их распространения, но цензура категорически воспрепятствовала этому. Любопытно, что отдельное издание «Сказок» уже вышло в 1886 г. и что как-раз в то время, когда разбирался вопрос об издании «Сказок» в виде брошюр, в цензурном комитете было разрешено второе издание «Сказок», куда входили все сказки, предназначавшиеся для издания брошюрами. Почему же цензурный комитет, разрешив два издания «Сказок», воспротивился этому удешевленному изданию? Ответом на это служит выписка из журнала заседания С.-Петербургского цензурного комитета.

ОБЛОЖКА ДЕЛА С.-ПЕТЕРБУРГ-
СКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА
1887 г. О «СКАЗКАХ» ЩЕДРИНА,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ДЛЯ ПОЛУ-
ЧЕНИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЬ
ИХ ОТДЕЛЬНЫМИ ДЕШЕВЫМИ
БРОШЮРАМИ ДЛЯ МАССОВОГО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ
Ленинградское отделение
Центрархива

Журн[ал] Зас[едания] 15 апреля 1887 г., ст. 14. Доклад цензора⁵ о «Сказках» — М. Е. Салтыкова (Щедрина), представленных для дозволения отдельными брошюрами.

Намерение г. Салтыкова издать некоторые свои сказки отдельными брошюрками, стоящими не дороже трех копеек, а следовательно для простого народа, более нежели странно. То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки — та же сатира, и сатира едкая, тенденциозная, более или менее направленная против общественного и политического нашего устройства. В них предаются осмеянию не только пороки, но и установленные власти, и высшие сословия, и установившиеся национальные привычки. Сказки эти, появляясь по временам в периодических изданиях, постоянно возбуждают в наблюдающей за прессою власти сомнение о том, не следует ли их воспретить. И такого-то рода произведения г. Салтыков желает пропагандировать между простым, необразованным населением. Не в такой пище нуждается простой народ, нравственность которого и без того не бог знает как устойчива. В удостоверение вредного направления этих сказок цензор считает долгом вкратце изложить содержание тех 7 сказок, о разрешении которых для отпечатания отдельными дешевыми брошюрками ходатайствует г. Салтыков, при чем имеет честь объяснить, что эти сказки в ряду его сказок еще одни из самых невинных.

1. Премудрый пискарь. Эта сказка имеет целью изобразить под видом пискаря плачевное положение глуповатого и честного человека, которого глупостию желает воспользоваться каждый для легкой наживы. Для рыб такая плачевная участь заключается в ловле их на уху, и вот старый пискарь, рассказывая свои похождения, дает советы неопытным рыбам, как избегнуть смертоносных орудий сетей и уды, и советует делать моцион лучше всего ночью, когда люди, звери, птицы и хищные рыбы спят, а днем сидеть у себя в норе и дрожать.

2. Самоотверженный заяц. Однажды волк, встретивши зайца, которого окликнул и который не послушался его оклика, присудил к растерзанию; но так как в данную минуту был сыт, то отложил это до возвращения аппетита. И вот заяц, в ожидании своей участи, задремав, видит сон, будто невеста его заболела; он упрощает волка отпустить его к ней и получает отпуск, но с условием, чтобы по прошествии недели непременно возвратиться к волку. Незаметно пролетело около возлюбленной время и как ни тягостно было расстаться с нею, но он хотел сдержать данное слово и вернулся в назначенное время к волку. Волк похвалил зайца и сказал, что зайцам верить можно, а потому пусть он посидит под кустом, пока он его не съест.

3. Бедный волк. Жил волк, страшный разбойник, который под старость стал догадываться, что в его жизни есть что-то неладное. Тут попался он как-то случайно в лапы медведю, который, не желая его губить, потребовал от него слова, что он более разбойничать не будет, но волк слова дать не решился, так как, объяснил он, натура его такого рода, что кроме мясного ничего не принимает. Этот честный ответ так понравился медведю, что тот его отпустил. Очутившись на свободе, волк было хотел выполнить наставление медведя, но как ни боролся со своими страстями, мучимый голодом, шел на добычу, душил, рвал и терзал. И начал он звать к себе смерть, но мужики, слыша его вой, в страхе вопиали: «Душегуб, душегуб!» Наконец смерть сжалась над ним; появились в той местности «лукаши» и соседние помещики устроили при их помощи охоту. Волк пошел, опустив голову, на встречу смерти. Вдруг его ударило прямо между глаз, и вот в таком виде явилась смерть-избавительница.

4. Карась-идеалист. Карась с ершом спорил. Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить, а ерш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтоб не слукать. Карась — рыба смиренная и к идеализму склонная; ерш же рыба склонная к скептицизму и при том колючая. Первая вела свой спор в положительном смысле, а вторая в отрицательном, т. е. первая говорила, что в рыбьем царстве все хорошо, а вторая, что все скверно. Карась думал, что справедливость в мире восторжествует и сильные не будут теснить слабых, ерш же утверждал, что этому никогда не бывать. Слова карася показали рыбьим властям предосудительными и возмутительными, щука не могла перенести их и проглотила карася, чем рыбы диспуты и кончились.

5. Соседи. В некотором селе жили два соседа: Иван Богатый да Иван Бедный; оба они были хорошие люди, оба любили поболтать. Так иногда Иван Богатый рассуждал о том, как чудно на свете устроено, что человек, который постоянно в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе; а который при полезном досуге состоит, у того и в будни щи с убойной. На эту тему оба соседа вели постоянно между собою разговоры. В конце они пришли к ясному пониманию этого обстоятельства; по их мнению оно происходит от того, что Иван Бедный живет на распутии, а жилище у него не то изба, не то решето дырявое. Вот богатство-то и течет все мимо да сквозь, потому задержки себе не видит. А Богатый Иван живет у самого стока, куда со всех сторон ручьи бегут; хоромы у него просторные, справные, частоколы кругом выведены крепкие, притекут к его жительству ручьи с богатством — тут и застрянут.

6. Христова ночь (предание). Здесь сатирик рассказывает о воскресающей природе в Христову ночь, о том как к воскресшему богу в полночь пошли навстречу люди плачущие, согбенные под игом работы и загубленные нуждою, и как их ободрил и обнадежил Воскресший; как за убогими выступили богатые мироеды, жестокие правители, душегубы, лицемеры, ханжи и неправедные судьи, одним словом те, которым хорошо живется на свете и которых Воскресший также не оттолкнул от себя, но при этом строго упрекал в сделанных злодеяниях и усовещевал обратиться на путь истинный. Но в эту самую минуту в редееющем сумраке леса выступила безобразная человеческая масса, качающаяся на осине, то была голова повесившегося предателя, который сам совершил суд над собою. Увидев это зрелище, Воскресший обратился к нему со словом негодования и проклятия; ему, вообразившему единым мигом избавиться от давившего его позора, Воскресший возвратил жизнь, но не для прощенья его, а для вечного наказания, как за самое гнусное преступление.

7. Рождественская сказка. В этой сказке проводится мысль о необходимости стоять за правду и бороться за нее всю жизнь. Приводится рассказ о том, как малолетний мальчик, единственный сын бедной матери, слышавший в день Рождества проповедь в церкви о том, как надо служить правде, т. е. любить ближнего, как самого себя, под впечатлением ее так наэлектризовался этою мыслию, что всюду искал правды, но встречая одну несправедливость во всех людских поступках, не мог перенести этой жизни и, схватив горячку, скончался в самом непродолжительном времени на руках матери.

2 апреля 1887 г.

Цензор Лебедев.

Определено: Сказки, по явной неблагонамеренной тенденции их, к напечатанию отдельными брошюрами не дозволять.

(Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 65 за 1887 г. по ходатайству о выпуске отдельными брошюрами сказок М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Таким образом цензура, приняв в соображение дешезизну издания, испугалась массового распространения «Сказок» и широкой пропаганды салтыковской сатиры среди беднейшего населения.

Неудачей окончилась и попытка разрешения в России заграничного издания «Сказок», отчасти также вследствие того, что они были изданы отдельными брошюрами. 17 марта 1890 г. С.-Петербургский комитет иностранной цензуры представил эти брошюры в С.-Петербургский цензурный комитет с запросом, «могут ли означенные брошюры быть допущены к обращению в публице».

Цензор В. Ведров дал об этих изданиях следующий отзыв:

«1) Новые сказки для детей изрядного возраста.

1) Добродетели и пороки.

2) Медведь на воеводстве.

Топтыгин I

Топтыгин II

Топтыгин III

3) Вялая вобла Щедрина. Genève. Elpidine. Librairie-editeur, 3 Rue des Alpes. Стр. 36.

2) Три сказки для детей изрядного возраста.

1) Премудрый пискарь.

2) Самоотверженный заяц.

3) Бедный волк. Н. Щедрина. Женева. Elpidine. Librairie-editeur, 1883, стр. 24.

3) Чужую беду руками разведу. Н. Щедрина, Prix 1 fr. Genève. Elpidine, Librairie-editeur, 1880 г., стр. 32.

4) От нечего делать, собрание повестей и рассказов русских авторов. Развеселое житье Н. Щедрина. Ночлег и сцены в больнице В. А. Слепцова. Акулькин муж Ф. М. Достоевского. Prix 1 franc. Genève. M. Elpidine, Librairie-editeur, 3 Rue des Alpes, стр. 92.

Все эти произведения, вырванные из полных сочинений, особенно из произведений сатирика Щедрина, известны русским читателям, но здесь по фирме издателя — Эльпидина и места издания — Женевы имеют особенно тягостное и вредное влияние.

Они все запечатлены характером ненависти к русской жизни и ее безотрадному положению.

Вот например что говорится в одной из них в сочинении Щедрина «Добродетели и пороки» на первых страницах (стр. 2):

«вот погодите! ушлют вас уже за ваши дела на каторгу». А пороки между тем все вперед да вперед бегут, да еще и похваляются. «Нашли, говорят, чем страшать — каторгой! для нас-то либо будет каторга, либо нет, а вы с самого рождения в ней по уши сидите и т. д.

Да вот одни свойства в бархате щеголяют и на золоте едят, другие в затрапезьи ходят да по целым дням не евши сидят» (там же, л. 3).

Такой подбор, такая намеренная злость из обыкновенных бытовых сцен, хотя и проникнутых юмором необыкновенным, сделать обвинение всей русской жизни, бросить в нее тень отупения: «ни зла, ни добра», как доказывается в рассказе Щедрина «Чужую беду руками разведу», заставляет нас думать, что враги России изыскивали все средства подчеркнуть мрачное в нашей жизни, иллюстрировать из нашей литературы сатирические пригодные к тому места и поднести «детям изрядного возраста». Особенно выдаются три сорта Топтыгиных — «Медведей на воеводстве».

Цензор полагает, несмотря на известное содержание брошюр, не допускать их в русскую публику, как особенно предназначенные волновать умы истолкованием русской жизни в злонамеренном духе.

Вот объявление издателя к одной из брошюр «Чужую беду» и т. д.:

«Настоящая статья долго ходила в рукописи по рукам пространной России и, как только попала за границу, она подверглась печатанию. Нужным считаю известить русскую публику, что статьи, не пропущенные или изуродованные Цензурным К-том, будут и впредь мною издаваемы, если содержание их интересно и современно.

Издатель М. Э л п и д и н

21 марта 1890 г.

Цензор В. В е д р о в »

(Ленингр. отделение Центрархива. Дело С.-Петербургского цензурного комитета № 2 за 1890 г. «О русских книгах, напечатанных за границей», л. 2.)

На основании этого отзыва С.-Петербургский цензурный комитет определил:

«Принимая во внимание несомненный тенденциозный и вредный характер докладываемых цензором сочинений Щедрина, терпимых внутри России лишь в полном собрании сочинений, уведомить Комитет Цензуры Иностранной, что все 4 брошюры не могут быть дозволены к обращению в публике».

(Там же, л. 4).

XIV. СНОШЕНИЯ САЛТЫКОВА С ГЛАВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В ГОДЫ РЕДАКТИРОВАНИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Сношения М. Е. Салтыкова-Щедрина с Главным управлением по делам печати относятся преимущественно к тому времени, когда он стал «ответственным» редактором «Отечественных Записок».

В 1868 г., с переходом этого журнала в руки народнической редакции с Н. А. Некрасовым во главе, была предпринята попытка добиться утверждения редактором его Некрасова. Об этом свидетельствуют следующие два документа:

1

В Совет Главного Управления по делам печати.

Статского Советника Андрея Александровича Краевского

П р о ш е н и е

Представляя при сем удостоверение г. Некрасова о согласии принять на себя, если будет дозволено Правительством, ответственную редакцию журнала «Отечественные Записки» в течение шести лет, т. е. с 1868 г. до 1876 г., честь имею просить Главное Управление по делам печати разрешить мне означенную передачу редакции г. Некрасову, при чем издателем журнала во все означенное время останусь попрежнему я, нижеподписавшийся.

Статский Советник Краевский

9-го апреля 1868 г.

С в е р х у приписка другой рукой: «По докладу 12 апреля разрешения не последовало».

2

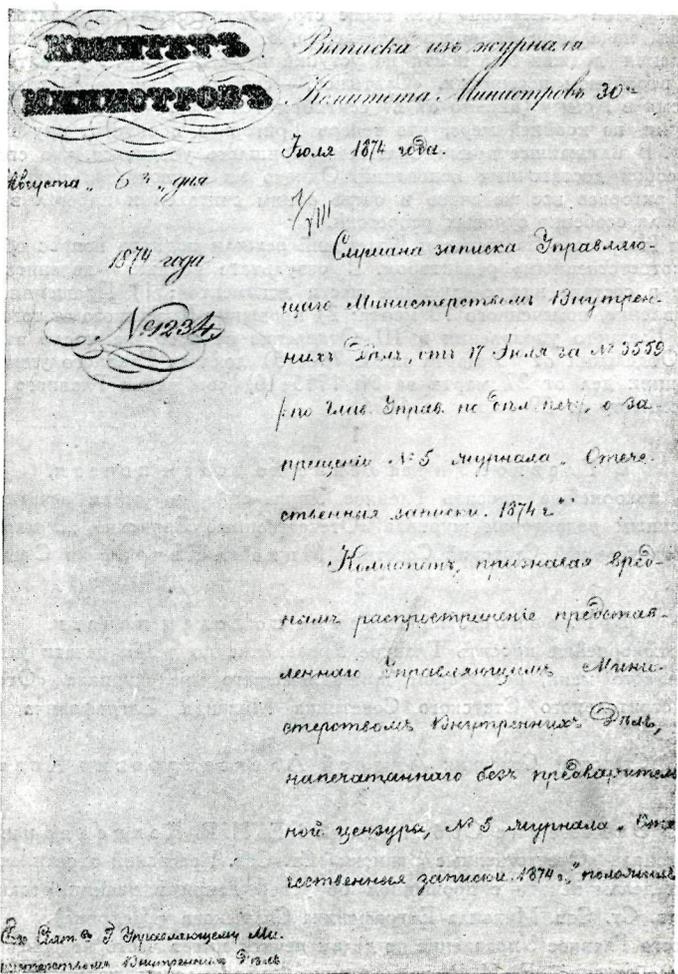
В Совет Главного Управления по делам печати.

Сим честь имею удостоверить, что я, нижеподписавшийся, согласен принять на себя ответственную редакцию журнала «Отечественные Записки», издаваемого г. Краевским, если на то последует дозволение Правительства.

Дворянин Николай Алексеев Некрасов.

апреля дня 1868 г.

Жительство имею: на Литейной, в д. Краевского.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ОТ 30 ИЮЛЯ 1874 г. О ЗАПРЕЩЕНИИ № 5 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» В ВИДУ «ПРЕДОСУДИТЕЛЬНОСТИ» ПОМЕЩЕННЫХ В НЕМ СТАТЕЙ ЩЕДРИНА (IX ГЛАВА «ВЛАГОНАМЕРЕННЫХ РЕЧЕЙ»), УСПЕНСКОГО, МИХАЙЛОВСКОГО И КРОТКОВА

Ленинградское отделение Центрархива

16 апреля Краевский получил официальное уведомление за № 795, что «разрешения г. министра на утверждение Некрасова редактором не последовало». С тех пор «ответственным» редактором, равно как и издателем «Отечественных Записок», подписывался он сам. Вследствие этого и сношения с Главным управлением лежали главным образом на Краевском. Однако в некоторой мере в них принимал участие и Некрасов, которому в редакционном триумвирате журнала (Некрасов — Елисеев — Салтыков) принадлежало

первое место. В 1876 г. здоровье Некрасова настолько ухудшилось, а в 1877 г. болезнь его приняла такой тяжелый оборот, что от редакционных дел ему пришлось вовсе отстраниться. Из дневника А. А. Буткович известно, что даже в тех случаях, когда отношения с цензурой принимали особенно неблагоприятное течение и она покушалась на арест книжек журнала, Елисеев и Салтыков не решались посвятить в это Некрасова из понятного опасения нарушить покой умирающего человека. Неудивительно, что в эти годы в редакции «Отечественных Записок» очень возросло значение Салтыкова, являвшегося к тому же одним из самых популярных и, если говорить о передовых кругах общества, то и одним из самых авторитетных писателей эпохи. Естественно, что в это время ему нередко приходилось бывать в цензурных инстанциях. Об одном из его визитов в Главное управление, относящемся к 1876 г., упоминается в нашей статье «Цензурные мытарства Салтыкова» (см. выше стр. 232). Принявший Салтыкова весьма нелюбезно новый начальник Главного управления В. В. Григорьев под давлением общественного мнения должен был пойти на уступки и даже просить у Салтыкова извинения при его вторичном посещении. «Салтыков, — сообщал Елисеев Некрасову, лечившемуся это время в Крыму (письмо от 27 сентября 1876 г.), — видимо остался доволен приемом. Говорит, по крайней мере, что теперь Григорьев пропустит ему все, что бы он ни написал». В ближайшее время Салтыкову пришлось убедиться, что его оптимизм не имеет под собой достаточных оснований. Однако из приводимых ниже документов явствует, что Григорьев все же очень и очень с ним считался и избегал в отношении его и его журнала особенно суровых репрессий.

После смерти Некрасова Салтыков и Краевский решили поднять вопрос об утверждении первого «ответственным» редактором. В результате возникла переписка, которую мы и печатаем в составе нижеследующих шести документов: 1) Прошения Салтыкова в Главное управление, помеченного 10 марта; 2) прошения Краевского от того же числа; 3) отношения Главного управления в III Отделение от того же числа за № 1409; 4) ответа III Отделения от 13 марта за № 780; 5) доклада Главного управления министру внутренних дел от 27 марта за № 1715; 6) сообщения Главного управления Цензурному комитету от 29 марта за 1871.

1

В Главное Управление по делам печати.

Имею честь покорнейше просить Главное Управление по делам печати утвердить меня ответственным редактором журнала «Отечественные Записки» .... марта 1878 г.
Действительный Статский Советник Михаил Евграфов Салтыков.

2

В Главное Управление по делам печати.

Имею честь покорнейше просить Главное Управление по делам печати утвердить ответственным, вместо меня, редактором принадлежащего мне журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова.
Марта 1878 г.

Статский Советник Андрей Александрович Краевский.

3

В III Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии.

Издатель журнала «Отечественные Записки» Ст. Сов. Краевский обратился в Главное Управление по делам печати с прошением об утверждении в звании редактора этого журнала Действ. Ст. Сов. Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

Вследствие сего Главное Управление по делам печати имеет честь покорнейше просить III Отделение собственной Е. И. В. канцелярии об уведомлении, не имеется ли в оном сведениях, могущих служить препятствием к удовлетворению вышеуказанного ходатайства.

И. д. Начал. Гл. Упр. по д. печати В. Григорьев.

Правитель Дел В. Адикаевский.

4

В Главное Управление по делам печати.

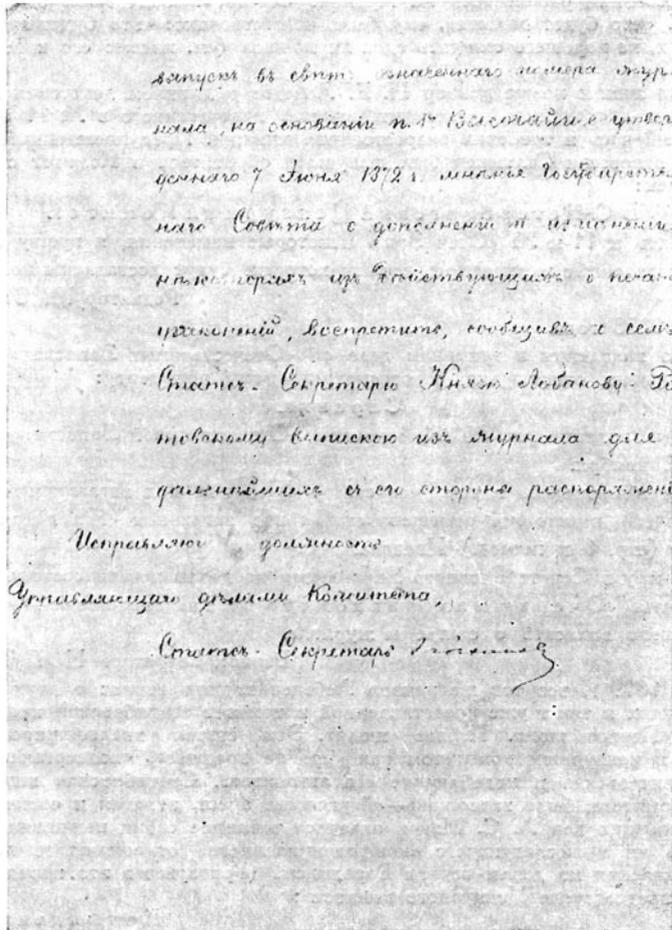
Вследствие отношения от 10-го марта за № 1409, имею честь уведомить, что со стороны 3-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии нет препятствий к утверждению в звании редактора журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова.

Управляющий 3 Отделением Собственной Его Величества Канцелярии...

С боку рукою В. В. Григорьева: «Представить об утверждении г. Салтыкова. В. Г.»

Издатель журнала «Отечественные Записки» Статский Советник Краевский обратился в Главное Управление по делам печати с прошением об утверждении в звании редактора этого издания Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

В виду неимения препятствий к удовлетворению вышеназванного ходатайства со стороны III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, я полагаю бы возможным утвердить г. Салтыкова в звании редактора вышеназванного

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВ О ЗАПРЕ-
ЩЕНИИ № 5 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» ЗА 1874 г.
Ленинградское отделение Центrarхива

журнала, каковое свое заключение имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства.

И. д. Начальника Главного Управления по делам печати В. Григорьев.

С боку рукою Министра: «Утвердить 27-го мар.»

С.-Петербургскому Цензурному Комитету.

Г. Министр Внутренних Дел изволил утвердить в звании редактора журнала «Отечественные Записки» Действительного Статского Советника Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина).

Об этом сообщая С.-Петербургскому Цензурному Комитету к надлежащему сведению.

И. д. Начальника Главного Управления по делам печати В. Григорьев.

Правитель Дел В. Адикаевский.

Т. о. дело об утверждении Салтыкова тянулось менее трех недель. Благоприятный исход его был обусловлен не только «неимением препятствий» со стороны III Отделения, но и тем, что кандидатура Салтыкова была поддержана В. В. Григорьевым.

Менее приятны были сношения Салтыкова с Главным управлением, относящиеся к ноябрю 1878 г. В начале этого месяца Салтыков в качестве ответственного редактора был вызван в Цензурный комитет для официального ознакомления с замечаниями Совета Главного управления по поводу двух статей Михайловского в октябрьском номере. Салтыкова заставили расписаться на журнале Совета, заключавшем эти замечания, и на вопрос его, «что будет дальше», ему было ответствовано: «это будет зависеть от Вашего поведения, но хорошего ожидать едва ли можно» (см. письмо его к Михайловскому от 7 ноября).

Несколькими днями позже цензор Н. Е. Лебедев в длинном донесении в Цензурный комитет доказывал «крайнюю предосудительность» напечатанного в № 11 очерка Салтыкова «В добрый час» и требовал заарестования книжки. Предупрежденный об угрожающей журналу репрессии Салтыков был вынужден обратиться в Комитет с нижеследующим заявлением:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Желая сделать в 11-м № «Отеч. Зап.» некоторые изменения, я прошу Комитет возвратить представленные экземпляры, взамен которых будут доставлены новые.

Редактор М. Салтыков.

18 ноября 1878 года.

Кроме этого заявления в архивном деле об «Отечественных Записках» имеется еще следующая справка, относящаяся к рассматриваемому инциденту:

Справка.

Исправленные экземпляры № 11 журнала «Отечественные Записки» представлены в Комитет 22 ноября.

Исправление заключалось в том, что статья Шедрина под заглавием «В добрый час» — исключена, вместо нее помещена статья под заглавием «Из деревенского дневника» (стр. 6 и послед.) Иванова.

По сему номеру в Совете Главного Управления по делам печати состоялось постановление — по статье «Очерки мало знакомого быта» Ивановича — рисующей быт военных — решено записать о статье в журнале.

Верно: Секретарь Н. Пантелеев.

В сентябре 1879 г. все тот же цензор Лебедев поднял вопрос о двух статьях Салтыкова, вошедших в текст уже представленной в комитет сентябрьской книжки — «Finis Monreпо» и «Первое июня. Первое июля». Эти статьи квалифицировались цензором, а затем и цензурным комитетом как «крайне вредные», «подвергающие осмеянию действия правительства и колеблющие его авторитет». Сентябрьская книжка, по распоряжению Комитета, была задержана — ей угрожал арест, а затем и сожжение. Однако министр внутренних дел Л. С. Маков оказался терпимее своих подчиненных. Об этом можно судить из нижеследующего «конфиденциального» отношения и. д. начальника Главного управления по делам печати Варадинова (Григорьев в это время был в отпуску) на имя председателя Цензурного комитета:

Конфиденциально.

Его Превосходительству А. Г. Петрову.

Милостивый Государь Александр Григорьевич!

Г. Министр Внутренних Дел на докладе моем о задержании № 9 журнала «Отечественные Записки» извоила положить следующую резолюцию: «Согласен, но нахожу, что первоначально можно было бы предложить Редакции исключить или изменить неудобные места из статьи и если Редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона».

Сообщая об этом к надлежащему исполнению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня о последующем.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Варадинов.

Получив это отношение, председатель Цензурного комитета уведомил, надо думать, Салтыкова о том, что дело еще можно уладить, и Салтыков поспешил направить в Цензурный комитет следующее заявление:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

В виду предполагаемых изменений в 9-м № «Отеч. Записок», имею честь покорнейше просить о выдаче заарестованных книг журнала для исправлений. По исполнении сего, требуемое количество экземпляров будет представлено в Комитет вновь. 17 сентября 1879 г.

М. Салтыков.

Однако этим заявлением мытарство сентябрьской книжки не закончилось, и Салтыкову пришлось обращаться по поводу ее выпуска к секретарю Комитета Н. И. Пантелееву.

Милостивый Государь Николай Иванович!

Александр Григорьевич обещал мне выпустить книгу 9-й № «Отеч. Зап.» по сличении сделанных исправлений. Между тем потребовались самые вырезки, и это замедлило выпуск книги. Ныне же вырезки готовы, да Инспектор типографии занят. Так что вряд ли даже и в субботу № выйдет. Нельзя ли Вам принять в этом деле участие и попросить Александра Григорьевича хоть частным образом убедиться, что вырезки сделаны, и выпустить книгу.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Михаил Салтыков.

20 сентября.

В начале 1880 г. цензор Лебедев предпринял новую атаку на салтыковский журнал. Подробно разбирая целые пять статей № 2, он обвинял редакцию в том, что она стремится «возбудить и без того без меры возбужденные страсти молодых людей» (рассказ Осиповича-Новодворского «Записки молодого человека»), что она рисует современную общественную жизнь каким-то тяжелым «кошмаром», созданным реакцией и «литературой ретирадников» (очерк Щедрина «Вечерок»), что она подрывает доверие к государственной росписи (статья «Финансовые итоги последних лет»), что, с сочувствием говоря об общественном движении царствования Александра II, «гнусные подвиги социалистов» считает «естественным ходом борьбы»; что она не удовлетворена результатами крестьянской реформы и обвиняет в обезземелении крестьянства привилегированное сословие («Внутр. обозрение») и что, наконец, сообщение о покушении Степана Халтурина поместила в конце книги и не выразила ему осуждения. На этих основаниях цензор и Цензурный комитет настаивали на аресте книжки. Слухи о надвигающейся грозе замедлили дойти до Салтыкова, и он поспешил обратиться к В. В. Григорьеву с нижеследующим письмом от 17 февраля⁶:

Милостивый Государь Василий Васильевич.

До меня дошел слух, что по поводу № 2 «Отечественных Записок» встречены некоторые цензурные недоразумения. А так как для пользы дела собственно все равно, ежели недоразумения эти будут разрешены негласным путем, то не будете ли Ваше Превосходительство столь добры сделать распоряжение о предъявлении мне, что именно подало повод к затруднениям. Я надеюсь, что с исполнением этого дело уладится само собой.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугой.

М. Салтыков.

В. В. Григорьев, предугадывая, что в программу только что начавшейся диктатуры гр. Лорис-Меликова входит некоторое смягчение цензурной практики, склонен был удовлетворить просьбу Салтыкова, как это видно из его, составленного впрочем в очень осторожных выражениях, сообщения министру:

«Прочитав со вниманием те статьи февральского №-ра «Отечественных Записок», которые кажутся Цензурному Комитету столь вредными, что он представляет о задержании этого №-ра и внесении его в Комитет Министров, — я нахожу, что вред от этих статей не таков, чтобы Комитет Министров нашел справедливым и необходимым уличить жонглировать из-за него всю февральскую книгу «От. Записок». Мне кажется, что по выходе этой книги в свет достаточно было бы дать изданию предостережение.

Затем, издатель Салтыков изъявляет готовность исключить из этой книги все, что затрудняет в ней цензуру: тогда можно будет обойтись и без предостережения.

Как изволите приказать — внести книгу в Комитет Министров, выпустить ее, имея в виду дать предостережение, или наконец — допустить издателя сделать исключения, какие потребует цензура?

17 февраля.

В. Григорьев.

Министр положил на докладе резолюцию: «Допустить издателя сделать исключения тех мест, на которые обращено внимание цензуры. Маков».

О выяснившейся возможности компромисса было сообщено Салтыкову, и он направил в цензурный комитет следующее заявление (от 18 февраля):

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Желая сделать изменения в февральской книжке «Отечественных Записок», покорнейше прошу возвратить представленные экземпляры этой книги, взамен которых будут доставлены новые.

Редактор М. Салтыков.

Летом 1880 г., собираясь за границу, Салтыков адресовал в Главное управление заявление следующего содержания:

В Главное Управление по делам книгопечатания.

Отправляясь за границу для лечения, на время от двух до трех месяцев, и не слагая с себя ответственности по редактированию журнала «Отечественные Записки», имею честь покорнейше просить Главное Управление на случай каких-либо справок, или для объявления Правительственных распоряжений обращаться, во время моего отсутствия, к Александру Михайловичу Скабичевскому, жительствоющему по Надеждинской улице, дом № 18, в квартире г. Елисеева.

М. Салтыков.

13 июня 1880 г.

Новый начальник Главного управления сенатор Абаза счел необходимым осведомить о содержании этого заявления С.-Петербургский цензурный комитет для «надлежащего сведения» (от 14 июня № 2333).

Подобное же заявление было направлено Салтыковым в Главное управление и летом 1881 г.:

В Главное Управление по делам печати.

Редактора журнала «Отечественные Записки» М. Е. Салтыкова.

Выезжая за границу на недолговременный срок, я, не снимая с себя ответственности по журналу, имею честь покорнейше просить Главное Управление обращаться, в случае надобности, по делам журнала к г. Скабичевскому.

М. Салтыков.

17 июня 1881 г.

Автору этих строк уже приходилось останавливаться в печати на истории исключения из № 9 «Отечественных Записок» 1881 г. третьего «Письма к тетеньке», направленного против «Священной Дружины» (см. книгу «В тисках реакции», стр. 87—90). Министр внутренних дел гр. Игнатьев пожелал переговорить по этому делу с Салтыковым, как это видно из следующей записки и. д. начальника Главного управления кн. П. Вяземского от 17 октября 1881 г. за № 4033:

Его Превосходительству М. Е. Салтыкову.

И. д. начальника Г. У. п. д. п., свидетельствуя совершенное почтение Михаилу Евграфовичу Салтыкову, имеет честь уведомить, что его Сиятельство г. Министр может принять Его Превосходительство завтра 18 октября в 12 $\frac{3}{4}$ по полудни.

Если г. Министр в назначенное время должен будет отправиться в Гатчино, то об этом последует особое извещение с назначением другого дня.

О результатах своего свидания с министром Салтыков рассказывает в письме к Елисееву от того же 18 октября: «Я получил приглашение явиться к министру внутренних дел, и именно сейчас только что от него приехал. Граф Игнатьев принял меня крайне любезно и объяснил, почему он считал невозможным пропустить третье «Пись-

мо к тетеньке»,— так как оно возбудило бы столько неудовольствий, против которых он ничего не мог бы сделать. Между прочим сказал, что давал читать это письмо государю, и государь, ничего не имея по существу, тем не менее согласился, что печатание письма было бы неуместным и возбудило бы много неудовольствий». Затем Салтыков сообщал Елисееву, что он «этим свиданием очень доволен» еще и потому, что в ответ на прямой вопрос его, «в чем заключается социалистическое направление», в котором обвиняются «Отеч. Зап.», министр только и мог указать на то, «что подследственные политические беспрепятственно ссылаются на статьи из «Отеч. Зап.» Очевидно «довольство» Салтыкова проистекало из сознания, что если бы министр был серьезно предубежден против журнала, то говорил бы с ним в совершенно ином тоне. Как бы то ни было, третьим «Письмом к тетеньке» все же пришлось пожертвовать.

Книжечка Григорьев

Михаил Лебедев

До меня пришла книга, что по поводу 2-го и 3-го «Отечественных Записок» вышло второе издание «Отечественных Записок». В нем есть статья Лассаля о теории, которая называется «социализм» и которую вы назвали, то же самое вы, Михаил Александрович, сами делали. Этого я рассуждал и при этом чувствую, что именно тогда вы не рассуждали. В надписи, что в материале есть еще один пункт само собой.

С уважением и благодарностью передаю вам книгу Михаилу Александровичу,

с Книжечкой Григорьев,

Коллежский Секретарь

М. Вяземский

17 февраля 1880

АВТОГРАФ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К И. Д. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В. В. ГРИГОРЬЕВУ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1880 Г. С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ, ЧТО ИМЕННО ПОДАЛО ПОВОД К ЦЕНЗУРНЫМ НЕДОРАЗУМЕНИЯМ В ОТНОШЕНИИ № 2 «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» (ЦЕНЗОР ЛЕБЕДЕВ ТРЕБОВАЛ АРЕСТА КНИЖКИ)

Ленинградское отделение Центрархива

В мае 1882 г. Салтыков попробовал напечатать в виде особой статьи, под заглавием «Маленькое величие», рецензию С. Н. Кривенко на историю «Политических учений» Чичерина, уже однажды вырезанную цензурой из «Отечественных Записок». Цензурный комитет в заседании 15 мая по докладу Лебедева нашел, что статья эта, изложенная «в духе поклонения теории Лассаля и осмеяния охранительных начал Чичерина», прямо указывает на сочинения Лассаля и Маркса как на последнее слово социальной науки и тем как бы рекомендует читателям их теории, что «в ней приводится много заглавий сочинений Лассаля у нас запрещенных», что посредством нее «распространяется вредное социалистическое учение» «в настоящее время», «когда социалистические утопии и без того встречают сочувствие молодого поколения», а потому принял постановление об аресте майского номера «Отечественных Записок». Однако кн. Вяземский

очевидно не был согласен с этим решением. Вот его письмо председателю С.-Петербургского цензурного комитета от 16 мая 1882 г. за № 2285:

Доверительно.

Его Превосходительству А. Г. Петрову.
Милостивый Государь Александр Григорьевич!

Главное Управление по делам печати, согласно с заключением С.-Петербургского цензурного комитета, признавая неудобной к обращению в публике статью «Маленькое величие», помещенную в майской книжке журнала «Отеч. Зап.», признало возможным предложить редакции исключить эту статью и если редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона 7 июня 1872 года.

Сообщая об этом к надлежащему исполнению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня о последующем.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

кн. П. Вяземский.

С боку рукою Салтыкова написано: «Упомянутая здесь статья будет исключена. М. Салтыков».

Сюда же относится следующая любопытная записка А. Г. Петрова одному из его чиновников¹:

Покорнейше прошу г. Велене съездить к господину Михаилу Евграфовичу Салтыкову (живущему на Литейной, третий дом от Невского проспекта по правую руку, кажется, Красовского, где живет Победоносцев, обер-прокурор Синода) и просить его подать заявление по прилагаемому образцу, принять назад представленные экземпляры майской книжки (к которым я приложил и свои), приказать возвратить выданную квитанцию и сделать распоряжение по типографии об исключении статьи, вставке новой и невыпуске книжек, отпечатанных со статьей.

Я вчера лично был в 10 час. у Лихачева, виделся там с Салтыковым, и он обещал мне все это сделать, и дал на предписаний князя подписку в исключении статьи. Но мы обязаны следить за исполнением обещания, донося начальству. Будьте вежливы с Салтыковым. Он, разумеется, посетует на недоверие.

Приезжайте уведомить меня о последствиях.

Салтыкову ничего не оставалось, как исполнить требование председателя Цензурного комитета и подать нижеследующее заявление:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Редактора «Отечественных Записок»

Заявление

Имея намерение сделать изменения в представленной мной в Комитет Майской книжке «Отеч. Записок», а именно: исключить из Современного Обзорения статью «Маленькое Величие» (стр. 68—95), покорнейше прошу возвратить представленные экземпляры для исполнения предложенных исключений. По исполнении их, книжки в исправленном виде представлены будут вновь в Цензурный Комитет на общем основании. Мая 17 дня 1882 г.

Михаил Салтыков.

К этому же инциденту относится и следующее сообщение Петрова к кн. Вяземскому от 17 мая:

Его Сиятельству Господину и. д. Начальника Главного Управления по делам печати.

Честь имею довести до сведения Вашего Сиятельства, что редактор «Отечественных Записок» Салтыков вчера лично обещал мне исключить из Майской книжки статью «Маленькое величие» и дал в этом подписку.

Он намерен заменить статью другою, и я обещал ему, в случае видимой благонамеренности статьи, не стеснять редакцию назначением для пропуска этой новой статьи опять четырехдневного срока.

Я приму меры к тому, чтобы оформить эту сделку с редакцией «Отечественных Записок» и последить за действительным исполнением данного Салтыковым обещания.

Председатель Комитета

А. Петров.

Летом 1883 г., несмотря на то, что реакция свирепствовала во всю и вследствие этого положение журнала сделалось чрезвычайно шатким (не забудем, что в январе 1883 г. «Отечественные Записки» получили второе предостережение, средактированное в очень резких и угрожающих выражениях), Салтыков должен был, спасая свое совершенно расшатанное здоровье, выехать за границу, о чем и сообщил Главному управлению.

В Главное Управление по делам книгопечатания.

Редактора «Отечественных Записок» Действительного Статского Советника Салтыкова
Заявление

По совету врачей отправляясь на короткое время за границу и не слагая с себя ответственности по редакции «Отечественных Записок», я поручил временное заведывание редакции секретарю оной, г. Плещееву, о чем и имею честь довести до сведения Главного Управления. 15 июня 1883 г.

Редактор М. Салтыков.

В феврале 1884 г. Салтыкову, под давлением цензуры, пришлось просить о разрешении исключить из № 2 свои «Сказки»:

Имея в виду сделать исправления в февральской книжке «Отечественных Записок», представленной в Цензурный Комитет 10 февраля, прошу Комитет возвратить мне представленные экземпляры, взамен каковых будут доставлены новые исправленные⁸.

[Издатель⁹] Редактор Салтыков.

13 февраля 1884 г.

Тем же 13 февраля помечено письмо Салтыкова к Белоголовому, в котором он между прочим говорит: «Представьте мое положение: я теперь в журнале остался один со Скабичевским¹⁰, и это при неизлечимом моем недуге. Давеча меня потребовали в цензурный комитет для вырезок, так я насилу доехал. Верите ли, совершенно искренне говорю, что самое лучшее теперь было бы умереть»...

Одно из последних посещений Салтыковым Главного управления по делам печати, во главе которого стоял уже Е. М. Феоктистов, относится к марту 1884 г. О нем рассказывается в письме Салтыкова Краевскому от 9 марта 1884 г.: «Я вчера был у Феоктистова (в первый раз, хоть физиономия показалась мне несколько знакомой); он мне обещал, что не будет принято против нас мер без предварительного соглашения со мной. Это очень мало, но все-таки что-нибудь. Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать лично против меня по старому товариществу¹¹. Неприятно одно, теперь будут надоедать с вырезками... Не лишены известной доли благожелательства обещания были, надо думать, только маневром со стороны Феоктистова, ибо через какой-нибудь месяц после его беседы с Салтыковым «Отечественные Записки» подверглись окончательному запрещению, которое раз навсегда оборвало личные сношения Салтыкова с цензурным ведомством.

XV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САЛТЫКОВА В ОЦЕНКЕ ЦЕНЗУРЫ (1889 г.)

В заключение считаем безынтересным привести отзыв цензуры о всей литературной деятельности Салтыкова в целом, данный вскоре после его смерти:

Совет
Главного Управления
по делам печати.

М. В. Д.

7 декабря 1889 г.

№ 3.

...Известный писатель Салтыков (Щедрин) при несомненном своем таланте принес громадный вред общим направлением своей деятельности, направленной к осмеянию наравне с неприглядными сторонами нашей жизни и всего того, что наиболее заслуживает уважения. В 1884 году издание

журнала его «Отечественные Записки» как посвященное проповеди социалистических теорий было прекращено постановлением Соевещения четырех министров. Ныне после смерти Салтыкова «Вестник Европы» печатает целый ряд статей, в которых старается изобразить его одним из полезнейших деятелей и восстанавливает в памяти читателей все, что было предосудительного в его сочинениях.

(Ленингр. отделение Централрхива. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1884—1891 гг. Заявление председательствующего и члена Совета Новикова, наблюдающего за журналом «Вестник Европы», о предосудительном направлении этого журнала, л. 181.)

Хвалить Салтыкова и после его смерти было признаком неблагонадежности. Помещение статей с благоприятными отзывами о нем послужило одним из доказательств предосудительного характера направления «Вестника Европы», за которое журналу было объявлено первое предостережение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попечители учебных округов в то время являлись председателями цензурных комитетов.

² Рассказ Гаршина.

³ Некрасов умер, а Елисеев по болезни должен был отстраниться от участия в редакции журнала.

⁴ Редактор-издатель «Недели».

⁵ Доклад цензора (Ведрова) уже был напечатан («Красный архив» 1922 г., т. II, стр. 229—231), но в виду исключительного интереса этого доклада и сравнительно малой распространенности и специального характера издания, в котором он появился уже 12 лет назад, мы сочли нужным перепечатать его, тщательно проверив текст по оригиналу.

⁶ Это письмо уже было напечатано нами в книге «В тисках реакции» (стр. 77—78). Здесь мы помещаем его в целях полноты изложения.

⁷ Эта записка вошла в книгу «В тисках реакции» (стр. 97). Здесь мы помещаем ее для полноты изложения.

⁸ Все заявления Салтыкова в Цензурный комитет, за исключением данного, писаны его рукой. Данное же заявление написано писарским почерком, но подписано самим Салтыковым.

⁹ Слово издатель вычеркнуто в оригинале.

¹⁰ Ближайшие сотоварищи Салтыкова по работе в «Отечественных Записках» к этому времени выбыли из строя: Елисеев был болен, Михайловский выслан из Петербурга, Кривенко арестован и т. д.

¹¹ Новый министр внутренних дел гр. Толстой и Салтыков были товарищи по лицу. Толстой окончил курс в 1842 г., Салтыков же двумя годами позже.